

Российская Академия Наук
Институт философии

Н.В.Клягин

Происхождение цивилизации
(социально-философский аспект)

Москва
1996

Ответственный редактор
доктор философских наук *Л.П.Буева*

Рецензенты:

доктора философских наук:
В.М.Межуев, Ю.В.Олейников;
доктор исторических наук *Э.В.Сайко*

К 52 **КЛЯГИН Н.В. Происхождение цивилизации**
(социально-философский аспект). — М., 1996.
— 252 с.

В монографии обосновывается представление о том, что между степенями сложности технологий, практическими социумами в истории, и демографическим состоянием этих социумов издавна существовало определенное количественное соответствие. Подобная демографо-технологическая зависимость позволяет объяснить закономерную корреляцию главнейших технологических революций с демографическими взрывами. Один из них — неолитический — послужил причиной возникновения производящего хозяйства. Дальнейшее демографическое развитие ближневосточных обществ по демографо-статистическим причинам создало основу для общественного разделения труда. Этот разрушительный для целостности социума процесс был нейтрализован путем заключения социума в матрицу городской цивилизации, понимаемой как предметная форма структуры общества разделенного труда. Предложены оригинальные объяснения генезиса ведущих форм духовной жизни ранней цивилизации.

Для научных работников, всех, интересующихся проблемами генезиса цивилизации и культуры.

ISBN 5-201-01894-7

© Н.В.Клягин, 1996
© ИФРАН, 1996

Введение

Термин "цивилизация" появился в западно-европейской литературе середины XVIII в. (Тюрго, 1752 г.; Мирабо, 1757 г.; Фергюссон, 1759 г.)¹. Термин довольно быстро получил распространение и употреблялся в значении, подразумевающим культурное состояние общества, противопоставляемое варварству. Различные авторы XVIII в. вкладывали в понятие цивилизации смысл, близкий понятию наивысшего развития духовной, но также и материальной культуры. По современным представлениям, такое понимание цивилизации кажется довольно расплывчатым и интуитивным. Оно отвечает, в сущности, понятию духовной и, в гораздо меньшей мере, материальной культуры цивилизованного общества, пришедшего на смену варварскому состоянию. В настоящее время можно указать не менее трех основных значений термина "цивилизация", с двумя из которых он связывается достаточно широко.

Во-первых, понятие цивилизации может отождествляться с понятием культуры, в том числе и первобытной. Например, первый том французского коллективного труда "Французская предистория", посвященный вполне первобытному обществу, имеет симптоматический подзаголовок "Палеолитические и мезолитические цивилизации Франции"². Отдельные параграфы этого труда, посвященные региональным археологическим культурам, озаглавлены по единообразной схеме, как то: "Цивили-

¹ См.: Бенвенист Э. Общая лингвистика. М., 1974. С. 386-398; Афанасьев Ю.Н. Понятие "цивилизация" во французской историографии // Цивилизация и исторический процесс. М., 1983. С. 85.

² См.: La préhistoire française: Les civilisations paléolithiques et mésolithiques de la France. Publié à l'occasion du IXe Congrès de l'UISPP, Nice, 1976. Paris, 1976, t. 1, part. I-II, 1521 (+ 18) p.

зации нижнего палеолита в Провансе" (А. де Люмле, с. 819–851) или "Цивилизации верхнего палеолита в Нормандии" (Ф.Биго, с. 1339–1343) и т.п. Аналогичное применение термина "цивилизация" находим в монографии М.Габори "Цивилизации среднего палеолита между Альпами и Уралом"³ и в других работах. Очевидно, в данном случае имеет место полное отождествление "цивилизаций" с первобытными археологическими культурами, что лишает термин "цивилизация" какой-либо самостоятельности.

Во-вторых, понятие цивилизации может отвечать наивысшей стадии общественного развития, которая, согласно известному труду Л.Г.Моргана "Древнее общество"⁴, следует за первобытными стадиями дикости и варварства. Исторически такое воззрение на цивилизацию представляется правомерным, однако не раскрывает причин, по которым высшая стадия общественного развития реализовалась именно в феномене городской культуры, с которой термин "цивилизация" связан этимологически: лат. *civis* "гражданин", *civitas* (синоним *urbs*)⁵ "город" и т.п. По этой причине корреляция цивилизации с городской культурой представляется органичной и находит отражение в литературе⁶.

Для объяснения исторической связи феномена цивилизации с городской культурой мы вводим третий вариант понимания термина "цивилизация" и определяем его как предметную форму структуры общества разле-

³ См.: *Gábori M. Les civilisations du Paléolithique moyen entre les Alpes et l'Ural: Esquisse historique. Budapest, 1976. 278 p.*

⁴ См.: *Морган Л.Г. Древнее общество, или Исследование линий человеческого прогресса от дикости через варварство к цивилизации. Л., 1934. С. 9–29.*

⁵ См.: *Тронский И.М. Очерки из истории латинского языка. М., Л., 1953. С. 259.*

⁶ См., например: *Древние цивилизации / Аверинцев С.С., Алексеев В.П., Ардзинба В.Г. и др. М., 1989. Гл. II.*

ленного труда, материализованную из социально-интегративных интересов в форме города (см. гл. II, 2). Социально-интегративный заряд материальной цивилизации городского типа оказал радикальное воздействие и на духовную сферу, что позволяет дать целостный анализ различных сторон жизни цивилизованного общества. При указанном понимании термина "цивилизация" удастся показать исторически закономерный ход возникновения цивилизованного общества как очередного этапа социальной интеграции.

Наконец, в социально-философской литературе встречаются и другие понимания феномена цивилизации⁷, однако их эффективность для исследования генезиса городской культуры относительно прежде всего потому, что феномен цивилизации не ставится во взаимно однозначную корреляцию с феноменом городской культуры.

Зарождение начал урбанистической культуры и, следовательно, генезис цивилизации, в нашем понимании, коррелирует с неолитической технологической революцией. Поэтому история развития технологии приобретает первостепенное значение для понимания происхождения цивилизации. Мы обосновываем предположительную причинно-следственную зависимость между демографическим состоянием общества и степенью сложности практической им технологии, что позволяет объяснить корреляцию основных демографических и технологических революций в человеческой истории. Технология при этом понимается следующим образом. Технология — это набор стереотипных приемов производства, воспроизведение которого гарантирует получение стандартного конечного

⁷ См.: *Межуев В.М.* Культура и история: (Проблемы культуры в философско-исторической теории марксизма). М., 1977. С. 30–37; *Мчедлов М.П.* Социализм — становление нового типа цивилизации. М., 1980. С. 17–96; *Новикова Л.И.* Цивилизация и культура в историческом процессе // *Вопр. философии*, 1982. № 10. С. 56–60; и др.

продукта. Технологию могут составлять наборы технических операций, а также стандартные наборы операций, применяемых в любой сфере общественного производства: не только в технике изготовления орудий труда и их применения, но и в охотничье-собираТЕЛЬСКИХ промыслах, сельском хозяйстве, ремесленном производстве различной природы, зодчестве, горном деле и т.д. Во всех сферах общественного производства существуют стандартные алгоритмы образа действия, которые в настоящей работе для краткости объединены в понятия технологии. По закону организационного соответствия степени сложности технологий различных отраслей производства в конкретном обществе имеют нередко близкие значения, что позволяет с известной условностью говорить о степени сложности технологии, присущей конкретному обществу в целом (простая первобытная технология неразделенного труда; сложная отраслевая технология социума общественно-разделенного труда до промышленной эпохи; очень сложная технология промышленного общества, в котором разделение труда, в отличие от предыдущего варианта, опускается до уровня отдельных производственных операций).

Особую социально-философскую проблему составляют взаимоотношения понятий цивилизации и культуры. Мы понимаем под культурой общественный способ удовлетворения естественных потребностей, обычно многократно опосредованных. Так, вторичные общественные структуры служили в генезисе целям социализации свободного активного времени гоминид, что позволяло им сохранять целостность своих сообществ, необходимую для поддержания нормального производственного потребления гоминидами экосреды как предмета труда. В конечном счете это служило целям поддержания жизнедеятельности гоминид, т.е. удовлетворения их естественных потребностей. Таким образом, изложенное понимание куль-

туры применимо как к материальной, так и к духовной сфере жизни человека и его предков всех эпох социальной жизни. Понимая цивилизацию как предметную форму структуры общества разделенного труда, мы тем самым вкладываем в термины цивилизации и культуры понятия несравнимой степени общности: культура универсальна и извечна для социальной истории человечества; цивилизация по происхождению ограничивается сферой материальной культуры, отражается более узким понятием и существует лишь на урбанистическом отрезке человеческой истории. Цивилизация несет специфическую социально-интегративную функцию в эпоху общества разделенного труда. В этом отношении цивилизация — более узкое понятие, чем культура; вероятно, дочернее по отношению к последнему: культура является универсальным средством социальной интеграции любой формы общества (материальная и духовная культура), а цивилизация выступает средством социальной интеграции общества разделенного труда (материальная урбанистическая культура по преимуществу). Рассмотрение предыстории и истории генезиса социально-интегративных свойств цивилизации (материальной урбанистической культуры) и составляет основную задачу настоящей работы.

ГЛАВА I

ПРЕДЫСТОРИЯ ЦИВИЛИЗАЦИИ

1. ДОИСТОРИЧЕСКИЕ РЕАЛИИ

По современным представлениям, наиболее отдаленными предками человека были двуногие приматы (гоминиды типа австралопитека афарского), имевшие относительно длинные (питкоидные, обезьяньи) руки, объем мозга как у современных высших приматов и поначалу не изготовлявшие орудий. Проблема возникновения самых ранних гоминидных предков человека, таким образом, сводится к проблеме генезиса двуногого млекопитающего с человеческим шагающим способом передвижения, отличным от прыгающего способа передвижения у современных двуногих сумчатых, насекомоядных и грызунов.

Шагающий (или бегающий) способ передвижения человеческого типа достоверно известен у млекопитающего *Leptictidium nasutum* (Мессель, Гессен, Германия, ранний средний эоцен, 50–48 млн. лет назад)¹, а также у разнообразных двуногих мезозойских текодонтов и динозавров². С биоэнергетической точки зрения, двуногий человеческий способ передвижения энергетически выгоден, но сопровождается потерей в скорости и радиусе

¹ См.: Шторх Г. Млекопитающие островной Европы // В мире науки, 1992. № 4. С. 34.

² См.: Габуния Л.К. Вымирание древних рептилий и млекопитающих. Тбилиси, 1969. 23 с.; Давиташвили Л.Ш. Причины вымирания организмов. М., 1969. 440 с.

передвижения. Четвероногая локомоция (способ передвижения), напротив, более энергоемка, но обеспечивает большие скорости и радиусы передвижения. С экологической точки зрения это означает следующее. Когда биопродуктивность среды высока и пища (растительность и питающиеся ей травоядные) сконцентрирована в пространстве, животным эволюционно выгоднее сэкономить энергию на передвижении, поскольку концентрация пищи в пространстве не требует от них быстрого освоения больших территорий. В этих условиях эволюционно выгодно быть двуногим. Напротив, когда биопродуктивность среды падает и пища реже распространена в пространстве, животным становится выгоднее быть более подвижными, поскольку пищу приходится собирать с больших территорий, хотя это сопровождается большим расходом энергии на передвижение. В таких условиях эволюционно выгодно быть четвероногим. Высокая биопродуктивность среды коррелирует с теплым и влажным глобальным климатом, когда оледенений нет. Напротив, снижение биопродуктивности среды вызывается похолоданием и сухостью глобального климата, связанными с наступлением ледникового периода. Упрощенно говоря, во время оледенения выгодно быть четвероногим, а во время межледниковий — двуногим. Следует добавить, что способ использования животными пищи также может отражать их приуроченность к эпохам высокой или относительно низкой биопродуктивности среды (особенно у хищных). Так, развитая дифференцированная зубная система (разнозубость, когда отдельные классы зубов отчетливо различаются по своим функциям при переработке пищи) может свидетельствовать о том, что пища в экосреде разрежена и требует своей тщательной утилизации, а неразвитая зубная система (равнозубость, когда зубы отдельных классов функционально различаются ма-

ло) свидетельствует о том, что пища в экосреде много и ее тщательная утилизация не обязательна.

В среде наземных животных складывается такая картина (хотя можно привести факты и по водной фауне: головоногим, рыбообразным). В конце пермо-карбонического оледенения (низкая биопродуктивность среды) в пермском периоде, 285–230 млн. (в конце этого периода), на суше господствовали весьма прогрессивные зверообразные пресмыкающиеся, четвероногие, разнозубые и, возможно, теплокровные, зверозубые представители которых породили млекопитающих. Однако, несмотря на свои прогрессивные черты, эти животные с концом пермо-карбонического оледенения приходят в упадок, и господство на суше в теплом триасовом периоде, 230–195 млн., переходит к более примитивным рептилиям — архозаврам, представленным текодонтами и их родственниками динозаврами. Текодонты и первые динозавры были двуногие и равнозубые, что хорошо отвечает высокой биопродуктивности триасовой экосреды. Однако в юрском периоде, 195–137 млн., произошло микрооледенение (засвидетельствованное в Антарктиде юрскими тиллитами, отложениями ледникового происхождения), закономерно вызвавшее расцвет четвероногих форм — в частности, крупнейших в истории Земли четвероногих зауропод, произошедших от закономерно двуногих триасовых прозауропод. Следующий теплый меловой период, 137–67 млн., отмечен, наряду с сохранением четвероногих форм, максимальным расцветом равнозубых двуногих динозавров (тиранозаврид и др.). Вся эта фауна с падением биопродуктивности среды в позднем меловом периоде (перестройка растительности в пользу современных покрытосеменных) вымирает к началу кайнозойской эры, после чего господство надолго (по сей день) переходит к четвероногим разнозубым млекопитающим, хорошо приспособленным к низкой

биопродуктивности среды кайнозоя. Однако в теплом эоцене, 53,5–37,5 млн., в среде млекопитающих появляется вышеупомянутая двуногая форма. Н конец, в теплом раннем позднем миоцене, 10–7 млн., обнаруживаются первые признаки существования равнозубых двуногих гоминид, которые по этим признакам представляются эволюционными конвергентами (внешними подобиями) двуногих равнозубых динозавров.

Современный человек, а также его ископаемые предки и родственные им существа принадлежат, с биологической точки зрения, к семейству гоминид подотряда антропоидов отряда приматов. К семейству гоминид с уверенностью можно отнести два биологических рода (австралопитеки и люди) и семь биологических видов: австралопитек афарский, австралопитек африканский, австралопитек массивный, австралопитек бойсов, австралопитек умелый (он же “человек умелый”), человек прямоходящий и человек разумный (включающий такие подвиды, как человек разумный неандертальский, человек разумный разумный — современный подвид и ряд других). Родственные связи (филогенетические отношения) этих гоминид сложны и образуют не менее 6 вариантов для стадии австралопитеков³ и, вероятно, не меньше для стадии следующего рода (человек). Благодаря открытию “Олдувайского гоминида 62” выяснилось, что строение тела (пропорции конечностей, в частности, питеконидные длинные руки) у “человека умелого” было в точности таким же, как у австралопитека афарского, что заставляет рассматривать “человека умелого” как австралопитека, а датировка “параавстралопитека эфиопского” (ранний австралопитек бойсов) в 2,5 млн. лет показала, что эволюция австралопитека афарского в

³ См.: Skelton R.R., McHenry H.M., Drawhorn G.M. Phylogenetic analysis of early hominids // Current anthropology, 1986. Vol. 27. № 1. P. 33. Fig. 5.

другие виды австралопитеков началась ранее этой даты. Указанные обстоятельства позволили Д.К.Джохансону предложить филогенетическое древо австралопитеков, у основания которого находится австралопитек афарский, и которое между 3 и 2,5 млн. лет разделяется на три ветви: австралопитек африканский и австралопитек массивный, затем австралопитек бойсов и, наконец, австралопитек умелый, человек прямоходящий и человек разумный.

Согласно В.М.Саричу⁴, эволюционное разделение гоминид и понгид (современные высшие человекообразные обезьяны) произошло, по молекулярно-генетическим данным, ок. 4–5 млн. лет назад. Эта датировка не вполне согласуется с палеоантропологическими данными. Австралопитек афарский датируется ок. 5–2,7 млн. лет (древнейшее местонахождение — Табарин, Баринго, Кения, 4,9 млн.), однако в некоторых африканских местонахождениях остатки гоминид датируются более древними временами: Лотагам, Туркана, Кения (фрагмент нижней челюсти с коренным зубом и несколько фрагментов черепа австралопитека, 5,5–5 млн.), Лукейно, Кения (коренной зуб гоминида, 6,5–6 млн.) и Баринго, формация Нгорора, Кения (верхний коренной зуб гоминида, 9 млн. лет или 9–12)⁵. Причина расхождения молекулярно-генетической датировки возникновения гоминид с палеоантропологической может заключаться в одном своеобразном обстоятельстве. Молекулярная эволюция, в частности, и эволюция вообще у гоминид, возможно, заторможена примерно в 3,8 раза (это всего лишь порядок

⁴ См.: *Sarich V.M. The origin of the hominids: An immunological approach // Perspectives on human evolution. N.Y., 1968. Vol. 1. P. 94-121; Wilson A.C., Sarich V.M. A molecular time scale for human evolution // Proceedings of the National Academy of Sciences. Washington, 1969. Vol. 63. № 1. P. 1088-1093.*

⁵ См.: *Leakey R.E. Hominids in Africa // American scientist, 1976. Vol. 64. № 2. P. 174.*

величии), что связано с аномально высоким удельным метаболизмом (уровень обмена веществ в течение жизни) у современного человека и, вероятно, у его прямых предков (чем выше уровень прижизненного обмена веществ, тем медленнее онтогенез, филогенез и темпы эволюирования)⁶.

Около 2,7–2,5 млн. лет назад австралопитек афарский дал начало линиям австралопитека африканского — австралопитека массивного, австралопитека бойсова и австралопитека умелого. По времени это событие отвечает теплomu и влажному интерстадиалу (межледниковью) Биббер I/II, 3–2,6 млн. лет. Примерно миллион лет спустя австралопитек умелый трансформировался в человека прямоходящего в интервале 1,8–1,6 млн. лет назад. Древнейший точно датированный человек прямоходящий известен в Наркоотоме III, Туркана, Кения, 1,6 млн. лет. Это эволюционное событие отвечает теплomu и влажному интерстадиалу Донау II/III, 1,79–1,6 млн. лет. Причины связи эволюционных событий в семействе гоминид с периодами глобальных потеплений заключены в том, что для двуногих гоминид теплые эпизоды были экологически наиболее оптимальны (см. выше).

Вероятная причина, по которой именно приматы породили двуногие формы гоминидного типа, отнюдь не аттестует гоминид как неких исключительных существ. Преимущественные эволюционные перспективы имеют не прогрессивные специализированные формы, а примитивные и малоспециализированные⁷. При перестройке среды от менее биопродуктивной к более продуктивной и обратно специализированные формы с трудом могут быстро перестроиться (например, упоминавшиеся чет-

⁶ См.: Клягин Н.В. От доистории к истории: Палеосоциология и социальная философия. М., 1992. С. 20–25.

⁷ См.: Оно С. Генетические механизмы прогрессивной эволюции. М., 1973. С. 174–191.

вероногие зауроподы произошли от не очень совершенных двуногих прозауропод, а более развитые двуногие целурозавры четвероногих форм не дали). Приматы из-за древесного образа жизни рожают мало детенышей, которые вдобавок медленно развиваются. Этот фактор затормозил эволюцию приматов (сейчас самыми процветающими млекопитающими являются быстро размножающиеся грызуны). Можно думать, что какая-то отсталая (по указанным критериям) ветвь приматов оказалась после оледенения 13–10 млн. лет назад в эволюционно выгодном положении во время потепления 10–7 млн. лет назад и дала линию полуназемных понгид (высшие человекообразные обезьяны типа шимпанзе) и линию наземных равнозубых двуногих гоминид, которые представляли собой оптимальный вариант эволюционной реакции на начавшийся подъем биопродуктивности среды после похолодания 13–10 млн. лет назад.

Другой возможной эволюционной реакцией гоминид на рост биопродуктивности среды мог быть подъем их удельного метаболизма (количество пищевой энергии, потребляемой в течение жизни на единицу веса), который у современного человека в 3,8 раза превосходит уровень удельного метаболизма всех прочих высших млекопитающих, т.е. их постоянную Рубнера, отражающую уровень прижизненного обмена веществ⁸. Прямо датировать эту мутацию у предков человека пока не представляется возможным, однако по некоторым косвенным признакам она относится к эпохе австралопитсков. Дело в том, что по срокам прорезывания зубов у детей человека и детенышей ранних гоминид можно определить продолжительность их детского возраста, а продолжительность

⁸ См.: Аршавский И. А. К проблеме продолжительности жизни человека в свете данных сравнительного онтогенеза // *Вопр. антропологии*, 1962. Вып. 12. С. 73; Шмидт-Нильсен К. Размеры животных: почему они так важны? М., 1987. С. 159–163.

детства (онтогенез) прямо зависит от уровня удельного метаболизма. Поскольку сроки прорезывания зубов у австралопитесков близки срокам у современного человека⁹, появляется основание предполагать, что уровень метаболизма у австралопитесков мог быть близок метаболизму человека. Лицевой скелет австралопитесков более укорочен, чем у шимпанзе, а такое укорочение челюстей объясняется неотенией, связанной с высоким уровнем метаболизма. В эволюционном отношении современный человек представляется результатом неотении, т.е. такой формы эволюции, когда инфантильные черты ребенка сохраняются до взрослого состояния (у человека это — обезвоженность тела, округлая форма черепа, маленькие челюсти, что в совокупности обуславливает непропорциональное развитие мозгового скелета по сравнению с лицевым)¹⁰. Неотения же (замедленность онтогенеза), несомненно, является следствием высокого уровня удельного метаболизма, тормозящего онтогенез. Торможение онтогенеза вследствие высокого уровня удельного метаболизма имеет довольно простое эволюционно-экологическое объяснение. Человек и, возможно, его предки способны потреблять в течение жизни в 3,8 раза больше пищи, чем равновеликие им млекопитающие. Чтобы сохранить равновесие с экосредой, гоминиды были вынуждены примерно в 3,8 раза растянуть этот процесс. В результате в каждый конкретный момент времени они потребляли столько же пищи, сколько и равновеликие им млекопитающие, но при этом жили примерно в 3,8 раза дольше, что и вызвало торможение всего их жизненного цикла, т.е. онтогенеза.

⁹ См.: Мэнн А.Е. The palaeodemography of Australopithecus. Berkeley, (s.a.). P. 164.

¹⁰ См.: Биология человека / Харрисон Дж., Уайнер Дж., Тэннер Дж., Барникот Н., Рейнолдс В. М., 1979. С. 18- '9.

Повышение уровня обмена веществ у ранних гоминид (если, конечно, оно имело место) рассчитано на стабильное потребление относительно богатой пищей экосреды. Двуногость, равнозубость и высокий метаболизм указывают на то, что гоминиды эволюционно закономерно возникли в теплый интервал 10–7 млн. перед эпохой антарктического оледенения Тэйлор 5 (7–3,7 млн. с двумя интерстадиями).

Высокий метаболизм гоминид имел два важных последствия. Во-первых, весьма вероятно, из-за повышения уровня удельного метаболизма у гоминид замедлились темпы эволюции, что вытекает из зависимости между обменом веществ, темпами онтогенеза, филогенеза и эволюирования (все замедляется по мере роста метаболизма). Это обстоятельство наводит на мысль, что результаты молекулярно-генетических определений эволюционного возраста семейства гоминид вообще и современного человека, в частности, (В. Сарич, А. Вилсон и др.), показывают заниженные даты, плохо согласующиеся с палеонтологической летописью.

А.К. Вилсон, Р.Л. Канн и М. Стоункинг¹¹ исследовали молекулярно-генетическую изменчивость митохондриальной дезоксирибонуклеиновой кислоты (ДНК) в популяциях современных людей. Митохондриальная ДНК, находящаяся в митохондриях клеток (клеточные органеллы, снабжающие клетку энергией), в отличие от ядерной ДНК, наследуется только по женской линии, что позволило А.К. Вилсону и др. выдвинуть гипотезу о некогда существовавшей женщине ("Еве" популярной литературы), являющейся общим предком для всего современного человечества. Поскольку максимальное разнообразие митохондриальной ДНК наблюдается в негроидных популяциях

¹¹ См.: Cann R.L., Stoneking M., Wilson A.C. Mitochondrial DNA and human evolution / Nature, 1987. Vol. 325. № 6099. P. 31–36.

(показатель древности), сделан вывод о том, что "Ева" была близка к предкам негроидов и обитала в Африке.

Возраст этой женщины оценен менее чем в 1/25 от возраста расхождения гоминид и понгид. По В.Саричу, это 5 млн. лет, что датирует "Еву" менее чем в 200000 лет (начало ледниковой стадии Рисс III, 204000–134000). Если исходить из палеонтологического возраста гоминид (9 млн. лет), то "Еву" надо датировать менее чем 360000 лет (теплый период Мицдель/Рисс I, 362000–ок.350000 лет).

Европейские палеоантропологические находки склоняют к большему из двух возможных возрастов "Евы". В карьере Барнфилд Пит (Сванскомб, Кент, Великобритания, нижняя часть нижнего среднего гравия, средний ашель [IV], Мицдель/Рисс II, ок. 340000–330000) обнаружена довольно прогрессивная форма раннего человека разумного ("пресапиенса"), сближаемая с человеком разумным штайнхаймским из карьера Сигриста (Штайнхайм-ан-дер-Мурр, Баден-Вюртемберг, Германия, Мицдель/Рисс, 362000–310000, синхронен среднему ашелю соседнего карьера Саммет)¹², более прогрессивным, чем классические европейские неандертальцы. Однако еще важнее находка в гроте де Фонтешевад (Оргдей, Шаранга, Франция, слой E I, культура эвано, Рисс II/III, 220000–204000), состоящая, правда, из одного фрагмента лобной кости, но по-современному тонкого и лишённого признаков надглазничного валика (образец Фонтешевад I). Выше залегающий образец Фонтешевад II (осколок лобной и 2 теменные кости) гораздо примитивнее.

Эти находки ныне обычно относят (например, Б.Вандермерш) к неандертальской линии гоминид, однако общеметодологические основания для этого, на наш

¹² Женщина из Штайнхайма отличается исключительной широконосостью (африканский признак) (См.: Алексеев В.Г. География человеческих рас. М., 1974. С. 133).

взгляд, сомнительны. Процесс сапиентации заключается в инфантилизации формы черепа (неотения). Следовательно, надо предположить, что от относительно мало неотеничного человека прямоходящего произошли более неотеничные Сванкомб и Фонтгенсвад I, а затем от них произошли опять мало неотеничные классические неандертальцы (ситуация, близкая парадоксу прогрессивных и классических неандертальцев). Такой порядок вещей противоречит закону Долло о необратимости эволюции.

Несколько позже появляются настоящие представители современного подвида человека. Они известны в Африке и на Ближнем Востоке. Это гоминиды из Класнес Ривер Маут (Капская провинция, Южная Африка, культура питерсбург (средний каменный век), Рисс III или Рисс/Вюрм I/II, 120000 — более 90000), протобушмены из Бордер Кейв (граница Свазиленда — Южной Африки, культура питерсбург, Рисс III, 200000 или Вюрм II A, 75000, Вюрм II Дюритен, 60000), гоминидные остатки (три коренных зуба) из грота Мумба (Танзания, Рисс/Вюрм, 130000–109000 по урану), гоминид Омо I (Омо, формация Кибиш, Эфиопия, Рисс III или Рисс/Вюрм, 130000 по урану), гоминид из Мугарет-эль-Зуттие (Вади Амуд, Кинерет, Израиль, нижний слой, финальный ашель ябрудской фации, Рисс III, 148000 по торий/урану), протокроманьонцы из Джебель Кафзех (Вади Эль-Хай, Израэль, Израиль, слой Л, леваллуа-мустье, Вюрм I Брёрун, 100000–90000) и Мугарет-эс-Схул (Вади Эль-Мугара, Хадера, Израиль, слой Б, леваллуа-мустье, Вюрм I B, 100000). В Европе человек современного типа появляется позже: пещера Бачо-Киро, Дряново, Габрово, Болгария слой II, ориньяк I (ольшев) типа Иштгаллошко (нижний слой), Вюрм II Мурсхофд, 50000 +9000, –4000 (1 сигма) или более 43000 (2 сигмы) ¹⁴С, куэва де Ла Карриуэла, Пиньяр, Гранада, Испания, слои 3–2, типичное мустье с ориньякским влиянием, Вюрм II/III Хенгело

(39000-37500), навес Староселье, Бахчисарай, Крым, Украина, восточно-европейский микок, Вюрм II Мурсхофд (51000-46500), 41000 (вне навеса, ¹⁴С), Ахштырская пещера, Адлер, Сочи, Краснодар, Россия, слон 8-7, зубчатое мустье (культура хоста), Вюрм II/III, 37000 (коллаген), Вюрм II/III Ле Котте, 35000±2000 (торий/уран), но гомогенная хостинская культура зубчатого мустье начинается в этой пещере, вероятно, с Вюрма II Дюрнген, более 58000 (коллаген).

Человек прямоходящий просуществовал до 300000 лет назад, например, в Европе в Бильцингселебене (Артери, Эрфурт, Тюрингия, Германия, древний тейак, Миндель/Рисс III, 350000-300000, торий/уран). Трансформация же его в тип примитивного человека разумного началась определенно много ранее, о чем свидетельствуют такие находки, как архаичный человек разумный из Бодо-д'Ар, Аваш, Эфиопия, 500000-300000, и образцы пренеандертальцев из Пегралонья, Фессалоники, Халхидика, Греция, слой II, прототейак, ок. 700000, из Вертеп-сёлёна, Татабанья, Комаром, Венгрия, культура буда (прототейак), Миндель I/II (459000-383000), и из Конде-л'Араго, Тотавель, Восточные Пиреней, Франция, ансамбль 3 Г, Ф, Рисс I (?), более 400000, 320000 (Г), 220000 (Ф) уран, рацемизация аминокислот. Архаичный человек разумный появляется в Восточной Азии несколько позднее в Дали (Дуанжия, Шаанси, Китай, Рисс III, ок. 200000). Таким образом, человек разумный появляется не позже Миндель/Рисса (362000-310000) и какое-то время сосуществует с человеком прямоходящим.

Во-вторых, высокий метаболизм гоминид был чреват для них прогрессирующим демографическим ростом. Из-за высокого метаболизма продолжительность жизни и онтогенез у гоминид оказались растянутыми по сравнению с другими равновеликими им млекопитающими. По этой причине эволюционно-экологические реакции гоми-

нид на перемены в экосреде были заторможены. Стандартные млекопитающие реагируют на временный подъем биопродуктивности экосреды (речь идет о кратковременных экологических изменениях) немедленным увеличением своего поголовья, что с исчерпанием природных ресурсов влечет за собой сокращение численности животных. Этот процесс, называемый популяционными волнами, обеспечивает в общем стабильную численность животных в биоме (если не считать ее периодических пиков и спадов). Гоминиды в силу указанных причин (заторможенность эволюционно-экологических реакций) не могли участвовать в популяционных волнах наравне с другими млекопитающими. Неучастие же в популяционных волнах создавало для гоминид тенденцию к медленному, но непрерывному демографическому росту. Для сохранения равновесия со средой гоминиды должны были выработать средства "искусственного" поддержания численности своих локальных популяций на стабильном уровне с расселением излишков населения.

На наш взгляд, беспрецедентная демографическая история гоминид начинается в эпоху их ранних представителей по вышеописанным причинам. Конечно, демография австралопитеков малоизвестна, однако можно предполагать, что ок. 2,2 млн. лет назад их демографический рост обозначился (предположительно, речь идет в основном об орудийном австралопитеке умелом). Уже заселив Восточную и Южную Африку (даты дискусионны), гоминиды освоили Евразию, достигнув Франции ок. 2,2 млн. (Сен-Валье) и примерно в то же время Алтая (Улалинка, Горно-Алтайск, Алтай, Россия, галечная культура, средний виллафранк, 2,3-1,8 млн., более 1,5 млн. по термоломинесценции)¹³. Следующее значительное географическое распространение гоминид связано с появле-

¹³ См.: Окладников А.П., Разозин Л.А. Загадка Улалинки // Сов. этнография, 1982. № 6. С. 115-125.

нием первого представителя рода "человек" — человека прямоходящего (генезис в Восточной Африке между 1,8 — 1,6 млн.). Очень скоро человек прямоходящий проник в Европу (Шандалья I, Хорватия, 1,6 млн.; Вейта Мисена, Испания, 1,36–1,27 млн.) и в Восточную Азию (Моджокерто, Ява, Индонезия, менее 1,9±0,4 млн.; этот гоминид, однако, иногда сближается с австралопитеком умелым). Ранний человек прямоходящий использовал в Африке культуры развитого олдвая, раннего ашеля, индустрию карари (Кооби-Фора, Туркана, Кения, 1,65–1,25 млн.) и др. Однако в Европу он принес еще преашельскую индустрию (Эль Акуландеро, Испания, 1,43–1,36 млн.), синхронную раннему ашелю Восточной Африки. Следовательно, едва появившись (Нариокотоме III, Кения, 1,6 млн.), человек прямоходящий стремительно распространился за пределы Африки, что напоминает демографический взрыв.

В Гюни/Минделе, возможно, африканская древнеашельская индустрия достигла Италии (0,736–0,718 млн.) и Франции (Аббевиль, 0,654 млн.). Очень вероятно, что африканский верхний ашель (начало 0,5–0,4 млн.) в интерстадиале Миндель I/II был принесен в Европу (Торре-ин-Пьетра, Италия, ок. 0,43 млн.). Это тем более вероятно, что в это время в Европе все еще существовал древний ашель (Терра Амата, Франция, 0,38 млн.). Следующее вторжение африканских популяций в Европу может быть связано с миндель/рисским средним ашелем человека разумного штайнхаймского, имеющего некоторые южные антропологические признаки (см. выше).

Первый (верхнепалеолитический) демографический взрыв современного человека начался в интерстадиале Мурехофд Вюрма II. Он отмечен появлением ориньякского человека в Бачо-Киро (50000; и, возможно, синхронным появлением человека современного типа в Староселье). В интерстадиале Вюрм II/III этот демографиче-

ский взрыв обозначился распространением ориньякского человека до Франции на западе и представителей австралоидной расы современного человека до Индонезии на востоке (Ниах грейт кейв, Гунунг Субис, Саравак, Калимантан, Малайзия, галечная культура, более 41500 ± 100 ^{14}C). Второй (неолитический) демографический взрыв связан уже с рубежом плейстоцена/голоцена (см. гл. II, 1).

Приведенные факты показывают, что значимые биодемографические события гоминид все связаны с теплыми периодами (интергляциалами и интерстадиалами). Так, появление первых гоминид относится к интергляциалу пре-Тэйлор 5 (10–7 млн.), появление австралопитека афарского — к интергляциалу Эпоха 5 — ранний Гильберт (6–4,7 млн.), разделение австралопитека афарского на виды австралопитек африканский, бойсов и, предположительно, умелый (присутствие орудийных гоминид в Када Гона, Эфиопия, более $2,63 \pm 0,5$ млн.) — к интерстадиалу Бибер I/II (3–2,6 млн.), экспансия орудийных гоминид в Евразию — к интергляциалу Бибер/Донау (2,3–2 млн.), возникновение человека прямоходящего и его экспансия в Евразию — к интерстадиалу Донау II/III (1,79–1,6 млн.), экспансия древних ашельцев — к теплоту Гюнш/Миндель II (736000–718000 в Италии), экспансия поздних ашельцев — к интерстадиалу Миндель I/II (459000–383000), экспансия раннего человека разумного со среднеашельской индустрией — к Миндель/Риссу (362000–310000). Экспансия человека современного типа принадлежит к интерстадиалу Мурсхофд (51000–46500) и интерстадиалу Вюрм II/III (39000–34000), наконец, экспансия носителей производящих неолитических культур — к интергляциалу голоцен.

Связь экспансии новых видов гоминид и их новых археологических культур с теплыми периодами высокой биопродуктивности среды хорошо объясняется нашей

гипотезой относительно того, что гоминиды были двуногими конвергентными существами типа двуногих динозавров, чья эволюционная природа была рассчитана на условия высокопродуктивной среды. Напротив, в холодные эпохи популяции гоминид должны были сокращаться, что, с эволюционно-генетической точки зрения, должно было благоприятствовать видообразованию в их среде. Новый вид возникает в предельно малой популяции¹⁴, но шансы найти следы такой популяции в палеонтологической летописи ничтожны.

Таким образом, имеются основания считать, что основным биологическим отличием гоминид от других млекопитающих были высокий уровень удельного метаболизма и его вероятные эколого-демографические следствия. Эволюционно запрограммированные на демографический рост гоминиды в интересах поддержания своего баланса с экосредой должны были обзавестись каким-то средством контроля своей численности, несвойственным другим млекопитающим.

2. МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА

Помимо высокого уровня удельного метаболизма, человек и его предки имеют еще одно важное отличие от высших животных, а именно: все орудийные гоминиды располагали средствами коллективного производительного потребления (коллективными орудиями), которых у животных нет. У животных, по-видимому, независимо от уровня развития (беспозвоночные, позвоночные), орудия как таковые представлены хорошо¹⁵. У них есть средства

¹⁴ См.: *Оно С.* Указ. соч. С. 93–96.

¹⁵ См.: *Шовен Р.* Поведение животных. М., 1972. 487 с.; *Хайд Р.* Поведение животных: Синтез этологии и сравнительной психологии. М., 1975. 855 с.; *Крушинский Л.В.* Биологические основы рассудочной дея-

индивидуального производительного потребления, т.е. орудия, используемые производителем, но индивидуально (одиночные осы, дятловые выюрки, калифорнийские каланы, павианы, шимпанзе и др.). У животных есть также и средства коллективного непроизводительного потребления: главным образом коллективные жилища (термиты, муравьи, осы, пчелы и др.) или средства их благоустройства (гидро-технические сооружения бобров). В отличие от других орудийных животных, гоминиды освоили средства коллективного и одновременно производительного потребления: орудия, изготавливаемые согласно коллективной традиции и используемые в коллективных промыслах. Судя по наклонностям высших приматов, избегающих трупоядения, и по признакам загонной массовой охоты у людей разумных и прямоходящих, непосредственный предок последних — первый орудийный австралопитек (“человек умелый”) также, вероятно, был коллективным охотником, тем более, что коллективная, но безорудийная охота хорошо известна у его ближайшего родича — шимпанзе (мы не разделяем гипотезу о искрофагии у гоминид¹⁶).

Таким образом, сама по себе орудийная деятельность гоминид (производительное потребление орудий) не вызывает удивления (охота, разделка мяса, обработка дерева и др. материалов). Отличительной особенностью гоминид как орудийных существ было то обстоятельство, что их

тельности: Эволюционный и физиолого-генетический аспекты поведения. М., 1977. 271 с.; Дьюсбери Д. Поведение животных: Сравнительные аспекты. М., 1981. 479 с.; Меннинг О. Поведение животных: Вводный курс. М., 1982. 360 с.; Эрман Л., Парсонс П. Генетика поведения и эволюция. М., 1984. 566 с.; и др.

- 16 См., например: Поршнев Б.Ф. О начале человеческой истории: (Проблемы палеопсихологии). М., 1974. С. 107–113; Блюменшайн Р.Дж., Кавалло Дж.А. Гоминиды-падальщики и эволюция человека // В мире науки, 1992. № 11–12. С. 176–183.

производительные орудия носили коллективный характер. Именно поэтому попытки функционально раскрыть загадку генезиса гоминидовой культуры представляются наивными: загадочно не то, для чего применялись орудия (охота, обработка пищи, самооборона и т.д. — все это есть и у животных), а то, почему производительные орудия употреблялись гоминидами коллективно. Это резонный вопрос, поскольку индивидуальные орудия, гармонично с носителем, обычно эффективнее тех же орудий при коллективном применении, когда способности носителя усредняются. Поэтому не удивительно, что эволюция не снабдила обычных животных коллективными производительными орудиями, поскольку те менее эффективны, чем индивидуальные. (Происхождение эффективности человеческих коллективных орудий — это особый вопрос, см. далее).

Элементарные методологические соображения (обычно игнорируемые в антропогенетической литературе) побуждают причинно-следственно связать оба исключительных достояния гоминид: высокий уровень удельного метаболизма и средства коллективного производительного потребления. Конечно, связь здесь не может быть непосредственной. Высокий удельный метаболизм вызвал эколого-демографические проблемы гоминид, что в свою очередь обусловило нужду в небιологических средствах демографического самоконтроля гоминидами состояния своих сообществ. Здесь и могла понадобиться нашим предкам коллективность их средств производительного потребления, поскольку можно показать, что между демографическим состоянием конкретного микросоциума и степенью сложности практикуемой им коллективной технологии имеется общее количественное соответствие. Для обоснования этой демографо-технологической зависимости нам придется отвлечься в несколько неожиданную

область количественной теории информации К.Э.Шеннона¹⁷, точнее некоторых ее приложений.

Суть интересующих нас выводов из концепции К.Э.Шеннона состоит в следующем. Представим человека, собирающегося совершить какой-то поступок и имеющего при этом два варианта поведения в ходе совершения этого поступка, но последствия обоих вариантов ему не ясны. Здесь человек попадает в ситуацию неопределенности выбора образа действия из двух альтернатив. Положим, человек получает сведения, позволяющие предпочесть один вариант другому. Это означает, что он получил сообщение, снижающее для него неопределенность выбора образа действия на одну единицу (из двух исходных вариантов поведения). Такое сообщение для человека (или машины) содержит, по терминологии К.Э.Шеннона, количество информации размером в один бит. Если выборов образа действия больше, чем два, количества информации, необходимой для оптимального избрания какой-то одной линии поведения, потребуется больше, и сообщение, исключаящее только одну из трех линий поведения, будет содержать количество информации, меньшее, чем один бит, однако, его при помощи математического аппарата теории вероятностей можно перевести в биты. Теперь представим, что человек, выбирающий из двух альтернатив и получивший тот бит информации, который нужен ему для предпочтения одной из них, получает второе, но аналогичное сообщение, которое уже никак не может повлиять на его выбор, так как он прояснен первым сообщением. Это второе сообщение будет содержать в подобной ситуации ноль информации. Отсюда следует вывод, что положительное количество информации может заключаться только в сообщении, несущем новые сведения. Есть основания считать, что чело-

¹⁷ См.: Шеннон К. Математическая теория связи // Шеннон К. Работы по теории информации и кибернетике. М., 1963. С. 243–332.

веческий мозг, как и компьютер, оценивает количество информации, содержащейся в поступающих сведениях, именно таким образом.

Теперь представим, что человеку или древнему гоминиду надо изготовить два или больше одинаковых орудий (так называемый процесс репликации артефактов). С первым орудием информационных проблем не будет, но, изготавливая второе, создатель столкнется с информационным затруднением, поскольку перестанет получать информацию (в количественном смысле, т.е. новые сведения) о ходе репликации второго артефакта, так как все сведения о нем он получил, создавая первый. Подчеркнем, что выявление этого информационного затруднения вытекает из весьма абстрактной математической теории и его крайне сложно представить в доступных аналогиях. Можно, например, сказать, что создание двух идеальных копий человеку в принципе недоступно. Можно объяснить из приведенных соображений, почему таким изматывающим для человека является конвейерное производство, при котором как раз необходимо тиражировать одинаковые артефакты. Наконец, можно объяснить, с информационной точки зрения, почему отдыхом является смена родов деятельности (такая смена избавляет человека от информационных затруднений) и т.д.

В этой связи возникает вопрос: каким образом древним гоминидам и людям современного типа удавалось и удастся преодолевать информационные трудности при репликации одинаковых артефактов? Возможным решением этой проблемы является предположение, что в процессе тиражирования однотипных артефактов их создатели постоянно допускали отклонения от стандартной технологии воспроизводства изделий, относящихся к одному и тому же классу орудий. Такие отклонения разнообразили стандартный процесс репликации и облегчали ее информационный контроль. Из этого предположения

следует важный вывод, вполне поддающийся фактическому подкреплению. Суть этого вывода состоит в следующем. Раз для успешной репликации однотипных изделий требовались какие-то отклонения в том или ином технологическом звене репликации подобных изделий, то такие технологические отклонения будут более заметны в простом, а не в сложном технологическом процессе по той простой причине, что, чем меньше технологических операций, необходимых для создания изделия, тем сильнее будет искажен его облик при отклонении от стандарта в какой-то операции. Напротив, если однотипные артефакты требуют многочисленных технологических операций для своего создания, то отклонение от стандарта в какой-то одной из этих операций будет попросту мало заметно в общей массе результатов других технологических операций, выполненных стандартно. Отсюда следует небезынтересное заключение: чем больше степень сложности технологии, необходимой для производства орудий, тем более стандартными будут выглядеть эти орудия, и наоборот, чем проще технология, тем атипичнее (нестандартнее) будут выглядеть артефакты, полученные в результате ее применения. Этот вывод хорошо согласуется с археологическими фактами.

Олдовайская технология требовала порядка трех ударов для получения характерных отщепов и ядрища с двусторонним краем¹⁸; технология получения других орудий (чопперов, протобифасов и др., многие из которых, возможно, являлись побочным продуктом производства отщепов) была не намного сложнее (3–10 ударов на орудие). Столь простая техника обеспечивала изготовление довольно грубого инвентаря, в котором М.Д.Лики разли-

¹⁸ См.: *Том II. Первая технология // В мире науки*. 1987. № 6. С. 83.

чила всего 9 типов¹⁹. Руководящее ископаемое африканского нижнего ашеля (ручное рубило) требовало 8–10 операций для своего изготовления²⁰, а древнеашельское рубило аббевильской техники — 25 операций²¹ (норма нижнего ашеля — 8–30 ударов на орудие). Для получения средне-верхнеашельских рубил применялось порядка 65 ударов (по орудиям до 100 ударов). Мустьерский нож со спинкой нуждался в 111 (по орудиям до более 200), а ориньякский — в 251 ударе. Таким образом, рост степени сложности технологии от типичного олдовая до ориньяка вполне очевиден. Одновременно с усложнением технологии росла и стандартизация орудий: низкая в типичном олдовае и раннем африканском ашеле она становится значительной в среднем-верхнем ашеле, мустье и ориньяке. Казалось бы, усложнение технологии должно было затруднять изготовление похожих орудий в различных местонахождениях одной культуры, однако в действительности все обстояло наоборот. Этот феномен традиционно объясняется ростом интеллекта и мастерства гоминид, однако остается непонятным, что лежало в подоплеке роста мастерства. На наш взгляд, первопричина стандартизации орудий по мере усложнения технологии их производства состояла в том, что необходимые ошибки их репликации менее заметны на более сложно изготовленных орудиях. Рост мастерства и состоял в способности затушевывать отклонения репликации в массе стандартных операций. На основе такой практики могли сложиться и начала индивидуального мастерства гоминид, т.е. способности утрировать уже сложившиеся на практи-

¹⁹ См.: *Leakey M.D. Cultural patterns in the Olduvai sequence // After the Australopithecines: Stratigraphy, ecology, and culture change in the Middle Pleistocene. The Hague, Paris. 1975. P. 483. Fig. 3.*

²⁰ См.: *Кларк Дж. Д. Доисторическая Африка. М., 1977. С. 83.*

²¹ См.: *Констабл Дж. Неандертальцы: (Возникновение человека). М., 1978. С. 128.*

ке методы массового производства стандартных артефактов. В самом деле, из вышеописанных приложений теории информации видно, что особые трудности составляет не творческая, а репродуктивная деятельность, требующая для своего осуществления известного мастерства.

Детальные показатели степеней сложности палеолитических технологий еще ожидают разработок, учитывающих комбинацию из номенклатуры орудий (число их типов) и количества ударов, сгруппированных в операции, необходимые для их производства. По М.Д.Лики, Дж.Д.Кларку, Ф.Борлу, количество типов орудий достигает в типичном олдовае — 9, в развитом олдовае А — 11, в развитом олдовае В — 13, в развитом олдовае С — 13, в нижнем ашеле — 12, в среднем-верхнем ашеле — более 20, в мустье — более 60, в верхнем палеолите — более 90. Эта номенклатура отражает рост технологий во времени. Попробуем высказать предположения о природе этого процесса.

Создание орудий является двойким процессом. С одной стороны, орудия обеспечивают соответствующую составляющую хозяйственной деятельности с определенным уровнем эффективности. С другой стороны, орудия должны сохранять свою принадлежность соответствующей культурной традиции, обеспечивающей уровень их эффективности. Но задача поддержания культурной традиции, т.е. стереотипного воспроизведения набора артефактов во времени, сталкивается с информационными трудностями их репликации. Чтобы поддерживать идентичность культуры во времени, ее создатели должны находиться в одинаковых отношениях к ней и в каждый конкретный момент. С информационной точки зрения, сообщества, производящие индустрию определенной степени сложности, в процессе репликации своей технологии стоят перед выбором образа действия, кратным степени сложности технологии. Чтобы вся часть сообщества, за-

няятая производством индустрии находилась в одинаковом положении в производственном процессе, оптимальное количество непосредственных создателей индустрии должно быть близко количественному показателю технологии. Если изготовителей больше, определенное их число начинает дублировать выборы образа действия, уже разрешаемые соплеменниками, что является избыточным фактором репликации культуры. Напротив, если изготовителей меньше, на них ложится двойная нагрузка в решении информационных проблем воспроизводства стандартной индустрии. Если же количество типов инвентаря и соответствующих им технологических задач равноценно количеству производителей, последние оказываются в среднем в совершенно одинаковом положении при решении технологических проблем и связанных с ними информационных трудностей. Такое состояние наиболее оптимально для поддержания общепотребительного состояния индустрии как в данный момент, так и во времени. Эту зависимость можно переформулировать и в других терминах. Когда степень сложности технологии эквивалентна численности своих создателей, на каждого из них, условно говоря, приходится определенный процент от общей степени сложности технологии, что выражает среднюю оптимальную эффективность ее воспроизводства. Если по какой-то причине сообщество вырастает, то, с одной стороны, в продуктах труда начинают накапливаться нестандартные изделия, совершенно избыточные для информационного оживления процесса репликации, поскольку они начинают дублировать друг друга; с другой стороны, процент технологии, приходящийся на каждого производителя, падает, что эквивалентно снижению эффективности воспроизводства культуры. Очевидно, это не оптимальный вариант. В противоположном случае, когда численность сообщества снижается, с одной стороны, возрастает трудоемкость репликации культуры, а с

другой — появляется биологически неприемлемый момент деградации демографического состояния сообщества. Очевидно, из трех возможных вариантов отношения степени сложности технологии к демографическому состоянию сообщества оптимальным является промежуточный, когда демографические и технологические показатели близки.

Между тем общая тенденция демографического роста человечества и популяций древних гоминид показывает, что в доистории, наверняка, бывали моменты, когда демографическое состояние тех или иных сообществ необратимо выходило за рамки баланса демографии и технологии. Последствием этого должно было стать одновременное снижение эффективности воспроизводства культуры и появление в ней избыточно большого количества нестандартных артефактов. Возможным средством преодоления этого негативного состояния могло быть введение определенных нестандартных артефактов в номенклатуру типичного инвентаря данной культуры. Это извбавляло культуру от информационно избыточного нестандартного инструментария, восстанавливало эффективность воспроизводства культуры и, конечно, превращало ее в новую культуру. Например, мустьерская культура, базирующаяся в основном на технологиях отщепов, постоянно порождала тот или иной процент пластин, которые явно не были основой мустьерской технологии. Во время верхнепалеолитического демографического взрыва пластины (мустьерский нестандарт) стали основой верхнепалеолитической технологии (шательперрон, ориньяк). Другой пример — судьба олдовайских протобифасов (типичный олдовай — 1,3%, развитой олдовай А — 2,3%), которые в типичном олдовае не были стандартны ни по фактуре, ни по частоте в инвентаре. В конце типично олдовайской эпохи, синхронно развитому олдоваю А, началась территориальная экспансия человека прямоходя-

щего, которая в конце концов привела к его демографическому подъему и созданию раннеашельской культуры. В раннем ашеле нестандартные олдовайские протобифасы были несколько стандартизированы в бифасы и вошли в основной набор инвентаря (53,2%); то же, но менее выражено, случилось и с синхронным развитым олдовасом В (6,3% бифасов). Примеры можно продолжить.

В самом общем виде наше предположение о количественной связи демографии и технологии хорошо подкрепляется примерами, отчасти выходящими за рамки первобытности. Первый (верхнепалеолитический) демографический взрыв человечества сопровождался верхнепалеолитической технологической революцией. Второй (плейстоцен/голоценовый) демографический взрыв вызвал неолитическую технологическую революцию. И, наконец, третий (современный, начавшийся в XI — середине XVI в.²²) демографический взрыв вызвал в Западной Европе промышленную технологическую революцию. Эти факты представляются весьма существенными.

Возможная связь демографии с технологией проливает новый свет на динамику развития производительных сил. Последние состоят из личного (субъективный фактор) и вещного (средства и предметы труда) элементов, причем саморазвитие производительных сил начинается с личного элемента²³. Эта схема представляется вполне правдоподобной, однако первоначальное изменение субъективного фактора производства нам видится не в усовершенствовании производителя, а в изменении его демографического состояния, что влечет за собой, как обрисовано выше, технологическое изменение средств труда. На наш взгляд, количественная корреляция демографии с

22 См.: *Вишняевский А.Г.* Воспроизводство населения и общество: История, современность, взгляд в будущее. М., 1982. С. 67–71.

23 См.: *Плетников Ю.К.* О природе социальной формы движения. М., 1971. С. 231.

технологией выполняла двойную функцию: поначалу преимущественно демографическую, а затем и социальную. Для понимания генезиса демографо-технологической зависимости у наших предков необходимо обратиться к их истокам. Первые безорудийные гоминиды (австралопитек афарский и его пока малоизвестные предки) происходили из среды высших обезьян и имели сходные с последними структуры сообществ. Об этом неоспоримо свидетельствует тот факт, что обнаруженные этнографами у цивилизованных народов основные формы кровно-родственных отношений (промискуитет, эндогамия, экзогамия, матрилинейность, патрилинейность, известные в пережитках или в полнценной форме) находят аналогии в среде высших приматов. Согласно Дж.Круку²⁴, структуру сообщества высших коллективных животных определяет уровень биопродуктивности среды обитания. Вследствие этого у высших приматов, живущих в условиях тропического леса (высокая биопродуктивность), складывается нежесткая структура сообщества (например, у шимпанзе), типологически напоминающая условия эндогамного промискуитета. В относительно менее биопродуктивных районах (например, в условиях саванной лесостепи у шимпанзе) наблюдается обмен самками, т.е. типологический аналог экзогамии. При этом преимущественное положение в сообществе наследуется по материнской линии (такая матрилинейность весьма характерна для приматов). В подобном случае мы сталкиваемся с типологическим аналогом экзогамии с матрилинейностью, что вполне могло бы лежать у истоков дуально-родовой организации с матрилинейностью ("матриархатом"). Наконец, у приматов, живущих в пустынных биотопах, встречается патрилинейная гаремная организация, обнаруживающая сходство с прототипом отцовского рода. При-

²⁴ См.: Crook J.H. Tit.: socio-ecology of primates // Social behavior in birds and mammals. L., N.Y., 1970. P. 103-166.

рода этих ассоциаций у приматов объясняется эволюционно-экологическими причинами. В малопродуктивных пустынных регионах количество доступной пищи ограничено, а потому в сообществах приматов сохраняется то минимальное количество самцов, которое необходимо для размножения, а прочие самцы изгоняются. Соответственно в сообществе, состоящем из самок с детенышами и небольшого числа самцов, устанавливается гаремная структура организации. В более продуктивных регионах (лесистая саванна и тропический лес) количество доступной пищи велико, и в сообществах приматов, обитающих в этих условиях, самцы не изгоняются, а отношения полов более свободны.

В зависимости от биопродуктивности своего местобитания ранние гоминиды могли иметь тот или иной вариант структуры сообщества из числа вышеперечисленных и донести признаки подобных общественных структур до эпохи цивилизации. С наступлением цивилизованной эпохи судьба архаичных кровно-родственных общественных структур резко переменилась, причем в одном направлении: в цивилизованных социумах городского типа, несмотря на некоторые пережитки (эндогамии в древнем Египте и Эламе, например), повсеместно устанавливается патриархальная иерархическая структура, генезис которой мог иметь древнюю эволюционную природу. Дело в том, что городской цивилизованный образ жизни с жесткой привязкой населения к месту и отчуждением значительной его части от самостоятельной добычи пищи должен был поставить нормального примата, каким был человек, в ограниченные условия существования. Определенный аналог этим условиям обезьяны получают при содержании их в неволе, где они воспринимают ограничения своего доступа к пище (хотя ее достаточно) как обитание в малопродуктивном биотопе со скудными пищевыми ресурсами. Соответственно у обезьян в неволе

складываются “пустынные” структуры отношений полов, т.е. гаремная патрилинейность. Весьма вероятно, что древние люди, обитая в стенах ранних цивилизаций (т.е. в известном смысле “в неволе”), реагировали на городской образ жизни аналогично, что объясняет повсеместное распространение в цивилизованной среде иерархического патриархата. Конечно, кровно-родственные отношения у людей современного типа, известные этнографии, значительно сложнее, чем отношения полов у высших обезьян, однако фундаментальные принципы организации отношений полов (эндогамия и экзогамия, матрилинейность и патрилинейность) у людей все-таки находят несомненные аналогии в среде высших приматов, что не должно удивлять, поскольку биологическая составляющая, разумеется, накладывает значительный отпечаток на социальную организацию отношений полов у людей. Природа очень длительного существования у гоминид архаичных кровно-родственных отношений, имеющих биологическое происхождение, может быть объяснена из особенностей донесторического развития гоминид.

Подобно своим ближайшим родственникам — шимпанзе, ранние гоминиды, вероятно, были растительноядными существами с небольшой долей животной пищи в рационе²⁵, которую добывали групповой охотой²⁶ без использования орудий. Однако, как и шимпанзе²⁷, ранние гоминиды могли, должно быть, изготавливать и применять индивидуальные орудия, в том числе и в целях добычи пищи. Эти вполне вероятные особенности гоминид еще не выделяют их из рамок животного мира. Отличительная черта древних гоминид (и современных людей), помимо

25 См.: Фуэли Р. Еще один неповторимый вид: Экологические аспекты эволюции человека. М., 1990. С. 180, 182, табл. 6.8.

26 См.: Файнберг Л.А. У истоков социогенеза: от стада обезьян к общине древних людей. М., 1980. С. 70-72.

27 См.: Лавик-Гудолл Дж. ван. В тени человека. М., 1974. С. 199-202.

высокого метаболизма, состоит в обладании средствами коллективного производительного потребления.

Средства коллективного производительного потребления кардинально отличаются от орудий животных своей способностью к самодвижению. В самом деле, средства коллективного непроизводительного потребления у животных не предназначены для движения (в данном случае — для производства), а потому не способны к самодвижению. Их создание является функцией коллективной этиологии (поведения) носителей. Напротив, средства индивидуального производительного потребления у животных вполне пригодны для движения, однако природа последнего, являясь элементом индивидуальной этиологии носителя, как и вся его индивидуальная этиология, оказывается следствием индивидуального естественного отбора, который исключает самостоятельное движение средств индивидуального производительного потребления. Средства коллективного производительного потребления рассчитаны на движение (производство) и одновременно из-за своей коллективной природы не поддаются действию индивидуального естественного отбора. Сочетание этих особенностей придает средствам коллективного производительного потребления способность к самодвижению, т.е. к саморазвитию. Эта способность тесно связана с коллективной природой средств коллективного производительного потребления, и, как показано выше, технологическая степень сложности коллективных орудий находится в зависимости от демографического состояния их носителей, а пусковой механизм саморазвития коллективных производительных сил связан с изменением этого демографического состояния, являющегося первостепенным показателем субъективного (личного) элемента производительных сил. Складывается впечатление, что генезис коллективной природы производительных орудий у

гоминид связан с эволюцией демографического состояния последних.

Если ранние гоминиды уже обладали повышенным метаболизмом, то их трофические (пищевые) связи с экосредой должны были быть относительно напряженными, поскольку гоминиды мало подчинялись действию популяционных волн (гл. I, 1). С экологической точки зрения, популяции первозданных растительноядных гоминид имели невыгодные эволюционные перспективы, и, возможно, не случайно, что почти все растительноядные гоминиды, т.е. все австралопитеки, за исключением австралопитека умелого, не пережили падения биопродуктивности среды в начале оледенения Гюнц I, 1,36–1,27 млн. (позднейший австралопитек бойсов из Пенинджа, Натрон, Танзания, датирован ок. 1,35 млн.; южноафриканские находки не выходят за пределы 1,5 млн., за исключением австралопитека африканского, гипотетически датированного в Таунге, Капская провинция, Южная Африка, ок. 1 млн. лет.). Формально рассуждая, следовало бы предположить, что эволюционным выходом для растительноядного австралопитека афарского могло быть сокращение численности его локальных популяций обратно пропорционально превосходству его уровня удельного метаболизма по сравнению с другими млекопитающими. Метаболизм у него был в 3,8 раза выше стандарта млекопитающих, значит, его численность должна была сократиться вчетверо, что способно было перевести австралопитека афарского, очевидно, в лице его потомка — австралопитека умелого в иную эволюцию. В самом деле, усредненное отношение биомассы растений, растительноядных и хищных животных в экосреде близко отношению величин 15 (растения), 1,5 (растительноядные) и 0,3 (хищники)²⁸, т.е. биомасса растительноядных в 10 раз меньше биомассы растений, а биомасса хищников - в 5 раз

²⁸ См.: Одум Ю. Основы экологии. М., 1975. С. 86. Фиг. 19.

меньше биомассы растительноядных. Поэтому, если численность какого-то растительноядного вида надо сократить вчетверо, ему лучше всего превратиться в хищника. Возможно, именно таким образом растительноядный австралопитек афарский породил линию хищных гоминид (австралопитек умелый, человек прямоходящий). В силу вышеуказанных причин в популяциях этих хищных гоминид (точнее, всеядных со склонностью к хищничеству) должны были существовать демографические ограничения, и мы предполагаем, что в качестве первичного демографического ограничителя гоминиды усвоили материальную культуру коллективных производительных орудий (средства коллективного производительного потребления, стабильность которых коррелировала с демографической стабильностью носителей).

Коллективную природу орудийной деятельности ранних гоминид, принадлежащей к технологии низкой степени сложности (уровень олдовайской культуры), мы объясняем корреляцией между низкой степенью сложности технологии и по возможности низкой плотностью населения первых хищных гоминид. Первостепенный интерес, конечно, представляет конкретный генезис демографически детерминированной технологии, однако факты на этот счет скудны. Типично олдовайская технология (9 типов орудий и технологический процесс примерно той же степени сложности) по сложности близка к объему кратковременной памяти у человека, измеренному в структурных единицах и равному 7 ± 2 ²⁹. Если некоторые олдовайские орудия были побочным продуктом изготовления отщепов, то степень сложности олдовайской технологии могла не выходить за пределы 7 типов. В этом случае генезис объема кратковременной памяти у человека надо искать именно здесь. С информационной точки зре-

²⁹ См.: Клацки Р. Память человека: структуры и процессы. М., 1978. С. 15, 92-96.

ния, оптимальную производительность технологии такой степени сложности обеспечивал примерно эквивалентный мужской коллектив производителей, что позволяет предполагать численность локального сообщества носителей типично олдовайской культуры в 28 особей. Палеодемографически численность сообществ ранних орудийных гоминид оценивают в 25–30 особей³⁰. Технологическая и палеодемографическая оценки, очевидно, совпадают.

Таким образом, мы предполагаем, что генезис коллективности средств производительного потребления у гоминид был вызван нуждами в демографическом самоконтроле их популяций. Этот самоконтроль обеспечивался технологическими средствами соотносно вышеописанной демографо–технологической зависимости.

3. ДУХОВНАЯ КУЛЬТУРА

Согласно демографо–технологической зависимости, изменение демографического состояния популяций древних гоминид сопровождалось усложнением практикуемой ими технологии. Более сложный инструментарий становится более специализированным и производительным, так как соответствие формы и функции орудий растет со специализацией последних. Отсюда происходит наблюдаемое в истории возрастание производительности средств труда вместе с ростом сложности порождающей их технологии.

Прямых сведений о росте производительности труда у ранних гоминид нет. Однако существуют данные, позволяющие составить общие представления на этот счет. Согласно К.Дж.Джолли³¹, древние растительноядные без-

³⁰ См.: *Кларк Дж.Д.* Указ. соч. С. 65; *Файнберг Л.А.* Указ. соч. С. 121.

³¹ См.: *Jolly C.J.* The seed eaters: A new model of hominid differentiation based on a baboon analogy // М-п, 1970. Vol. 5, № 1. P. 5–26.

орудийные гоминиды, с точки зрения пищевой стратегии, были близки ископаемым павианам симопитескам. У современных павианов бабуинов показатель эффективности сбора пищи составляет примерно единицу (это отношение времени, необходимого для добычи пищи, ко времени, связанному с ее потреблением). Аналогичный показатель, похоже, имеется и у горилл³². Однако у таких охотников и собирателей, как современные африканские бушмены и хадза, а также австралийские аборигены, этот показатель может составлять 0,25, что в среднем означает один день добычи пищи на три дня ее потребления. У примитивных земледельцев — папуасов Новой Гвинеи обсуждаемый показатель достигает уже 0,1 (т.е. день добычи пищи на девять дней ее употребления)³³. Следует добавить, что современные бушмены и австралийские аборигены (обычно) живут в условиях пустынной низкобиопродуктивной экосреды, так что древние гоминиды, населявшие более продуктивные биотопы, могли, по меньшей мере, не уступать им в эффективности добычи пищи. Не исключено, что ашельская “технологическая революция” могла сочетать рост степени сложности технологии с повышением эффективности связанного с ней хозяйства.

Рост производительности труда, связанного с добычей пищи, у первобытных гоминид сопровождался высвобождением части их активного времени от хозяйственной деятельности, а это ослабляло эффект сиюминутной нужности производственных отношений гоминид. Но сама целостность сообществ гоминид к моменту “ашельской революции” уже миллион лет обеспечивалась отношениями, связанными с технологическим образом жизни, т.е. древней формой производственных отношений. Рост про-

32 См.: Шаллер Дж. Б. Год под знаком гориллы. М., 1968. С. 177–187.

33 См.: Биология человека. С. 491; Кабо В. Р. Первобытное общество и природа // Общество и природа: Исторические этапы и формы взаимодействия. М., 1981. С. 151–153.

изводительности труда, строго говоря, снижал впечатление нужности этих производственных отношений, поскольку в свободное время они не имели никакого практического воплощения. Производственная нужда гоминид друг в друге слабела, а их сообщества в принципе должны бы были распасться, утратить свою технологию и вернуть гоминид в животное состояние.

На наш взгляд, для предотвращения такой угрозы первобытный социум стихийно нашел средства социализировать свободное время своих членов с целью поддержать свою нормальную целостность. Это сопровождалось развитием у ранних гоминид потребностей в общении непроизводственного характера. Общение подобного рода дополняло обычные производственные отношения, актуально функционирующие лишь часть активного времени гоминид (при производственных процессах). В целом все активное время гоминид могло быть заполнено различными формами коммуникаций: производственными (необходимыми для производства жизни и интеграции социума) и непроизводственными (необходимыми для интеграции социума, а в конечном счете для успешного производства жизни).

Развитие непроизводственных форм общения, приведшее к формированию вторичной непроизводственной структуры общества, не было результатом каких-то "изобретений" и т.п. У животных существуют некоторые формы поведения, которые, если предположить, что ими обладали и гоминиды, могли развиваться в непроизводственные формы общения. У животных этого не происходит, поскольку их образ жизни не порождает тех потребностей в непроизводственном общении, которые возникли у гоминид вследствие роста производительности их труда. Рассмотрим биологические предпосылки социальных форм поведения первобытных гоминид, которые легли в

основу вторичных общественных структур и связанной с ними духовной культуры.

Многие животные имеют средства коммуникации, обнаруживающие сходство с элементарной формой человеческого языка³⁴. Эксперименты с шимпанзе, ближайшим родственником человека, показали, что этот примат способен усваивать человеческий язык жестов — амслен, что послужило подкреплением гипотезы о жестовой форме первого языка гоминид³⁵, поскольку последние вполне могли иметь способности родственных им шимпанзе. Пережитки языка жестов широко представлены у современного человека (непроизвольная жестикуляция при разговоре), что может объясняться древней связью центров управления речью (зоны Брока и Вернике левого полушария головного мозга) с центром управления правой рукой в левом полушарии. Связь объясняется тем, что первоначально речевые центры обслуживали жестовый язык, а затем приспособились к управлению устной речью. Поскольку речью и правой рукой у человека ведаёт левое полушарие (у правшей), признаки подобной функциональной асимметрии головного мозга (в частности, признаки праворукости) могли бы свидетельствовать о начале процесса возникновения (или даже нейро-физиологического закрепления у австралопитека умелого) языка жестов. Н.Тот, анализируя индустрию из Кооби-Фора, 1,9–1,4 млн. (в основном это индустрия карари, 1,65–1,25 млн., синхронная раннему человеку прямоходящему), обнаружил, что ее создатели были праворукими³⁶, что может быть древнейшим свидетельством существования языка жестов у гоминид. Начало процесса,

34 См.: Ильичев В.Д., Никольский И.Д. Голоса животных. М., 1977. 95 с.

35 См.: Hewes G.W. Primate communication and the gestural origin of language // Current anthropology, 1973. Vol. 14. № 1-2. P. 5-12; Линден Ю. Обезьяны, человек и язык. М., 1981. 272 с.

36 См.: Тот Н. Указ. соч. С. 86-87.

впрочем, может восходить к финальному австралопитеку умелому, поскольку у гоминида KNM-ER 1470 (возраст $1,82 \pm 0,04/1,6 \pm 0,05$) отмечено развитое поле Брока. Причины и время перехода к устной речи у человека прямоходящего не ясны, однако, процесс завершился уже 0,73 млн. лет назад, о чем свидетельствует появление знакового творчества, датированное этим временем (см. Приложение).

Конкретный ход генезиса языка жестов у гоминид пока не ясен. Из опытов с шимпанзе известно, что наилучшим образом они усваивают язык жестов, когда их пальцы просто складывают в нужный знак³⁷. Можно лишь гадать, не передавали ли древние гоминиды аналогичным образом технологические навыки, и не привела ли подобная практика к жестовому языку. Генезис звукового языка также проблематичен. Во всяком случае, его нельзя объяснять производственной необходимостью — например, охотничьей, поскольку эволютически близкие гоминидам-охотникам хищники охотятся молча (например, гиеновые собаки).

С социально-философской точки зрения, основную функцию языка можно видеть в его способности социализировать свободное время непроизводительным способом. Так, австралийские аборигены проводят свободное время в обыденных разговорах (сплетнях)³⁸, что, несмотря на внешнюю невыразительность подобного способа общения, позволяет заполнить свободное время социальными связями.

Весьма вероятно, что генезис языка имел отношение к первой известной форме религиозных представлений — мифологии. Как показал А.Леруа-Гуран статистическим

³⁷ См.: Линден Ю. Указ. соч. С. 29.

³⁸ См.: Берндт Р.М., Берндт К.Х. Мир первых австралийцев. М., 1981. С. 260.

методом³⁹ (современную статистику см. в Приложении), в верхнепалеолитическом франко-капгабрийском изобразительном искусстве (как в наскальном, так и в мобильном искусстве малых форм) существовало поразительное однообразие сюжетов. В течение 20000 лет (от ориньяка I до мадлена VI) западноевропейские кроманьонцы рисовали основную композицию, состоящую из фигур лошади, бизона (или быка) и горного козла (или замещающих его оленей, мамонта), которую сопровождали некоторые другие (обычно крайне редкие) животные, а также редкие антропоморфы и весьма многочисленные знаки. Это сюжетное однообразие А.Леруа-Гуран совершенно справедливо объяснил крайней стабильностью стоящих за ним идеологических представлений, которым могли отвечать только мифологические. Мы показали (см. Приложение), что между франко-капгабрийским искусством верхнего палеолита и мобильным искусством среднего и нижнего палеолита существует глубокое генетическое родство. Это позволяет датировать возникновение открытой А.Леруа-Гураном мифологии временем появления первых доверхнепалеолитических памятников мобильного искусства, древнейший из которых — Странска скала (Брно, Южная Моравия, Чехия, преансель, Гюнш/Миндель II, меньше или равно 0,73 млн.).

Верхнепалеолитические создатели мифологической живописи, несомненно, обладали вербальным языком, поскольку достоверный глоттохронологический возраст древнейшего известного праязыка — ностратического составляет не менее 15000 лет (этот возраст эквивалентен примерной радиоуглеродной дате в 13000, что соответствует концу французского мадлена IV). Однако возраст праязыка современного человека, наверняка, близок возрасту его появления, т.е. не менее 200000 лет. Родство

³⁹ См.: *Leroi-Gourhan A. Les religions de la préhistoire: (Paléolithique)*. Paris. 1964. P. 77-152.

франко-кантабрийской мифологии, существование которой предполагает язык, с мифологией среднего-нижнего палеолита даст основание предполагать, что древность вербального языка не уступает возрасту нижнепалеолитического искусства — 0,73 млн. лет.

Более того, как показали А.Маршак и Б.А.Фролов⁴⁰, верхнепалеолитическое знаковое творчество, в том числе и франко-кантабрийское, отражает существование лунного календаря (А.Маршак) и арифметического счета (Б.А.Фролов). На наш взгляд, характерные для франко-кантабрийского искусства парные знаки (например, прямоугольник + ряд параллельных черт, и т.п., см. Приложение) выражали календарные пометки (лунный месяц + количественное пояснение к нему). Парные знаки франко-кантабрийского типа известны уже в нижнем палеолите, что позволяет датировать возникновение лунного календаря и арифметического счета возрастом мобильного искусства — 0,73 млн. Связь мифологии с календарем не может удивлять, поскольку, например, у австралийских аборигенов мифологические ритуалы имеют календарную привязку⁴¹.

Этологические предпосылки ритуальных форм поведения известны у шимпанзе. Дж.ван Лавик-Гудолл описала⁴² так называемый “танец дождя” у шимпанзе, когда перед началом этого климатического события возбужденные шимпанзе приплясывают, размахивая ветвями деревьев. Описан также так называемый “карнавал”, когда при встрече групп шимпанзе эти приматы возбужденно приветствуют друг друга шумными возгласами, а также обмениваются прототипами объятий, похлопываний по спине, поцелуев, рукопожатий (все эти формы поведения в

⁴⁰ См.: *Marshack A. The roots of civilization. N.Y., 1972. 413 p.; Фролов Б.А. Числа в графике палеолита. Новосибирск, 1974. 239 с.*

⁴¹ См.: *Берндт Р.М., Берндт К.Х. Указ. соч. С. 190-223.*

⁴² См.: *Лавик-Гудолл Дж. ван. Указ. соч.*

аналогичной ситуации весьма характерны для современных людей, что выдает очень древнее происхождение подобных форм общения); шимпанзе приглагольвают, сотрясают ветви деревьев, издают “барабанную дробь” ударами ладоней и подошв по стволам деревьев; как и у современных африканцев, “барабанная дробь” шимпанзе, разносящаяся на большие расстояния, служит для связи с другими группами шимпанзе (сигнализируя об обильных источниках пищи). Было бы только справедливо предположить, что развитие подобных поведенческих наклонностей могло иметь прямое отношение к возникновению ритуальных форм поведения у древних гоминид. В частности, “танец дождя” у шимпанзе теоретически мог бы находиться в отдаленном родстве с универсально распространенным в примитивных человеческих обществах обрядом вызывания дождя⁴³, а “карнавал” шимпанзе находит определенные аналогии в австралийском обряде Кунапи (встреча групп аборигенов в сезон изобилия еды, сопровождающаяся пением, танцем, шумом и пр.)⁴⁴.

С социально-философской точки зрения, ритуальное поведение, вошедшее в обычай, было призвано регламентировать (структурировать) и социализировать свободное время древних гоминид, систематически заполняя его традиционными ритуальными формами непроизводительного общения. В свете нашей концепции происхождения вторичных (непроизводительных) общественных структур генезис ритуалов представляется вполне закономерным. Рост производительности труда и свободного времени вызвал нужду в развитии и институционализации непроизводительных предпосылок ритуального поведения, имеющих у гоминид, вероятно, древнее (животное) происхождение. В рамках вторичной общественной структуры эти

⁴³ См.: Токарев С.А. Ранние формы религии и их развитие. М., 1961. С. 21.

⁴⁴ См.: Берндт Р.М., Берндт К.Х. Указ. соч. С. 214–219.

формы поведения приобрели самостоятельные социальные функции, позволяющие им упорядочивать часть свободного времени гоминид. Древность появления ритуальных форм поведения у гоминид можно определить лишь по косвенным данным. Первобытные народы, отправляя свои обряды, раскрашивают тело и ритуальные предметы красной охрой — например, австралийские аборигены⁴⁵. Возможно, охра, находящаяся на палеолитических стоянках, имела именно такое назначение. Древнейшие находки красной охры известны на стоянке ВК II Олдувайского ущелья, Танзания (верхняя часть слоя II, развитой олдувай В, ок. 1,2 млн., 2 куска красной охры).

Довольно загадочное происхождение раскраски тела у гоминид могло иметь охотничье происхождение. В качестве охотников ранние гоминиды вели себя как хищники, а характер раскраски тела у хищников зависит от их размеров (мелкие животные однотонны, средние узорчаты, а крупные вновь однотонны)⁴⁶. Масса тела у австралопитека умелого могла составлять 51,3–54,3 кг, что приближалось к массе гепарда (50–65 кг.). Вполне возможно, что австралопитек умелый раскрашивался для охоты в мелкие пятна по всему телу, поскольку такой окраской маскируется гепард. У раннего человека прямоходящего вес мог быть на 10 кг больше (молодой индивид из Нарюкотоме имел рост 1,6 м), и пятна для раскраски требовались несколько крупнее. Вполне возможно, что охотничья раскраска ранних гоминид была перенесена в ритуальное действие. Представляется также вероятным, что древние гоминиды, переселившись из теплой Африки в прохладную Европу, где они вынуждены были пользоваться одеждой, стали дублировать или заменять нателеную раскраску нателеными украшениями, обильно пред-

⁴⁵ См.: Там же. С. 190–223, 344–345.

⁴⁶ См.: Марри Дж. Д. Отчего у леопарда пятна на шкуре // В мире науки, 1938. № 5. С. 46–54.

ставленными в верхнем палеолите, начиная с ориньяка I, но известными и в среднем палеолите. Не исключено, что некоторые из этих объектов могли быть также амулетами-фетишами, поскольку клык жеребца из Пролома II, Крым (слой 2 или 1, Вюрм II В 2, 54000–51000, или Вюрм II С, 46500–39000), могущий быть подвеской, нес на себе 5 продольных черт.

Генезис календарных представлений, с социально-философской точки зрения, весьма близок генезису ритуальных форм поведения, поскольку календарные представления регламентировали жизненное время гоминид и, в частности, их свободное время. Мы не считаем возможным объяснять генезис календаря производственными нуждами, связанными с сезонной добычей пищи, поскольку все животные успешно решают сходные задачи, обходясь без календаря: точнее, они его имеют в виде разного рода биологических часов и т.п. Однако биологические часы, по-видимому, не имеют отношения к самостоятельно существующим календарным представлениям, получившим особую предметную форму (знаковые памятники мобильного искусства палеолита). Как отмечалось, предметная форма лунного календаря и связанного с ним арифметического счета датируется 0,73 млн. лет назад (см. Приложение).

Общественная природа возникшей палеолитической мифологии, на наш взгляд, также была социально-интегративной, поскольку, независимо от конкретного содержания этой мифологии, она образовывала семантическое поле, общее для всех членов палеолитического социума. Речь идет о круге общих представлений, передаваемых из поколения в поколение, от одних членов группы — к другим, что создавало между носителями мифологических представлений еще один вид социальной связи непронизводственного характера, призванной заполнить свободное время гоминид общением, способствующим

поддержанию целостности сообщества. У австралийских аборигенов миф может рассматриваться как "рассказанный или пропетый обряд"⁴⁷, что сближает социальные функции мифологии и ритуала.

В качестве одной из ритуальных форм поведения, по-видимому, надо рассматривать погребальный ритуал. Его биологические предпосылки, возможно, имеются у orangутанов и гориллы, которые покрывают труп сородича грудой листьев и засыпают землей⁴⁸. Погребения появляются у неандертальцев, по меньшей мере, в Рисс/Вюрме (слой 6 грота Кинк-Коба, Тау-Кипчак, Симферополь, Крым, Украина, зубчатое мутье, Рисс/Вюрм, 111000, коллаген).

Ритуализация общественной жизни гоминид, очевидно, означала появление определенных нормативов социальных коммуникаций. Способность гоминид к усвоению подобных нормативов, по-видимому, не ограничивалась религиозными традициями и обрядами. В самом деле, наша концепция вторичных общественных структур подсказывает, что все непродуцированное активное время гоминид должно было быть регламентировано в интересах поддержания целостности социума. Здесь у гоминид появились существенные поведенческие перспективы. С биологической точки зрения, поведение животных и гоминид можно подразделить на два основных типа: эгоистическое и альтруистическое поведение в буквальном смысле этих терминов. Эгоистическое поведение предписывает особи стратегию поступков, обеспечивающую особи максимальную выживаемость даже в ущерб другим особям. Такого рода поведение вырабатывается у животных благодаря индивидуальному естественному отбору. Альтруистическое поведение предполагает в стратегии поступков особи определенную составляющую таких по-

⁴⁷ См.: Берндт Р.М., Берндт К.Х. Указ. соч. С. 220.

⁴⁸ См.: Шаллер Дж.Б. Указ. соч. С. 167, 217.

ступков, которые прямо не способствуют выживанию особи, но помогают выжить ее генетическим родственникам⁴⁹. Эта линия поведения поддерживается групповым отбором, который благоприятствует выживанию сходного генотипа, представленного у близких родственников. Подобный групповой отбор является, в сущности, вариантом индивидуального естественного отбора, поскольку единицей приложения индивидуального отбора является единичный генотип, представленный у единичной особи, а единицей приложения группового отбора оказывается тот же единичный генотип, тиражированный у нескольких родственников особей.

В популяциях животных биологический эгоизм и альтруизм сбалансированы. Гоминиды с ростом производительности труда должны были попасть в ситуацию, когда баланс эгоизма и альтруизма у них нарушился. В самом деле, у гоминид появилось активное время, свободное от добычи пищи. Материальные жизненные факторы, способные питать эгоистичное поведение, в сфере свободного времени были представлены слабо, и, следовательно, в этой сфере поведенческий баланс должен был измениться в пользу альтруистичного поведения, поскольку, в отличие от эгоистичного поведения, альтруистическое поведение предполагает позитивные связи между индивидами, а раннее общество как раз и нуждалось в таких связях для социализации своего свободного времени непродуцированным путем. Именно этим обстоятельством мы объясняем широкую распространенность в человеческих социумах альтруистических форм поведения. Что же касается древних гоминид, то они стали альтруистичнее своих животных предков не из высших соображений, а потому, что альтруистичные формы общения (забота о

⁴⁹ См., например: Дьюсбери Д. Указ. соч. С. 56-57, 339; Пуанка Э. Эволюционная экология. М., 1981. С. 187-190; Меннинг О. Указ. соч. С. 235, 330.

слабых и старых, может быть, забота о покойных) понадобились им для заполнения свободного времени чем-то полезным, с точки зрения консолидации социума.

В первобытном обществе, где происходила регламентация свободного времени (например, ритуальным образом), количественно растущие формы альтруистичного поведения, естественно, так же должны были претерпеть институционализацию в рамках вторичной общественной структуры. Нормированное альтруистичное поведение в человеческом обществе представлено нравственными формами поведения. Следовательно, можно предполагать, что нравственность возникла у гоминид с началом эпохи избыточной производительности труда. Первые признаки альтруистического поведения отмечены у человека прямоходящего более 1,5 млн. лет назад⁵⁰.

Языковые, ритуальные и нравственные формы коммуникаций у гоминид имели, как можно видеть, отчетливые биологические предпосылки. В отличие от названных форм вторичных общественных структур, ранние религиозные формы общения у гоминид, по-видимому, не имели биологических предпосылок. (Здесь, отвлекаясь от известной концепции Дж.Дж.Фрэзера, мы не делаем различий между магией и религией.)

Ранние типы верований у гоминид (анималистическая мифология, магия, тотемизм, фетишизм, анимизм) связаны (за вычетом анимизма) с определенными предметными формами, классификационные свойства которых проливают свет на генезис указанных верований. Исходной предметной формой общественного бытия гоминид были средства коллективного производительного потребления, технологические нормы изготовления и употребления которых позволяют определить их как предметы определенного активного класса. Исходя из

⁵⁰ См.: Бутовская М.Л., Файнберг Л.А. У истоков человеческого общества: Поведенческие аспекты эволюции человека. М., 1993. С. 199.

нашей гипотезы, можно было бы ожидать, что ранний социум для заполнения своего свободного времени должен был инсценировать технологические формы поведения в это непроизводительное время. При этом развитие предметной формы технологии должно было идти вполне предсказуемым путем: путем расширения и пассивизации ее класса. Расширение обуславливалось нуждой в заполнении свободного времени, а пассивизация — в заполнении этого времени непроизводительным путем.

Первая линия развития предметного бытия гоминид (путем расширения класса) должна была привести к возникновению предметов неопределенного активного класса, в которых угадываются инструменты магии. В самом деле, магию отличают «обряды, идея которых состоит в сверхъестественном воздействии человека, непосредственно или посредством материальных предметов, слов или движений, на материальный же объект»⁵¹, в чем состоит активное, наступательное начало магии⁵². Предметной же формой магии является инструмент магии, в качестве которого могут выступать самые разнообразные объекты⁵³. Таким образом, магию в генезисе можно определить как непроизводительную инсценировку технологического способа поведения с применением предметов неопределенного активного класса (инструментов магии), что осуществлялось в интересах заполнения свободного времени с целью его социализации: общением непроизводительного характера (магическими обрядами). Инструменты магии в этом отношении восходили к средствам труда. Древнейшие гипотетические инструменты магии — это неуглигарные призмы из кварца (кристаллы кварца — типичный инструмент магии в магических обрядах, на-

⁵¹ Токарев С. А. Указ. соч. С. 30.

⁵² См.: Фрэзер Дж. Дж. Золотая ветвь: Исследование магии и религии. 2-е изд. М., 1983. С. 39, 53-64.

⁵³ См.: Берндт Р. М., Берндт К. Х. Указ. соч. С. 224-254.

пример, австралийских аборигенов⁵⁴), найденные на стоянке синантропов в Нижней пещере Чжоукоудянь, Китай (рубеж Мицдель I — Мицдель I/II, 459000, палеомагнитный возраст — 460000).

Другая линия развития предметного бытия гоминид (путем пассивизации класса) угадывается в появлении предметов определенного пассивного класса, которые можно отождествить с изобразительными предметными формами анималистической мифологии франко-кантабрийского типа. Эти предметные формы воплощали ограниченное число сюжетов и являлись объектом пассивного почитания, т.е. были предметами определенного пассивного класса. Предметные формы анималистической мифологии восходили к предметам труда (объектам охоты). Анималистическая мифология датируется Рисс/Вюрмом, 134000 (поздний ашель Богутлу), но теоретически может быть синхронна самым началам изобразительной деятельности у гоминид 730000 лет назад (см. Приложение).

Развитие предметной формы анималистической мифологии (путем расширения класса) могло породить предметы неопределенного пассивного класса с анималистической составляющей, в которых следует видеть предметную форму тотемизма. Предметные формы тотемизма, как и мифологии, не были рассчитаны на активное воздействие на действительность, а в качестве тотемов могли выступать животные, растения, луна, солнце, реки, камни, младенцы, духи, участки земли, священные предметы, жара, холод, болезни и др. явления природы⁵⁵. Следовательно, предметную форму тотемизма (тотемные эмблемы, в частности) можно определить как объекты неопределенного пассивного класса. Древнейшая гипоте-

⁵⁴ См.: Там же. С. 229, 232, 233, 243; Фрэйзер Дж. Дж. Указ. соч. С. 43-44, 78.

⁵⁵ См.: Берндт Р. М., Берндт К. Х. Указ. соч. С. 162, 164, 170.

тическая зооморфная тотемная эмблема — целый слоновый череп (наряду с другими разбитыми) рядом с большими костями и бивнем, выстроченными в линию, — обнаружена в Амбронсе (Сорня, Испания, древний средний ашель, Миנדель II, 383000–362000).

Далее, развитие предметной формы магии (путем пассивизации класса) также должно было вылиться в оформление предметов неопределенного пассивного класса с фактурой инструментов магии (камни, артефакты животного происхождения, орудия и т.д.). Это определение справедливо для предметной формы фетишизма, поскольку фетишами могли быть любые предметы⁵⁶, а сами фетиши являлись объектом пассивного почитания. Датировка предметов фетишизма проблематична. Возможно, к этому кругу артефактов относится несколько фрагментов кварцита со следами полировки из карьера Писечни врх (Бечов, Мост, Чехия, разрез А, горизонт III/6, древний тейак [протошаранг], ингер-Рисс, 262000–204000), хотя не исключена их связь с инструментами магии. Сюда же можно отнести нательные подвески (амулеты-фетиши?, начиная с грота дю Пеш-де-л'Азе II, Карсак, Дордонь, Франция, слой IV А, типичное мустье, Вюрм I Амерсфорт, 105000–104000, и т.п.).

С философской точки зрения, общим источником всех этих предметных форм представляются орудия древних гоминид. Набор этих орудий, особенно в ранних культурах, был узко ограничен, а сами орудия предназначались для активного воздействия на действительность. Следовательно, их предметную форму можно определить как объекты ограниченного активного класса. С расширением и пассивизацией своего класса эта предметная форма превращалась, как выше указано, в предметные формы ранних верований. Формальные признаки предметной формы фетишизма (объекты неопределенного пас-

⁵⁶ См.: Тайлор Э.Б. Первобытная культура. М., 1989. С. 210–211.

сивного класса) близки признакам анимизма, если понимать их формально. Духовные существа (телесно определенные души и бестелесные духи), являющиеся объектом анимистических верований, могут иметь самую разнообразную природу: от пантеистических духовных существ, населяющих и оживляющих всю природу, до небольшой группы антропоморфных духовных существ, представленных духами-хранителями⁵⁷. Следовательно, духовные существа анимизма отвечают субстанциям неопределенного класса. Духовные существа могут не иметь материальной оболочки (от их вербального материального способа существования можно отвлечься, поскольку он отождествляется с формой общения с духовным существом). Следовательно, духовные существа не могут быть проводником какой-либо предметной активности верующих. В итоге духовных существ анимизма можно определить как субстанции беспредметного (нематериального) неопределенного пассивного класса. От предметной формы фетишизма духовные существа анимизма отличаются, таким образом, только своей нематериальностью. Иными словами, анимистические духовные существа эквивалентны фетишам, лишенным предметной формы. С этой точки зрения, духовные существа анимизма могли происходить от фетишей в результате приобретения последними "потусторонней" формы существования. Э.Б.Тайлор предполагал обратный порядок вещей (анимизм первичен, фетишизм вторичен)⁵⁸, однако в методологическом отношении такое воззрение несостоятельно, поскольку предметные формы духовной культуры в человеческой истории всегда древнее соответствующих идеальных форм, так как последние являются результатом абстрагирования от своей предметности.

⁵⁷ См.: Тайлор Э.Б. Указ. соч. С. 356–357, 364–367.

⁵⁸ См.: Тайлор Э.Б. Указ. соч. С. 337.

Происхождение анимизма в свете его формальных признаков должно быть связано с приобретением духовными существами фетишизма способности к самостоятельному нематериальному существованию (речь идет, конечно, о представлениях носителей анимизма и ходе генезиса этих представлений). "Нематериальная", "потусторонняя" форма существования могла быть открыта первобытными людьми в ходе отправления погребального культа, поскольку предметные формы последнего были единственной реальной предметной формой потустороннего мира. Умершие и сопровождающие их предметы, оказавшись в погребении, приобретали в глазах соплеменников свойства потустороннего существования: погребенные люди становились "душами", а погребенные фетиши — "духами". Будучи открыта, потусторонняя форма существования духовных существ (анимизм) сообразно идеологическим потребностям вторичных общественных структур к расширению должна была широко переноситься на субстанции за пределами собственно погребального культа.

В связи с построенной нами схемой генетических взаимоотношений мифологии, магии, тотемизма, фетишизма и анимизма встает вопрос об общем источнике генезиса духовных существ, которые обрели самостоятельное существование лишь на стадии анимизма, а в рамках более ранних форм верований были связаны с предметными формами последних.

Очевидно, древнейшие гоминиды не имели представлений о духовных существах. Однако при образовании вторичной общественной структуры появились религиозные формы общения, конкретный характер которых отразился на предметных формах ранней религии. Ценность этих предметных форм состояла в их роли в социализации популяций гоминид непрямой, производимой путем, что выражалось в общепринятости в каждом конкретном сооб-

ществе значения предметных форм религии. Эмоциональная реакция на эти предметные формы и связанные с ними религиозные формы общения могла выразиться в развитии соответствующих религиозных чувств, субъективная сторона которых могла быть иллюзорной, однако объективная ценность этих чувств состояла в их работе на интегративные социальные связи.

Охотничьи сообщества человека прямоходящего могли социализировать свое свободное время ритуальными формами поведения, связанными с охотой. Вторичной мотивировкой соответствующих обрядов явилась мифология франко-кантабрийского типа, которая была опредмечена в беспамяти произведений искусства (кремневая скульптура и т.д.). Эта предметная форма первой мифологии фиксировала живых существ — животных, так что первые духовные существа, неразрывно связанные с предметной формой мифологии, имели анималистическое происхождение. Мы предполагаем, что сам гештальт одушевленности кремневой мифологической скульптуры был связан с тем обстоятельством, что эта скульптура изображала живых существ. Непроизводительное употребление объектов, опредмечивающих мифологию, возникло весьма логично. Предметное бытие первобытного человека, зафиксированное в технологии, имело ограниченный и производительный характер (объекты определенного активного класса). При распространении этого предметного бытия в сферу непродушевленной вторичной общественной структуры (мифология) оно сохранило свой ограниченный характер, но закономерно утратило производительные свойства (объекты определенного пассивного класса, отражающие животные предметы труда, представленные скульптурой, гравюрой, а затем и живописью мифологии франко-кантабрийского типа). Духовные существа (“души” животных) здесь неотделимы от своего предметного воплощения (анималистическое искусство).

По мере роста производительности труда первобытный социум испытывал потребность в расширении вторичных общественных структур. Эта тенденция реализовалась с расширением предметной формы мифологии, что дало предметную область объектов неопределенного пассивного класса, связанных с духовными существами (душами животных).

Наконец, в эпоху существования погребального культа появились условия для представлений о фетишах и людях, способных к потустороннему существованию, что было эквивалентно возникновению веры в самостоятельных духовных существ анимизма. Однако до цивилизованной эпохи духовные существа обычно сохраняли свою исходную зооморфную и фетишистскую природу.

Особенностью связей предметных форм первобытных верований является их количественный прогресс в ходе генезиса, что может быть прямым следствием роста производительности труда и потребностей во вторичных общественных структурах. Обращает на себя внимание следующее обстоятельство. Основы первобытных общественных структур распадаются на две группы. Одна из них имеет очевидные биологические предпосылки (язык, ритуал, нравственность, погребения), а другая — нет (мифология, магия, тотемизм, фетишизм, анимизм). Последняя группа вторичных общественных связей является исключительным достоянием гоминид, и представляется правомерным связать ее генезис с другим исключительным достоянием гоминид — средствами коллективного производительного потребления. Как показано выше, предметную форму средств производства удастся сблизить логичными генетическими связями с предметными формами существования мифологии, магии, тотемизма и фетишизма: Гипотетические формы поведения, связанные с этими ранними верованиями, также выводимы из технологического поведения. Анималистическая

мифология — это инсценировка охотничьих форм поведения, реализующаяся в обрядах, мифологических поведении и т.п. Магия — инсценировка орудийного поведения. Превращение же производительных технологических форм поведения в непроизводительные социальные связи хорошо объясняется природой вторичных общественных структур и подтверждается сравнением формальных свойств предметной области технологии с предметными областями верований, отличающимися последовательной пассивизацией (непроизводительная функция) и расширением пропорционально росту свободного времени гоминид. Таким образом, формальный анализ предметных форм ранних верований получает ясное социально-философское истолкование.

Все точно или гадательно датированные признаки вторичных общественных структур относят их ко времени существования представителей биологического рода "человек". Если бы эти датировки подтвердились (т.е. не удревнились), можно было бы сделать небезынтересные выводы. Человек прямоходящий отличался от австралопитеков современным строением тела. Кроме того, у человека прямоходящего отмечено первое несомненное проявление самодвижения средств коллективного производительного потребления — возникновение раннего ашеля и ашельского развитого олдвая В. Самодвижение средств труда исключает гипотезу об инстинктивной природе труда у человека прямоходящего. Кроме того, этот гоминид уже уверенно перешагнул "мозговой рубикон" минимального объема головного мозга, необходимого для овладения вербальной речью (750 см³, объем мозга современного младенца к концу первого года жизни или человека прямоходящего на седьмом году жизни). Самодвижение его средств производства должно было выразиться в подъеме производительности труда (возможно, первом событии такого рода в истории чело-

вещства), а возникшее в результате этого свободное время вызвало стихийное превращение некоторых биологических форм поведения (ригуал, альтруизм, погребение), а также технологических форм поведения в институционализированные вторичные общественные структуры (язык, мифология, магия, тотемизм, фетишизм, анимизм).

Резюмируя сказанное в настоящей главе, мы можем сделать вывод, что в первобытном палеолитическом обществе, по-видимому, возникла социальная зависимость между демографическим состоянием социума и степенью сложности практикуемой им технологии. В свою очередь рост степени сложности технологии, сопровождавшийся ростом производительности труда и свободного активного времени создателей технологии, вызывал потребность в социализирующих это свободное время вторичных общественных структурах, в роли которых выступили первобытные формы языка, религии, искусства, нравственности и других форм культуры. Указанные социально-философские закономерности, очевидно, продолжали действовать и в эпоху непосредственного становления цивилизованного общества.

Глава II

РАННЯЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ

1. НАКАНУНЕ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Предмет настоящего исследования — первые классические цивилизации Старого Света, зародившиеся на Ближнем Востоке. Непосредственной предпосылкой их возникновения явились социальные последствия ближневосточной неолитической технологической революции, а непосредственной предпосылкой последней, согласно нашей демографо-технологической зависимости (гл. I, 2), послужил ближневосточный позднемезолитический демографический взрыв. Анализируя доисторические реалии Ближнего Востока, можно показать, что время и место ближневосточной неолитической революции были далеко не случайны. Тем самым не случайны были время и место зарождения первых классических цивилизаций Старого Света.

Закономерное место возникновения производящего хозяйства и связанной с ним ближневосточной неолитической технологической революции обусловлено следующим. Основные палеоантропологические и технологические события первобытной истории происходили главным образом на Африканском континенте. Это обстоятельство имело вполне определенную основу. Тропические условия Африки обеспечивают своим обитателям максимальную биопродуктивность среды¹, которая способствовала более быстрому демографическому росту африканских популя-

¹ См.: Лархер В. Экология растений. М., 1978. С. 128.

ций гоминид. В силу предполагаемой нами зависимости между плотностями населения человеческих популяций и степенью сложности практикуемых ими технологий африканские популяции ранее других достигали нового уровня развития целого ряда культур. Это не означает, что в Евразии не происходило самобытных технологических событий. Однако в целом на протяжении первобытной истории Африка неоднократно служила источником новых технологий и новых популяций, последней из которых была популяция ранних представителей человека современного вида. Это положение вещей детерминировалось экологическими причинами и было характерно для эпохи присваивающего хозяйства.

В эпоху производящего хозяйства центр генерации новых технологий должен был переместиться из тропиков в субтропики. Дело в том, что тропическая экосреда, действительно обладая высоким уровнем биопродуктивности, характеризуется также высокими скоростями круговорота веществ в природе. Из-за последнего обстоятельства (нет значительных плодородных почв) тропическая экосреда не слишком благоприятна для земледелия и производящей экономики в целом. В умеренном поясе темпы круговорота веществ в природе невысоки (имеются плодородные почвы), однако уровень биопродуктивности среды также относительно не слишком высок, что неоптимально для генезиса земледелия. Напротив, субтропический пояс сочетает средние темпы круговорота веществ в природе со средним уровнем биопродуктивности среды, что оптимально для генезиса земледелия (особенно в речных долинах). Очень благоприятными для производящей экономики становились природные условия в течение высокобиопродуктивных межледниковых периодов (в том числе современного голоценового) и во время теплых межстадиалов ледниковых периодов.

Указанные экологические предпосылки развития производящей экономики на протяжении человеческой доистории возникали неоднократно, однако до современного межледникового периода цивилизация производящей экономики не была создана. Едва ли причина этого феномена заключалась в том, что создателем цивилизации мог быть только высокоинтеллектуальный, как обычно считается, человек современного типа. Дело в том, что представители нашего современного подвида гоминид (человек разумный разумный) существовали в ближневосточных субтропиках уже во времена более теплого, чем современное, межледникового Рисс/Вюрм, 134000–110000. Существовали они там и во время теплых интерстадиалов вюрмского ледникового периода (например, Брёрупа, 100000–92000, в Джебель Кафзах, Израиль). Но никаких следов производящей цивилизации доголоценового времени мы не знаем. Очевидно, помимо экологических предпосылок цивилизации, существовал еще один решающий фактор, с которым и следует связывать исходные причины становления цивилизации. В рамках нашей концепции таким фактором можно считать изменение демографического состояния социума, в соответствии с которым социум должен был изменить и свою технологию в сторону ее усложнения. Возникновение производящей экономики как раз и является революционным усложнением технологии добычи средств к существованию, и истоки этой технологической революции следует видеть в синхронном ей демографическом взрыве, который разворачивался на Ближнем Востоке с конца Вюрма, что соответствует примерной календарной дате незадолго до 11700 лет назад².

² Из-за колебаний содержания углеродного изотопа ^{14}C в древней атмосфере радиоуглеродные даты анализируемых образцов оказываются моложе их календарного возраста (это обстоятельство выявлено благодаря изучению годичных колец деревьев, образованных за по-

Закономерное время возникновения производящего хозяйства на Ближнем Востоке вытекает из возраста имевшего там место позднемезолитического демографического взрыва. Реальность и дата последнего вытекают из обстоятельств стремительного лингвистического распада местных языков, явившихся предками для большинства языков Евразии, Северной Африки и сопредельных территорий. Распад языков в данном случае, несомненно, свидетельствовал о демографическом росте и экспансии, а хронологические и географические рамки последних выдают в них подлинный демографический взрыв. Лингвоархеологический анализ показывает следующую картину его развертывания.

Верхний палеолит Леванта (Израиль, Иордания, Ливан, Сирия) представлен индустрией ахмарской традиции и левантйским ориньяком. Ахмарская традиция (календарный возраст 53900–21800/радиоуглеродный 46950–19000) происходит от местного мустье, которое было связано с неандертальским человеком (пещера Эш–Шуббабик (Шовах), Зефат, Израиль, типичное мустье с 2 остриями Эмирех, характерными для ахмара, 1 моляр неандертальца). Однако среди носителей левантйского мустье имелись и протокрманьонцы (см. гл. I). Леван-

следние 8000 лет). Так, календарной дате 4650 отвечает радиоуглеродная дата 4050 лет назад, а начало голоцена, вероятно, наступило на 1500 лет раньше своих радиоуглеродных датировок. При сравнении, например, верхнепалеолитических феноменов между собой омоложенность радиоуглеродных дат не имеет значения, поскольку подлинные календарные даты для верхнего палеолита, все равно, неизвестны. Однако для голоценового времени уже появляются календарные даты, извлеченные из исторических источников (подобные даты древнее радиоуглеродных). Имеются также глоттохронологические даты, близкие календарным (глоттохронология позволяет оценивать возраст разделения родственных языков методом статистического анализа).

тийский ориньяк прошел три стадии развития: А (42500-36700/37000-32000¹⁴С), В (36700-29900/32000-26000¹⁴С) и С (атлтиан, 29900-21800/26000-19000¹⁴С). Происхождение левантийского ориньяка неясно, но он, как и ахмар, был моложе европейского ориньяка (Бачо-Киро, Болгария, календарно 57400, более 49400; или 50000+9000, -4000, более 43000¹⁴С). Ахмарская традиция и ориньяк С (атлтиан) характеризуются присутствием микролитов, обычно свойственных мезолитической эпохе, которая в Леванте, таким образом, находит местные корни.

Атлтиан, возможно, связан с носителями пока сугубо гипотетического синокавказско-ностратического праязыка.

Эпипалеолит (мезолит) Леванта представлен тремя основными последовательными и родственными культурами с микролитами. Обладатели культуры кебары (21800-16000/19000-13950¹⁴С) были, вероятно, носителями ностратического праязыка, распавшегося, по глоттохронологическим данным, ок. 15000 лет назад. Археологические данные показывают прямую генетическую связь кебары с геометрической кебарой (Бержи, Ливан). Представители культуры геометрической кебары (16000-14300/13950-12450¹⁴С), вероятнее всего, являлись носителями западноностратического праязыка. Последняя была прямо связана с натufийской культурой (Эйн Гузв IV, Кишерет, Израиль). Наконец, обладатели натуфа (14300-11700/12450-10200¹⁴С) были носителями наиболее древнего из ностратических языков — праафразийского (пра-семитогохамитского)³, что подкрепляет отождествление лингвистической принадлежности более раннего мезоли-

³ См.: Милитарев А.Ю., Пейрос И.И., Шнирельман В.А. Методологические проблемы лингвоархеологических реконструкций этногенеза. Приложение 1: Милитарев А.Ю., Шнирельман В.А. Проблема происхождения афразийцев // Сов. этнография, 1988. № 4. С. 32-35.

тического населения Леванта. Праафразийский распался 12000 ± 1000 лет назад.

В конце своего существования кибара была распространена не только в Леванте, но и в Южной Турции (Бельбаси). Вероятно, из этого региона началось распространение синокавказцев по Анатолии и Северной Месопотамии. Ныне синокавказские языки (баскский, северокавказские, египетские, сиотибетские, на-джене) распространены отдельными очагами от Испании до Калифорнии. Однако хронометраж раннего распада синокавказских языков изучен пока недостаточно, а дата распада синокавказского праязыка (10000 ± 1000) должна рассматриваться как предварительная, поскольку учет материалов новых синокавказских языков (баскский, этрусский, бурушаски) способен внести коррективы в эту предварительную оценку.

Гораздо лучше известна история ностратов. Около 15000 лет назад ностратический праязык распался на западноностратическую (афразийский, картвельский, индоевропейский) и восточноностратическую (эламо-дравидский, урало-алтайский) группы. Носители западноностратических языков остались в Леванте (афразийцы) и к северу от него (картвелы, индоевропейцы). Последнее обстоятельство вытекает из судьбы носителей картвельских и индоевропейских языков. Пракартвелы отбыли из Леванта на Западный Кавказ, где много позже (5000 ± 1000) их язык распался. Весьма вероятно, что в авангарде у них индоевропейцы тем же путем отправились в Северное Причерноморье.

Распространение индоевропейских языков в Европе отчасти было связано с экспансией археологических культур боевых топоров и шнуровой керамики, относящейся к III тыс. до н.э. (реальный календарный возраст может быть несколько древнее: 5680–4540 лет назад). Эти культуры охватили большую часть Европы, а потому трудно

представить, что их носители говорили на каких-то индоевропейских языках. К кругу культур боевых топоров относились родственные культуры катакомбных и ямных погребений (юг Восточной Европы, катакомбная — конца III тыс. до н.э., а ямная — несколько древнее). Среднехалколитическая ямная культура была генетически связана с древнехалколитической культурой Средний Стог (Украина, юго-запад России), которая датируется в пределах 4300–3500 до н.э.¹⁴C, или в календарном исчислении 7180–6260 лет назад, т.е. глоттохронологическим возрастом распада индоевропейского праязыка (6000±1000). Из отмеченных культурных связей вытекает, что, если носители боевых топоров были индоевропейцами, то среднеоговцев можно считать поздними праиндоевропейцами.

Скотоводство среднеоговской культуры на 75% базировалось на одомашненной лошади, и эта культура замечательна еще и тем, что ее носители впервые в истории освоили верховую езду на лошади: в среднеоговской культуре представлены роговые элементы конских удиц, а недавние исследования⁴ зубов среднеоговской лошади показали, что эти удила применялись по современному их назначению. Древнейшая верховая лошадь датирована ок. 6830 лет назад (жеребец из Деревки, Украина, ок. 4000 лет до н.э. по ¹⁴C). Этнологические параллели показали, что освоение верховой езды должно было сопровождаться для среднеоговцев ростом демографического состояния и повышением мобильности, что объясняет распад праиндоевропейской культуры и широчайшее распространение ее производных по Евразии: конная ямная и другие культуры⁵.

⁴ См.: Энтони Д., Телегин Д.Я., Браун Д. Зарождение верховой езды // В мире науки, 1992. № 2. С. 36–42.

⁵ См.: Кузьмина Е.Е. Колесный транспорт и проблема этнической и социальной истории древнего населения южнорусских степей // Вестник древней истории, 1974. № 4. С. 68–87.

Источником среднестоговской культуры на Украине была неолитическая культура Днепр–Донец, в которой уже представлена одомашненная лошадь (V–IV тыс. до н.э. некалиброванной шкалы), а еще раньше — неолитическая культура Сурск–Днепр (V тыс. до н.э. некалиброванной шкалы, или 7980–6830 календарных лет назад) со слабо развитым сельским хозяйством. На Украине они не имели местных корней и, значит, были принесены извне, однако халафская культура⁶ (Северный Ирак, Сирия, Восточная Турция, 8670–7130/7550–6209 ¹⁴C) едва ли послужила их источником (различия в керамике, хронологические и географические соображения и др.). Носителей халафской культуры скорее можно сблизить с дошумерскими и досемитскими аборигенами Месопотамии, говорившими на “прототигридском” или “банановом” языке⁷ преимущественно открытых слогов.

В натуфийскую эпоху в связи с распадом праафразийского языка от него отделился праегипетский, который в отличие от прочих афразийских не участвовал в лингвистических контактах с северокавказскими языками в регионе Южной Турции, где засвидетельствовано присутствие натуфийцев (Бельдиби; Бельбаси). Это приводит к выводу, что отделившаяся от натуфа культура хариф (пустыня Негев в Юго–Западной Иордании и Северный Синай в Египте, 12000–11420/10450–9950) принадлежала носителям праегипетского языка⁸.

Натуфийская культура в голоцене трансформировалась в древнеолитические культуры Леванта: протонео-

⁶ См.: Гамкрелидзе Т.В., Иванов В.В. Миграции племен — носителей индоевропейских диалектов — с первоначальной территории расселения на Ближнем Востоке в исторические места их обитания в Евразии // Вестник древней истории, 1981. № 2. С. 11–33.

⁷ Ср.: История древнего Востока: Зарождение древнейших классовых обществ и первые очаги рабовладельческой цивилизации. Ч. 1. Месопотамия. М., 1983. С. 91–92.

⁸ См.: Милитарев А.Ю., Шнирельман В.А. Указ. соч. С. 34–35.

лит, докерамический неолит А (11700–10850/10200–9450) и докерамический неолит В (10850–9130/8450–7950), которые сменились керамическим неолитом типа сиро-килийских культур Амука А (9130–8670/7950–7550) и Амука В (8670–7980/7550–6950). Эти культуры были генетически связаны между собой и развивались, начиная со стадии докерамического неолита А, в условиях прогрессирующего производящего хозяйства. Первыми от натуфийских афразийцев отделились носители омотских и кушитских языков, чей путь в Восточную Африку пока неизвестен. Затем отделился праегипетский, носители которого позже создали в дельте Нила земледельческий поселок Меримде (древний керамический неолит, 8040/7230/7000–6300). И наконец, произошло разделение семитских и берберо-чадских языков (8500±500), отмеченных появлением производящего хозяйства в оазисах Ливийской пустыни (Юго-Западный Египет, 8500–7500). Таким образом, неолитическое население Леванта принадлежало главным образом к семитской языковой группе, которая положила начало и языкам Аравии. Экспансия неолитических семитов видна из археологических данных. Их культура среднего докерамического неолита В (10160–9820/8850–8550) продвинулась в Юго-Восточную и Южную Турцию (Чайсино Тепеси, 10560–9780/9200–8520; Асикли-Хююк, 10280–9890/8957–8611), что расчленило ареал местных сипокавказских языков. Однако лингвистические следы семитов в этом регионе были уничтожены последующими миграциями. На стадии древнего керамического неолита носители семитских языков продвинулись в Северную Месопотамию, где они засвидетельствованы хассунской культурой (Северный Ирак, 9130–7980/7950–6950), содержащей в инструментарии остря Библос, известные в Леванте в докерамическом неолите В и в древнем керамическом неолите эпохи Амука А–В, синхронной хассунской культуре. Носители родст-

венной хассуне культуры самарра (в основном Северный-Центральный Ирак, 8690-7870/7570-6850) могли иметь аналогичную языковую принадлежность. Предположительный семитский язык хассунцев и самаррцев был замещен в том же регионе северосемитским аккадским (5300 лет назад). Семитские носители докерамического неолита А типа Иерихона (11830-10010/10300-8720) также мигрировали на Кипр, где аналогичная докерамическая культура засвидетельствована ок. 8600 лет назад (ок. 7500 ¹⁴С: Кап Андреас Кастрос; Хирокития).

Восточно-постратический праязык ориентировочно существовал 16000-14000 лет назад, и за это время его носители мигрировали из Леванта в Западный Иран, на территории которого восточнопостратический распался на эламодравидский и урало-алтайский, что было вызвано смещением уралоалтайцев в Юго-Восточный Прикаспий и Южную Туркмению. Здесь урало-алтайцам могла принадлежать культура Бельт (Иран, 14090-13180/12275-11480) и родственный ей поздний мезолит Дам Дам Чешме (Туркмения). Ок. 13000 лет назад урало-алтайский разделился на урало-юкагирский и алтайский праязыки, после чего носители урало-юкагирского начали движение к Уралу (распад их языка на Южном Урале датируется 5500±500 лет назад), а предки алтайцев мигрировали на Алтай, где их праязык 10500±1500 лет назад дал начало многочисленным языкам алтайской семьи. По глоттохронологическим данным, эти значительные миграции происходили в вюрмское время мезолитической эпохи.

Носители эламодравидского праязыка в Юго-Западном Иране стали создателями группы земледельческих культур, начинающихся с докерамической неолитической фазы Бус Мордех поселения Али-Кош (11370/9900±200 ¹⁴С), в которой представлен начальный этап развития земледелия (94,6% дикорастущих растений на 3,4% культурных: пшеница однозернянка и двузернянка

(эммер), многорядный голозерный ячмень). Возможно, в этот период прадравиды отделились от предков эламитов и мигрировали на территорию Индостана в долину Инда, где с их приходом появился докерамический неолит с полукультурным ячменем и отчасти одомашненной козой (Мергар, Пакистан, ок. 10000/начало VII тыс. до н.э. по радиоуглеродной шкале). Культурная последовательность Мергара продолжалась от начала VII до начала III тыс. до н.э. (ок. 10000–5700 по календарной шкале), от докерамической фазы неолита до стадии керамики стиля Кветта. Последней в Мергаре предшествует керамика стиля Кечи–Бег (между 6300 и 5700), традиции которой прослеживаются в керамическом стиле Кот Диджи (например, в Амри, Пакистан, 5570–5300/48504615). Керамика стиля Кот Диджи является составной частью прехараппанской культуры, в которой появляются аналоги городской культуры Хараппы, например, цитадель и обводная стена в Кот Диджи (Пакистан, 5220–4650/4550–4050). Имеются данные, указывающие на культурную преемственность между прехараппанскими культурами (6150–4270/5356–3715) и хараппанской цивилизацией (4970–3660/4330±220–3190±110¹⁴C)⁹, что допускает этническое родство хараппанцев с прехараппанцами и мергарцами. Поскольку хараппанцы были, вероятнее всего, дравидами, можно думать, что создатели культурной последовательности Мергара говорили на прадравидском языке. Его распад 5000 лет назад сигнализирует о местном демографическом взрыве, который следует считать причиной возникновения хараппанской цивилизации.

Будущие эламиты в Иране сформировали серию культур Али–Кош — Яхья (11370–6440/9900–5610), заключительная фаза которых непосредственно предшествовала появлению протоэламской письменности. Эта

⁹ См.: *Щетенко А.Я.* Первобытный Индостан. Л., 1979. С. 108–109.

земледельческая группа археологически неоднородна, однако родственные культуры Али-Кош — Чога Миш (Юго-Западный Иран, тот же возраст), вероятно, образуют непрерывную последовательность, ведущую к протозламской цивилизации.

Последний язык ближневосточных цивилизаций — шумерский — засвидетельствован в протошумерской иероглифике начиная с археологического слоя IV В Урука (Варка, Ирак, позднеурукский период, IV A: 5470/4765±85¹⁴C). Однако урукский период генетически связан с предшествующим убейдским периодом (8900–6430/7750–5600), что позволяет считать убейдцев шумерами. Убейдская культура была распространена в Южной Месопотамии в течение археологических периодов Убейд 0–IV. Шумеры с самого начала появляются на стадии развития, синхронной древнему керамическому неолиту Леванта.

Основываясь на приведенных фактах, можно наметить причинно-следственные связи основных социально-экономических событий, предшествовавших на Ближнем Востоке возникновению цивилизации.

Верхнепалеолитический демографический взрыв ок. 22000 лет назад вступил в Леванте в новую фазу, что, в соответствии с зависимостью между плотностью населения и сложностью практикуемой им технологии, вызвало переход от верхнепалеолитического ориньяка к мезолитической культуре кебары. Рост левантийского населения привел к значительной экспансии его из Леванта на запад Южной Турции (Бельбаси, Анталья) и, вероятно, еще большему распространению обитателей Леванта, вызвавшему отделение синокавказских языков от ностратических в начале кебары. Эти демографические причины обусловили ок. 16000 лет назад трансформацию кебары в более прогрессивную культуру геометрической кебары и новую миграцию населения, выразившуюся в распаде ностратического языка 15000 лет назад. Усиление этих демо-

графических тенденций сопровождалось новой трансформацией технологии, видной в появлении натурфийской культуры (14300–11700), и новым этапом распространения населения, начало которого отмечено выделением из натуфа протосирийской культуры хариф (12000–11420) и общим распадом праафразийского языка 12000 ± 1000 лет назад.

Технологический прогресс натуфа сопровождался совершенствованием хозяйства. Появились такие орудия собирательства, как серпы (известны их костяные рукоятки, способные нести каменные лезвия–вкладыши). Специализировалась охота (натурфийцы практиковали, в частности, массовую охоту на джейранов, для которой, возможно, строили крупные загонные сооружения, называемые “пустынными змеями”; такая практика продолжалась и в неолите¹⁰). Есть основания говорить о том, что с ростом населения в натуфе прогрессировала его технология и росла производительность труда. Последнее обстоятельство неизбежно вызвало расширение альтруистичных форм поведения человека (см. гл. I, 3), которые начали распространяться на некоторые виды животных и растений. В натуфе это была собака (одомашненный волк), а в докерамическом неолите – коза, овца, бык, пшеница, ячмень. Эти новые формы поведения имели прямое отношение к генезису производящего хозяйства.

С экологической точки зрения, возникновение производящего хозяйства означало, что демографический взрыв в первобытном обществе потребовал аналогичного популяционного взрыва в среде организмов, способных служить людям приемлемым источником пищи. Это позволяло демографически растущему социуму сохранять трофический (пищевой) энергобаланс с экосредой. В са-

¹⁰ См.: Легг Э. Дж., Роули-Конуи П. А. Массовая охота на джейранов в каменном веке на территории Сирии // В мире науки, 1987. № 10. С. 62–70.

мом деле, земледелие и скотоводство — это, с экологической точки зрения, искусственный популяционный взрыв ряда съедобных для человека растений и животных. Совершенно очевидно, что подобный популяционный взрыв может объясняться только предшествующим демографическим взрывом у человека. Как показано выше, признаки искомого демографического взрыва отчетливо прослеживаются в мезолитическую эпоху, непосредственно предшествующую производящей экономике.

Сравнение возрастов классических цивилизаций Ближнего Востока показывает их существенную близость: объединение Египта — 5340 (4650¹⁴C), в Шумере I династия Киша следовала за периодом Джемдед Наср, 5200-4900, в Эламе I династия Авана началась ок. 4500, в долине Инда хараппанская цивилизация возникла около 4970 лет назад, т.е. все эти цивилизационные события лежат в пределах 5400-4500 лет назад. Складывается впечатление, что в основе этих практически синхронных событий лежал один и тот же процесс, развивающийся близкими темпами в экологически сходных древнейших очагах цивилизации (Месопотамия, долины Нила и Инда). Как можно думать, этот процесс носил демографический характер и вполне закономерно начался на африканской территории Египта, где биопродуктивность среды была выше азиатской рассматриваемых регионов. Таким образом, с эмпирической точки зрения, возникновение цивилизации предполагает сочетание трех взаимосвязанных факторов: господство производящего хозяйства в высокобиопродуктивных регионах субтропиков, оптимальных для земледелия, (Месопотамия, долины Нила и Инда), при достижении местными локальными социумами значительного демографического состояния (порядка 10000 человек) способно породить цивилизацию в ее классических вариантах (древний Египет, Шумер, Элам, Хараппа). В социумах, достигших указанной чис-

ленности, начинает действовать статистический закон больших чисел. Социально-философское значение этого и других обстоятельств генезиса цивилизации будут рассмотрены далее (гл. II, 2, Гл. III, 3).

Мезолитический демографический взрыв в Передней Азии (Левант и его ближайшая периферия, 16000–11700), по закону соответствия демографического состояния социума и степени сложности практикуемой им технологии, породил начала производящего хозяйства, которое в ходе демографического роста ближневосточного населения было 10000–8000 лет назад интродуцировано в Северную Африку, Европу и, вероятно, Индостан, где в связи с голоценовым ростом биопродуктивности среды надо предполагать соответствующее увеличение местного населения, что благоприятствовало усвоению им производящей экономики. Последняя не сразу стала доминирующей формой хозяйства и сосуществовала с развитыми формами охоты и собирательства. Довольно широко распространившееся производящее хозяйство само по себе еще не порождало цивилизацию, поскольку для этого требовались особые природные условия. Так, протоцивилизация Чатал-Хююк не стала подлинной цивилизацией, очевидно, потому, что природные условия равнины Конья (регион распространения культуры Чалал-Хююк в Турции) были не столь оптимальны для господствующего земледелия, как, например, долина Нила и т.п. Население Чатал-Хююк (4000±2000 человек) еще не достигло цивилизованных плотностей (10000 человек).

Самыми оптимальными для уже возникшего сельского хозяйства на Ближнем-Среднем Востоке были субтропические долины крупных рек (Нил в Египте, Евфрат-Тигр в Шумере, Керхе-Диз-Карун в Эламе, Инд в хараппанском регионе). Рост населения и прогресс сельского хозяйства в этих регионах закономерно привели к формированию ставшего общества разделенного труда и

возникновению цивилизаций, связанных с государственным устройством: древний Египет, Шумер, Элам. Природа социальной организации хараппанской цивилизации дискуссионна: А.Я.Щетенко привел доводы в пользу того, что хараппанское общество еще не было классовым¹¹. Это обстоятельство не влияет на нашу концепцию генезиса цивилизации, поскольку государственность мы рассматриваем как фактор, вторичный к цивилизационному процессу. Генезис цивилизации как общества институционализованного разделения труда является частным случаем корреляции демографического состояния социума и степени сложности практикуемой им технологии, поскольку разделение труда — это радикальный способ ее усложнения. Таким образом, происхождение цивилизации представляется закономерным эпизодом демографического и технологического развития человечества.

2. ПРИРОДА РАННЕЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

За первую половину голоцена (11700–5600 лет назад) развитие ближне-средневосточного общества ознаменовалось двумя важными достижениями. В оптимальных для сельского хозяйства регионах (Нил, Месопотамия, Инд) производящее хозяйство стало господствующим в сфере производства продуктов питания, а демографическое состояние человеческих популяций в этих регионах вплотную подошло к созданию поселений, население которых в определенных случаях перешагнуло рубеж в 10000 человек. Оба обстоятельства послужили основой для институционализации общественного разделения труда, предпосылки которого созрели уже в предшествующую эпоху развития производящего хозяйства (Чатал-Хююк; Бейда).

¹¹ См.: Щетенко А. Я. Указ. соч. С. 182–205.

Население многотысячного оседлого социума не может всем составом заниматься земледелием и скотоводством, поскольку жизненной необходимости в этом нет. Господствующее производящее хозяйство создаст значительный избыточный продукт, а потому обеспечение всего микросоциума пищей, растительным и животным сырьем становится по силам части населения, что служит основой для выделения ее в профессиональную группу земледельцев-животноводов. Участие всего социума в эффективном сельскохозяйственном производстве могло бы только привести к созданию ненужного прибавочного продукта и истощению биотопа, что было, конечно, неприемлемо. Между тем свободное от сельского хозяйства население должно было включаться в первичные общественные структуры, т.е. производить материальные блага несельскохозяйственной природы. Очевидно, таким образом обособилась профессиональная группа ремесленников, типичные занятия которых возникли еще в неолитическую эпоху (гончары, металлурги, оружейники, пекари, мясники, строители и т.д.)¹². Потребности обмена избыточным продуктом с соседями вызвали к жизни выделение профессиональной группы купцов. Внешнеторговая деятельность широко представлена в эпоху ранних классических цивилизаций (третья хронологическая конъюнктура К.К.Ламберг-Карловски, ок. 4400)¹³. Торговые связи охватили в это время древний Египет, Левант, Анатолию, Аравию, Месопотамию, Элам, хараппанскую цивилизацию и Среднюю Азию. Наконец, потребности регуляции

¹² См.: Сайко Э.В. Специализированные производства в развитии обществ раннеземледельческих культур: (К проблеме формирования экономических предпосылок становления классового общества). М., 1990. 166 с.

¹³ См.: Ламберг-Карловски К.К. Модели взаимодействия в III тысячелетии до н.э.: от Месопотамии до долины Инда // Вестник древней истории, 1990. № 1. С. 12-18.

социальной жизнедеятельности и религиозного культа обусловили выделение руководящей элиты, т.е. действительное разделение труда, предполагающее отделение умственного труда от физического.

Определенные начальные признаки общественного разделения труда возникли, вероятно, одновременно в неолите, что затрудняет построение стадияльной схемы отпочковывания друг от друга отдельных подразделений труда. Ясно только, что они институционализировались в эпоху ранних цивилизаций. Природу этого процесса можно представить, проанализировав структурные особенности доцивилизированных и цивилизованных обществ, взятые с точки зрения демографической статистики и истолкованные в некоторых прикладных понятиях теории вероятностей. Точнее, речь пойдет о статистическом законе больших чисел.

Смысл закона больших чисел в упрощенном изложении состоит в следующем. Допустим, мы производим какой-то опыт, исход которого может быть тем или другим: например, подбрасываем монету (может выпасть "орел" или "решка"), игральную кость (может выпасть одна из ее шести граней) или анализируем события, исход которых ограничен несколькими равновероятными вариантами. Исходя из количества возможных равновероятных исходов опыта, мы можем предсказать, как часто будут происходить исходы опыта, если повторять его много раз. Так, монета в 50% случаев предположительно выпадет "орлом" и столько же "решкой", а игральная кость примерно в 17% случаев выпадет одной из своих граней и т.д. Такие предсказуемые вероятные исходы опытов, предполагаемые заранее, являются математическим ожиданием исхода опытов. Согласно закону больших чисел реальный исход очень большого количества опытов (если их итог предскажем с точки зрения вероятности) будет мало отличаться от его математического ожидания. Теория веро-

ятностей позволяет математически предсказывать и раз-
повероятные исходы опытов, если их возможные вариан-
ты заранее известны. В частности, из закона больших чисел
следует, что, если опыт повторять 10000 раз, то реаль-
ный исход будет отличаться от математического ожида-
ния менее, чем в 1% случаев, что статистически составляет
пренебрежимо малую величину. Иными словами, поведе-
ние какого-то вероятного события, если оно повторяется
10000 раз, становится практически предсказуемым, т.е.
начинает подчиняться не статистической, а по существу
динамической (однозначно предсказуемой) закономерности.
Если повторять опыт больше 10000 раз, согласно его
реального исхода с математическим ожиданием будет уси-
ливаться, но на пренебрежимо малые доли процента, а
если опыт повторять менее 10000 раз, расхождение его
реального исхода с математическим ожиданием превысит
один процент и будет тем сильнее, чем меньше опытов мы
произведем. В теории вероятностей говорят не о должном
согласии исхода опытов с их математическим ожиданием,
а лишь о вероятном, однако в данном случае это не суще-
ственно.

Для проявления закона больших чисел не обязательно
производить один и тот же опыт диахронически
(последовательно во времени). Если мы возьмем совокуп-
ность из 10000 объектов, варианты поведения которых
статистически предсказуемы, то одновременное поведение
этих объектов будет также предсказуемо. В частности,
если рассмотреть популяцию из 10000 человек или более,
зная заранее возможные стереотипы поведения этих лю-
дей и частоты, с которыми варианты поведения проявля-
ются, можно очень точно предсказать, как поведет себя
эта популяция в каждый конкретный момент времени.
поступки отдельных людей могут варьироваться, но по-
пуляция в целом будет вести себя вполне предсказуемо
(здесь мы отвлекаемся от таких тонкостей, как количест-

венный набор стереотипов поведения и т.д.). Соответственно, чем меньше будет человеческая популяция по сравнению с десяти тысячной, тем хуже будет выполняться в ней закон больших чисел и менее предсказуемым станет поведение ее членов. (Собственно, закон больших чисел будет выполняться по-старому, но расхождение между реальными исходами опытов и их математическим ожиданием станет усиливаться; говоря для краткости о “нарушениях закона больших чисел”, мы имеем в виду только последнее обстоятельство.) Таким образом, упрощенно говоря, статистическое различие между маленькой человеческой популяцией (заметьно меньше 10000 человек) и крупной (в районе 10000 человек и больше) состоит в том, что поведение маленькой популяции не предсказуемо точно, а поведение крупной фактически подчиняется динамическим закономерностям и может быть предсказано практически однозначно. Следовательно, предсказуемость или стереотипность поведения человеческих популяций имеет под собой демографические основы, важные для понимания предцивилизированной и цивилизованной эпох.

Население палеолитических и мезолитических общин не превышало полутысячи человек (например, Абу Хурсейра, Сирия, мезолитическая культура позднего натуфа, начинающая с 12800 или 11150¹⁴С, население — 250±50 человек), а отличительной чертой таких общин была однородная социальная структура, лишенная признаков общественного разделения труда. Демографическое состояние общин палеолита-мезолита показывает, что поведение их населения не подчинялось действию закона больших чисел, т.е. теоретически было непредсказуемым (асоциальным), и оно действительно могло бы оказаться таким, если бы палеолитические и мезолитические социумы были лишены первичных и вторичных общественных структур. Отсюда напрашивается вполне законный вывод. Однородная социальная структура была призвана “искус-

ственно" согласовывать и нивелировать поведение своих первобытных носителей, поскольку без социальной структуры их общественное поведение не могло быть предсказуемым по статистическим причинам. Соответственно, однородная социальная структура первобытности исключала появление общественного разделения труда.

Население неолитических общин Ближнего Востока не выходило за пределы 5000 человек (Абу Хурейра, докерамический неолит В, 10790–9190/9400–8000 ¹⁴С, население — 2500±500; Чатал-Хююк — 4000±2000 человек; и т.п.), а это значит, что поведение жителей таких общин также еще не подчинялось действию закона больших чисел, хотя уже приближалось к условиям его реализации в крупнейших социумах (Чатал-Хююк). Демографическая ситуация в неолитическом обществе при ее статистическом истолковании позволяет предполагать, что это общество в целом оставалось еще однородным, однако в нем уже не было первобытных препятствий для появления начал дифференциации, выражающейся в выше отмеченных признаках зарождающегося разделения труда.

В цивилизованную эпоху появляются общества, городское население которых приближается к рубежу в 10000 человек и может даже превосходить это число (например, население Арханческого Ура (Шумер, раннединастический период I, 2750–2615 до н.э., округа города Ура, ок. 90 км²) составляло ок. 6000 человек: 4000 в Уре, 2000 в городках Муру и Убайд, две сотни на хуторах; население округа Шуруппака, раннединастический период II, 2615–2500 до н.э., — не менее 15000–20000 (число мужчин — 6580, 8970), причем более половины его было связано с храмом Шуруппака; Нгирсу, столица Лагаша (с населением в 100000 человек) в Шумере, раннединастический период III, время Энепгарзи-Лугальянды, ок. 2340–2318 до н.э., 17500±2500 жителей; Мохенджо-Даро, 4710–4250, — 40000 жителей; Кносс и его гавань [(Крит, 1700-

1580 до н.э.): население — 100000 человек; и т.п.]¹⁴. Поведение представителей таких сообществ начинает полностью подчиняться действию закона больших чисел и становится существенно предсказуемым и согласованным по статистическим причинам. Нужда в однородной социальной структуре в таких обществах исчезает, что создает основу для социальной дифференциации. Общий первобытный стереотип поведения оказывается здесь излишним и общество получает возможность к разделению на социальные группы. Природа последних предопределена спецификой основных отраслей господствующего производящего хозяйства. Поэтому в цивилизованной истории, по-видимому, никогда не существовало общественных подразделений труда охотников и собирателей, что не исключало, конечно, существования соответствующих промыслов. Основу общественных подразделений труда цивилизованного общества составили профессиональные группы земледельцев-скотоводов, разного рода ремесленников, купцов, служителей культа и администраторов. Профессиональная дифференциация общества означала его внутреннюю специализацию, что резко повышало эффективность взаимодействия социума с окружающей природной и социальной средой. Оптимизацию взаимодействий с природой осуществляли профессиональные группы земледельцев, скотоводов, рыбаков, ремесленников, с окружающими обществами — группы купцов, администраторов, но основной функцией последних (как и служителей культа) была задача регуляции взаимодействий между профессиональными группами внутри общества. На стадии цивилизации социум приобрел, таким образом, весьма дифференцированную структуру и должен был выработать средства ее интеграции.

¹⁴ См.: История древнего Востока. Ч. 1. С. 167, 174, 203; Бокиш Г. Дворцы Крита // Вестник древней истории. 1974. № 4. С. 93.

Процесс общественного разделения труда, по определению, является для социума центробежным, дезинтегративным. В самом деле, демографически крупный социум способен подчиняться действию закона больших чисел. Однако отдельные профессиональные группы, количественно уступая общей численности социума, по-видимому, уходят из-под действия закона больших чисел. Следовательно, в каждом подразделении труда должны были возникнуть нормативы поведения, делающие функционирование профессиональных групп предсказуемым. Иными словами, в каждом подразделении труда развивались собственные стереотипы профессионального поведения со своими средствами и целями. Но в этом случае совместное существование подразделений труда нуждалось в определенных внешних интегративных началах.

Поскольку профессиональное разделение общества основывалось главным образом на дифференциации средств коллективного производительного потребления, нейтрализация социально-дезинтегративных последствий этого разделения должна была быть достигнута средствами коллективного, но непроизводительного потребления. Основным средством коллективного непроизводительного потребления является поселение городского типа. Город представляет собой весьма стабильное материальное образование, в инфраструктуре которого объединены предметные формы существования отдельных подразделений труда¹⁵. В раннем городе — это различные хранилища сельскохозяйственной продукции; мастерские ремесленников, места приготовления пищи (хлебопекарни и т.п.); рынки и лавки, опредмечивающие деятельность торговцев; культовые и административные строения, являющиеся предметной формой функционирования деяте-

¹⁵ Такова, например, структура хараппанских поселений (См.: Штенко А.Я. Указ. соч. С. 191–192, Бонгард-Левин Г.М. Древнеиндийская цивилизация. М., 1993. С. 5, 7).

лей умственного труда; наконец, жилища горожан, заключенные нередко в цепь фортификационных сооружений, также служат целям интеграции дифференцированного общества. Уже на ранних стадиях существования городов в их метаструктуру включены некоторые предметные формы сельскохозяйственной деятельности, находящиеся вне города, но тесно связанные с ним: это поселения сельского типа, ирригационные сооружения и т.п. Все эти предметные конструкции не были изобретены в цивилизованную эпоху, поскольку их элементы развивались с неолитического времени.

С точки зрения здравого смысла, архитектурные и технические сооружения ранних городов и связанных с ними сел представляются средствами благоустройства жизни и деятельности селян и горожан, и генезис этих конструкций как будто не нуждается в специальном объяснении. В действительности же это далеко не так. В удобствах нуждались и люди палеолита и мезолита, однако городской культуры у них не было. В неолите-энеолите появляются элементы городской культуры (Иерихон; Чатал-Хююк; Мерсин), однако целостной структуры городского типа не возникает. Сравнение демографического и социального состояния людей доцивилизованной и цивилизованной эпох заставляет искать социально-философские средства объяснения природы цивилизации, дефиниция которой сопряжена с рядом методологических трудностей¹⁶.

На наш взгляд, цивилизация (город) представляет собой предметную форму структуры общества разделенного труда, призванную жестко связать между собой жизненные условия весьма разнородных подразделений труда в едином городском конгломерате, что выполняло важ-

¹⁶ См., например: Сайко Э.В. Формирование древних городов и становление раннеклассового общества (методологические аспекты) // От доклассовых обществ к раннеклассовым. М., 1987. С. 177-197.

нейщую социально-интегративную функцию для общества, расцепляемого разделением труда¹⁷. Цивилизация (город) — это, по определению, средство коллективного непроизводительного потребления (если отвлечься от ряда производительных структур). Как таковое, город образовал своеобразную матрицу социального организма, диктующую своим обитателям социально-интегративные формы существования. Важно еще раз подчеркнуть, что социально-дезинтегративное разделение труда основывалось на последствиях самодвижения средств коллективного производительного потребления. Поэтому закономерно, что нейтрализация этих социально-дезинтегративных последствий основывалась на городской цивилизации как средстве коллективного непроизводительного потребления, неспособном к самодвижению. В самом деле, структура города с протогородских неолитических времен до наших дней, в сущности, совершенно не изменилась. Конечно, город вырос до размеров мегаполиса (в известных случаях) и его техническое оснащение качественно изменилось, однако истоки этого изменения лежат отнюдь не в самодвижении городской структуры, а в самодвижении средств коллективного производительного потребления, социально-дезинтегративные следствия которого (рост разделенности труда) успешно нейтрализовались матрицей городской цивилизации. Иными словами, внешне город, конечно, всегда служил просто обиталищем цивилизованного социума, но его внутренняя сущность диктовалась свойственной ему природой средств коллективного непроизводительного потребления, в чем город был сродни вторичным общественным структурам, также основанным на различных средствах коллек-

¹⁷ См.: Клягин Н.В. К предистории цивилизации // Цивилизация и культура в историческом процессе. М., 1983. С. 15; *Он же*. От донетолки к истории: Палеосоциология и социальная философия. М., 1992. С. 143.

тивного непроизводительного потребления, что объясняет известное родство природы цивилизации (городской культуры) и культуры вообще (вторичных общественных структур).

Материальные средства внутренней социальной интеграции цивилизации распадаются на две основные группы явлений, состоящих в генетической связи. Первая группа интегративных феноменов связана с предметной формой структуры цивилизованного общества, которая воплощена в материальных образованиях поселения городского типа. Как выше отмечалось, инфра- и метаструктура города является прямым предметным воплощением структуры цивилизованного общества разделенного труда. Это предметное воплощение призвано поддерживать целостность социума, а потому отличается известной консервативностью. Такой социально-консервативной функции хорошо отвечают материальные средства коллективного непроизводительного потребления, представленные человеческими жилищами, производственными, торговыми, культовыми, административными и фортификационными сооружениями. Общество, обитающее в рамках подобной предметной структуры, должно было испытать вполне определенные организационные трансформации.

Дело в том, что древнее человеческое общество сохраняло организационные структуры, генетически связанные с универсальными формами организации сообществ высших приматов (см. гл. 1, 2). Так, у нас нет оснований отрицать, что основные формы кровно-родственных отношений первобытных людей (эндогамия и экзогамия, матрилинейность и патрилинейность) сохраняли преемственность с соответствующими аналогами, известными у высших приматов. Отметим также, что в ранних цивилизованных обществах имелись пережитки первобытных кровно-родственных отношений. В древнем

Египте практиковались внутридинастические браки фараонов на своих сестрах (система просуществовала до конца греческой династии Птолемеев), что справедливо рассматривается как пережиток эндогамии (браки внутри родственной популяции). Такие же пережитки были характерны для царских семей Элама¹⁸. Это позволяет предполагать, что в предцивилизационную эпоху человеческие общины могли обладать определенным набором вариантов кровно-родственных отношений, истоки которых уходили в питекоидную эпоху, т.е. во времена наших обезьяноподобных предков (австралопитек афарский). Такое положение вещей было достаточно закономерным.

Палеолитические и мезолитические общины основывались на потребляющей форме хозяйства, а в неолитическую эпоху элементы потребляющей экономики (охота и собирательство) образовывали значительную составляющую в хозяйственном укладе, содержащем уже признаки земледелия и скотоводства. Сообщества охотников и собирателей находились в экологическом равновесии со средой, а локальный уровень ее биопродуктивности благоприятствовал какому-то определенному варианту кровно-родственных отношений, свойственных приматам (матрилинейный эндогамный промискуитет, матрилинейная экзогамия, патрилинейная иерархическая эндогамия и некоторые другие варианты, включая парную семью и пр.). Не исключено, что ближневосточные обитатели субтропиков с их значительной биопродуктивностью могли обладать матрилинейными кровно-родственными структурами, в то время как их соседи в менее продуктивных регионах (например, праегиптяне в пустыне Негев) имели скорее склонность к патрилинейной иерархической эндо-

¹⁸ См.: Юсифов Ю.Б. К вопросу об эламском престолонаследии // Вестник древней истории, 1974. № 3. С. 3–19; другие примеры см.: Томсон Дж. Исследования по истории древнегреческого общества: Догрикологический эгейский мир. М., 1958. 659 с.

гамии (с тенденцией к организации гаремов), послужившей архетипом организации, вероятно, традиционных семейных отношений египетских фараонов (патриархальная гаремная семья с элементами эндогамии). Центральные-семитские племена, переселившиеся из Леванта в пустынные районы Аравии, где низкая биопродуктивность благоприятствовала патрилинейной гаремной структуре кровно-родственных отношений, усвоили именно такую организацию, доставшуюся в наследство историческим арабским племенам. Протоэламиты, обитавшие в субтропиках Восточной Месопотамии, имели дело с относительно высокобиопродуктивной экосредой, благоприятной для матрилинейной эндогамии. Кровно-родственные традиции в царских семьях Элама (браки на сестрах и левират, т.е. женитьба на вдове брата, что одновременно свидетельствует об эндогамии и матрилинейности) сохраняли преемственность с вероятными кровно-родственными обычаями протоэламитов. Шумеры доцивилизированной эпохи уже имели, возможно, патриархальный уклад жизни¹⁹, который должен был развиваться в регионе с меньшей биопродуктивностью среды, чем та, что была свойственна Южной Месопотамии, где шумеры без признаков местного развития появились уже на стадии древнего керамического неолита. В Южной Месопотамии шумерам предшествовал народ "протогидского" или "бананового" языка, послужившего субстратом для языка шумеров, откуда следует, что шумеры не были аборигенами Южного Двуречья.

С установлением господства сельского хозяйства в экономике экологическая зависимость цивилизующихся общин от окружающей экосреды сокращалась. В этих условиях сохранение прежнего разнообразия кровно-родственных отношений было невозможно, и в принципе ранние цивилизованные общества, обладающие сходно

¹⁹ См.: История древнего Востока. Ч. 1. С. 109.

производительным хозяйством, должны были прийти к похожему кровно-родственным отношениям и общественным структурам в целом. Носители ранних цивилизаций жили в стационарных городах, структура которых служила средством регламентации их жизни. Оседлые городские сообщества отличаются от первобытных сельских общин резким ограничением своего выбора образа действия: он практически целиком декретируется структурой городского образа жизни. От склонных к миграциям первобытных общинников ранние носители цивилизации отличались, таким образом, тем, что их городской образ жизни в чем-то напоминал обитание в неволе (собственно, в условиях ограничения свободы выбора образа действия: привязка к местности, однообразные занятия, снижение роли стереотипа поведения, связанного с естественной добычей пищи типа охоты или собирательства). Из наблюдений над приматами в неволе известно, что ограничение своей свободы, абсолютно независимо от наличия пищи, они воспринимают как попадание в малопродуктивный пустынный биотоп и ведут себя в соответствии с законом Дж. Крука (см. гл. I, 2), т.е. начинают конкурировать из-за пищи (несмотря на то, что ее хватает) и организуют патрилинейные иерархические структуры сообщества. Приматы в данном случае реагируют на отсутствие постоянного свободного доступа к источникам корма, что действительно эквивалентно условиям малопродуктивного биотопа или биотопа, в котором доступ к пище ограничивают хищники (ситуация с павианами в открытой саванне).

Человеческое поведение при переходе к жизни в ранних городах столкнулось с аналогичной проблемой и можно было бы ожидать, что типичными кровно-родственными отношениями в городской цивилизации станут патрилинейные, а общегородская социальная структура приобретет иерархические черты. Именно так и произо-

шло в условиях ранних цивилизаций. В обыденной жизни Египта, Шумера и Элама матрилинейность была элиминирована (если допускать, конечно, ее существование ранее — например, в Эламе). Добавим, что в истории вообще не известно ни одной матриархальной цивилизации. Кроме того, социальная организация цивилизованных обществ стала вполне иерархичной и ориентированной на перерастание в классовое общество.

На первый взгляд может показаться, что иерархическое устройство раннецивилизованного общества было удачным изобретением для регуляции экономических и общесоциальных взаимоотношений подразделений труда. Такая функция иерархической общественной структуры действительно существовала, однако объяснение генезиса социальной иерархии из этих нужд представляется неисторичным. В самом деле, нет никаких оснований утверждать, что иерархия в социальной организации является новацией цивилизованной эпохи, поскольку элементарные аналоги иерархического устройства сообщества известны у приматов в малобнопродуктивных биотопах, в биотопах, где добыча пищи осложнена присутствием хищников (что эквивалентно малопродуктивности — упоминавшаяся ситуация в открытой саванне), а также в неволе (типологический аналог городских условий с вышеприведенными оговорками). Следовательно, у первобытных людей в соответствующих экологических условиях начала иерархической организации вполне могли присутствовать еще до цивилизации.

Кроме того, теоретически вероятные взаимоотношения между подразделениями труда в принципе должны были бы быть отнюдь не иерархическими. Так, К.Маркс логично предполагал, что отношения между подразделениями труда базируются на обмене опредмеченной дея-

тельностью²⁰, способном стать основой экономических и социальных отношений. Если бы такая модель реализовалась, мы имели бы раннюю цивилизацию с развитым внутренним обменом. В действительности же сколь-нибудь значительный товарообмен в Шумере отсутствовал²¹, а экономические отношения между подразделениями труда, как и в Египте, носили распределительный централизованный характер. Следовательно, иерархия общественных групп была не только древнее разделения труда, но и наложилась на последнее несколько искусственно. Вероятно, социальная иерархия возникла в цивилизации по вышеуказанным поведенческим причинам независимо от генезиса разделения труда и наложилась на него в целях социальной интеграции, поскольку делала взаимоотношения профессиональных групп централизованными (имеются довольно подробные сведения о централизованной регламентации поведения представителей различных отраслей производства и других родов деятельности в Лагаше, Шумер, времени Энсигарзи и Лугальанды, ок. 2340–2318 до н.э.²², где существовала патриархально ориентированная общественная структура).

Социально-интегративная природа цивилизации объясняет не только сущность ее предметной городской структуры, но и социально-экономическое использование патриархальной иерархической организации, имеющей неэкономическое происхождение. По форме эта организация имела древнее этологическое (естественное поведенческое) происхождение. Однако в условиях цивилизованного общества, потенциально дезинтегрируемого специализацией труда, иерархическая патриархальная структура стала функционировать за рамками кровно-родственных

20 См.: Маркс К. Экономические рукописи 1857-1859 годов // Маркс К., Энгельс Ф. Соч.: 2-е изд. Т. 46. Ч. 1. С. 189–190.

21 См.: История древнего Востока. Ч. 1. С. 179.

22 См.: Там же. С. 201–204.

отношений и обусловила конкретный централизованно-распределительный характер экономических связей подразделений труда. В данном случае в объяснении нуждается не сам генезис иерархической структуры, а ее социально-экономическое приложение, причина реализации которого видна в пригодности иерархической структуры для социально-интегративных функций.

Будучи социально-консолидирующим феноменом и реализуя свои интегративные свойства стихийно, конкретная цивилизация должна была вовлекать в сферу своей активности и окружающие социумы, поскольку основным свойством цивилизации была тенденция объединения людей тем или иным способом. В этой связи немалый интерес представляет торговая активность ранних цивилизаций.

Совершенно аналогично объясняется и другая форма внешней активности, которую с поправкой на отдаленность эпохи можно назвать внешнеполитической. Потенциально ранние цивилизации Египта, Шумера, Элама и Хараппы были вполне автаркичны, поскольку все жизненно необходимое с избытком производили на месте. Так что, с рациональной точки зрения, внешнеэкономическая и внешнеполитическая деятельность для них была практически не обязательна (единственное исключение составлял импорт меди, олова и леса, однако нет основания утверждать, что благосостояние ранних цивилизаций было немислимо без этих товаров). В действительности все происходило не в соответствии с рациональными установками, и древний Египет, Шумер и Элам не только вели обширную внешнюю торговлю, но очень рано предпринимали акции военно-внешнеполитического свойства. Подчеркнем, что ни грабеж чужих богатств, ни территориальные притязания нельзя, с точки зрения здравого смысла, объяснять удовлетворением жизненно важных нужд ранних цивилизаций.

Таким образом, ранняя цивилизация, получив в наследство от первобытного общества начала производящего хозяйства, ремесла, торговли, архитектуры и предпосылки иерархической организации общества, поместила все эти общественные достижения в определенную социально-интегративную матрицу, что обусловило возможность их дальнейшей специализации и развития без ущерба для целостности социума. Исходным проводником социальной интеграции для цивилизации послужили средства коллективного непроизводительного потребления, выступающие в форме поселения городского типа. Принципиальная схема планировки города, содержание его инфраструктуры и метаструктуры были заложены в эпоху ранней цивилизации и существуют по сей день (административные, культовые, культурные, производственные, торговые сооружения, объединенные фортификационными конструкциями и дополненные различного рода предметными формами сельского хозяйства). Генезис городской структуры объясняется ее природой, понимаемой как предметная форма общества разделенного труда. Будучи социально-интегративным фактором, ранняя цивилизация закономерно направляла свою консолидирующую активность вовне, что вело к формированию целостных государств различной степени сложности. Образование государственных организмов, выходящих далеко за пределы отдельных городов, таким образом, является прямым следствием реализации потенций цивилизации, понимаемой как городское образование. В этой связи нет оснований отказываться от принятой нами дефиниции ранней цивилизации, поскольку существование цивилизованных государств является прямым следствием возникновения локальных городских цивилизаций и объясняется из особенностей их социально-интегративной природы.

3. ДИНАМИКА РАННЕЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Классические цивилизации типа древнего Египта и Шумера не исчерпывают вариантов реализации общества производящего хозяйства. Некоторые связанные с ним социумы не создали подлинных городских цивилизаций, но породили значительные предметные формы, обнаруживающие существенные социально-интегративные аналоги с ранними цивилизациями городского типа (мегалитическая культура Западной Европы).

В материковой Европе городские цивилизации появляются позже, чем на Ближнем Востоке. Причина европейского отставания в развитии по сравнению с Передней Азией имеет, вероятно, демографическое и социально-экономическое объяснение. Ближневосточный демографический взрыв происходил в условиях относительно высокобиопродуктивной среды, что создавало предпосылки для производящего хозяйства и цивилизованного общества. В менее биопродуктивной Европе демографические процессы шли медленнее, а производящее хозяйство было, вероятно, интродуцировано из Азии. Местные европейские природные условия давали почву только для его весьма медленного развития.

Одним из древнейших протогородов на европейском континенте была Лерна III (Пелопоннес, Греция, древнеэлладский период II, ок. 5000–4770 лет назад). Это поселение и целый ряд других, родственных ему, были разрушены в результате вторжения носителей более примитивной культуры (древнеэлладской III, около 4770–4540/4150–3950), как полагают²³, говоривших на индоевропейском языке анатолийской группы (хетто-лувийские). В историческое время достоверно известным хетто-лувийским народом в Греции были карийцы²⁴, по-

²³ См.: *Бартошек А.* Златообильные Микены. М., 1991. С. 236.

²⁴ См.: *Томсон Дж.* Указ. соч. С. 166.

этому не исключено, что дрэвнээладская культура III принадлежала именно им. Два века спустя Греция пережила еще одно вторжение, разрушившее остатки протоцивилизации типа Лерна III. В Лерне новое население появилось незадолго до даты 4480 (3898±117 ¹⁴C) лет назад и принесло среднеэладскую культуру средней бронзы, не слишком отличающуюся от культуры древней бронзы предположительных карийцев. В лингвистическом отношении среднеэладское население, возможно, было уже греческим.

В эпоху среднеэладского периода III — позднеэладского периода I–II (1700–1400 до н.э.) греки создали начала своей микенской цивилизации, которая пережила расцвет в позднеэладский период III (1400–1100 до н.э.). Между микенской цивилизацией и протоцивилизацией Лерны III, Тиринфа (древнеэладский II) и др. прямой исторической связи не существовало. Однако, поселившись на территории, обладающей древними культурными традициями, и став соседями цивилизаций Крита и Хеттского царства (в Малой Азии), греки подверглись определенному влиянию. У догреческого населения они позаимствовали планировку здания в форме мегарона. Художественное решение Львиных ворот Микен (1250 до н.э.) было подсказано оформлением ворот хеттской столицы Хаттусас, которую ахейцы (микенские греки) посещали. Своё линейное письмо В ахейцы получили от мийноидцев (критян), приспособив их линейное письмо А к нуждам греческого языка (1400–1200 до н.э.). Микенское искусство в определенных чертах продолжало критские традиции²⁵.

Сравнительно поздний возраст микенской цивилизации и ее культурные связи с более древними очагами средиземноморских цивилизаций как будто подсказывают

²⁵ См.: Эгейское искусство. М., 1972. 168 с.; Сидорова Н.А. Искусство эгейского мира. М., 1972. 228 с.

мысль о производном характере цивилизационного процесса в микенской Греции. Однако социально-исторические факты (в том числе и поздний возраст микенской цивилизации) при их социально-философском истолковании не подтверждают мысль о вторичности цивилизации ахейцев.

Если бы греки были простыми потребителями древней средиземноморской культуры, они бы начали организацию собственной цивилизации по средиземноморскому образцу непосредственно по прибытии на территорию Греции, где определенные традиции ранней цивилизации (или протоцивилизации) уже сложились (Лерна III, Тиринф). Между тем в течение 800 лет (с учетом калиброванной радиоуглеродной даты прибытия греков) средиземноморские предпосылки цивилизации оставались невостребованными предками ахейцев. И дело здесь, конечно, не в психологической несовместимости первобытных греков с раннецивилизированными средиземноморскими влияниями. Эти восемь веков потребовались грекам для достижения того демографического и социального состояния, которое нуждалось в средствах общественной интеграции непервобытного характера. О самых первых этапах микенской протогородской культуры (1700–1400 до н.э.) прямых сведений нет, но данные о микенской цивилизации (1400–1200) довольно красноречивы.

В хеттских документах из Хаттусаса времен царей от Суппилулиумаса I до Арнувандаса IV (ок. 1380–1190) постоянно упоминается царство Аххиява, которое было тождественно государству ахейцев (микенская Греция или ее восточные колонии), однако эпиграфические и эпические данные не дают оснований предполагать существование единого общеахейского государства. Архивы Кносса и Пилоса позволяют воссоздать в общих чертах

структуру микенского общества²⁶. Она состояла из представителей различных отраслей сельского хозяйства (земледельцы, пастухи) и ремесла (целый ряд профессий); имелись рабы, служители культа, представители административно-бюрократического аппарата (писцы); во главе государства стояли царь (лин. В ванака, греч. анакс), полководец (лавагета), руководители отдельных поселений (басилевсы) и другие должностные лица; существовали вооруженные силы и флот. По археологическим данным, была развита обширная внешняя торговля; колонизация охватила Средиземноморье от Южной Италии до западного побережья Малой Азии, Крита и Кипра.

Таким образом, в микенской Греции развилось общество разделенного труда, бюрократические черты организации которого напоминают ранние ближневосточные цивилизации (Шумер, Египет). Это общество, как и раннешумерское, состояло из городов-государств (Микены, Пилос, Кносс на Крите и целый ряд других, известных Гомеру и классической греческой исторической традиции). Как и между шумерскими округами, между микенскими городами велась вооруженная борьба (эпические данные, подтверждаемые отчасти археологически). В конце своей эпохи микенцы образовали военно-политический союз во главе с Агамемноном (царь Микен) для борьбы с Троянским царством, что указывает на интегративные процессы междугородного характера. По хеттским источникам, цари Аххиявы предпринимали внешнеполитические и военные действия в Малой Азии и на Кипре.

²⁶ См.: Чэдвик Дж. Дешифровка линейного письма В // Тайны древних письмен: Проблемы дешифровки: Сб. ст. М., 1976. С. 204–230; Полякова Г.Ф. Социально-политическая структура пилосского общества (по данным линейного письма В). М., 1978. 271 с.; Античная Греция. Т. 1. Становление и развитие полиса. М., 1983. С. 37–88; Бартолек А. Указ. соч. С. 103–222.

Совокупность приведенных признаков стандартна для ранней цивилизации: общественное разделение труда и патриархальная иерархическая организация общества; внешнеоторговая и колонизационная активность, а также признаки внешней политики; внутривнутриполитическая борьба, направленная, вероятно, к интеграции страны (анти-троянский союз); управленческий бюрократический аппарат (Кносс, Пилос, Фивы). Эти социальные реалии показывают, что микенская цивилизация была аналогична раннешумерской и, по косвенным признакам, раннегипетской додинастической номовой эпохи. Можно предполагать поэтому, что причины возникновения названных цивилизаций были подобными. Следовательно, нет нужды привлекать для объяснения пусковых механизмов цивилизационного процесса какие-то частные обстоятельства бытия конкретных обществ: например, ирригацию в Шумере или крито-малоазийские влияния в Греции. Эти частности отразились на внешней форме цивилизационных событий, отнюдь не определяя их сущности.

Освещенные около 4540 лет назад в Греции ахейцы, развивая свою производящую экономику, пришли в течение среднеэлладского периода III (1700–1550 до н.э.) к началам общественного разделения труда и первым фортификационным поселениям городского типа (крепость с прилегающим поселением: Микены, Тиринф). В позднеэлладский период III А–В (1400–1200 до н.э.) их общество достигло довольно разветвленного состояния разделения труда. Эти дифференциальные процессы вызвали потребность интеграции микенских обществ, выразившуюся в совершенствовании предметной формы социальной структуры (перестройка дворцов, расширение фортификационных сооружений, прогресс рядовых жилищ, окружающих дворцы) и развитии ее иерархической организации. Пришедшие в движение социально-интегративные процессы породили военно-политическую борьбу микен-

ских центров (объясняющую непосредственное назначение фортификации), их внешнеэкономическую, а затем и внешнеполитическую активность. Эти события укладываются в рамки стандартной социально-интегративной динамики ранней цивилизации, социально-философский анализ которой мы предприняли в предыдущем параграфе. Микенская цивилизация как вариант ранней цивилизации не обнаруживает принципиальных отличий от ближневосточных обществ того же типа.

Раннее по сравнению с другими областями Европы возникновение греческой цивилизации мы объясняем не столько цивилизующими культурными влияниями с Востока, сколько близостью Греции к переднеазиатскому центру демографического роста и развития производящего хозяйства. По нашим представлениям (см. предыдущий параграф) для институционализации общественного разделения труда и возникновения цивилизации социуму требуется определенное демографическое состояние. О населенности микенской Греции в конце XIII в. до н.э. можно судить по "Перечню кораблей", описанному в "Илиаде" (песнь вторая, 494-759)²⁷. Считается, что этот "Перечень" является тем пассажем "Илиады", который может восходить к микенским временам²⁸. Структура же самого "Перечня" напоминает учетные таблички линейного письма В. Согласно этому документу, Агамемнон привел под Троию флот из 1186 кораблей, укомплектованный экипажами из 29 греческих областей. Суда из 23 областей (1007 кораблей) имели команду из 120 человек, а 6 областей направили 179 кораблей с экипажами по 50 человек. В итоге войско Агамемнона составило 129790 человек, что предполагает население участвовавших в войне регионов не менее, чем из 519160 человек. В войске были представлены отряды из нескольких насе-

²⁷ См.: Гомер. Илиада. Одиссея. М., 1957. С. 51-57.

²⁸ См.: Бартошек А. Указ. соч. С. 189-191.

ленных пунктов каждой области, а потому о населении отдельных пунктов трудно что-либо сказать определенно. Сам Агамемнон возглавлял войско из 12000 человек (100 кораблей) из Микен, Коринфа, Клеон, Орнии, Арефирен, Сикниона, Гипересии, Гиносссы, Пеллены, Эгиона, Гелики. Войско Менесфея из Афин насчитывало 6000 человек (50 кораблей). Если это не поздняя конъюнктура, то население города достигало не менее 24000 человек. Наверное, население Микен, Пилоса, Аргоса и Кносса было не меньше (100, 90 и 80 судов по 120 человек). Надо учитывать и исполноту оценки (в Греции во время Троянской войны оставалось немало боеспособного населения, как видно из событий на Итаке), и можно думать, что некоторые ахейские города перешагнули "демографический рубикон" (10000 человек), необходимый для устройства институционализованного социума общественного разделения труда. В более мелкие поселения стереотипная структура общества могла иррадироваться, сформировавшись в крупных центрах.

Цивилизационный процесс для ранних цивилизаций наметился таким образом, что его ядром выступали предметные формы вторичной идеологической структуры общества, воплощенные в культовых сооружениях: от европейских мегалитических святилищ-обсерваторий до шумерских храмов. При всем различии архитектуры и культов, связанных с этими предметными формами, их социально-интегративные функции были абсолютно идентичны. Возможно, здесь имеет место своеобразный "храмовый путь" цивилизационного процесса. Роль культовых сооружений в нем не может удивлять, поскольку из всех возможных средств коллективного непроизводительного потребления, необходимых для образования предметной формы цивилизации (см. гл. II, 2), именно культовые сооружения отличались максимальной коллективностью и минимальной производительностью: в храмах

ничего не производилось, а рассчитаны они были на всех членов сообщества (эзотерические храмы — позднее явление). Жилые здания были слишком индивидуализированы и, вдобавок, использовались для некоторых производственных нужд, а административные сооружения (резиденции правителей и т.п.) были слишком элитарны. Культурные сооружения, помимо прочего, являются очень древними образованиями (ср. возраст франко-кантабрийских пещерных святилищ верхнего палеолита, гл. I, 3) и существуют к начальному моменту цивилизационного процесса. Древность, непроизводительность и коллективность делают их наилучшим ядром, вокруг которого могла бы вырасти цивилизация.

Многие “храмовые” протоцивилизации отличаются одной особенностью: отсутствием фортификационных сооружений в момент генезиса. Даже города цивилизации Хараппы имели стены не фортификационного, а вполне гражданского назначения: они защищали поселения от наводнений²⁹. На стадии ранней цивилизации многие города “храмового” типа обзаводятся фортификационными постройками в связи с военно-политической активностью (см. гл. II, 2). Однако это достижение не имеет отношения к генезису цивилизации.

Между тем фортификационные сооружения, как и культовые, являются наиболее оптимальными для образования предметной формы цивилизации средствами коллективного непроизводительного потребления. Фортификация не имеет никакого производственного назначения и в то же время отвечает нуждам всех членов создавшего ее социума. Нулевая производительность и максимальная коллективность, с точки зрения социально-интегративных возможностей, полностью уподобляют фортификацию культовым сооружениям: при всем различии их внешних повседневных функций их внутренняя общест-

²⁹ См.: Щетенко А.Я. Указ. соч. С. 191.

венная сущность, с социально-философской точки зрения, идентична для интегративных нужд цивилизации. Фортификационные сооружения появляются в начале докерамического неолита (Иерихон). Древность, производительность и коллективность делают их оптимальным ядром, внутри и вокруг которого могла бы вырасти цивилизация. В этой связи можно постулировать второй "фортификационный" путь цивилизационного процесса, при котором формообразующим элементом цивилизации выступает не святилище, а укрепление. Этот постулат сопряжен с методологическими трудностями. Если легко представить себе поселение, лишенное укрепления, то трудно допустить существование поселений, движущихся к цивилизации, но лишенных предметных форм культа. Дело, однако, не идет о таком крайнем случае. Предметные формы культа могут быть портативными (гермин А.Леруа-Гурана), рассеянным в социуме и мало пригодными для формообразования цивилизованной предметной структуры, в то время как фортификация всегда стремится к монументальности, а монументальность как основа стабильности сооружения хорошо отвечает социально-интегративным задачам.

Древнейшее фортификационное сооружение известно из докерамического неолита А Иерихона (Иордания, 11830–10010/10300–8720 ¹⁴С), где имелась высокая (7,75 м) каменная башня, фланкированная высокой (5,75 м) каменной стеной. Укрепление было связано с полузарытыми в землю круглыми домами из сырцового кирпича, обычно однокомнатными. Этот ансамбль, конечно, нельзя считать цивилизацией, поскольку никаких признаков общественного разделения труда там не представлено. Однако поселение такого типа могло бы стать со временем эмбрионом цивилизации. В начале голоцена в Леванте шли демографические процессы, обусловившие распространение производящего хозяйства в Африку (см. гл. II, 1).

Демографический рост мог породить конфликты популяций и вызвать нужду в укреплениях.

Из ранних цивилизаций, связанных с фортификацией, помимо упоминавшейся микенской, можно назвать ханаанскую цивилизацию Иордании (например, Иерихон) и Израиль (например, Мегиддо), существовавшую 4900–4600 лет назад и еще 4600–4250 после вторжения на ее территорию носителей культуры Хирбет Керак.

Неолитические и халколитические поселения во многих случаях были лишены фортификации, и складывается впечатление, что ее возникновение в конкретных случаях было обусловлено передвижением агрессивного населения, вызванным демографическими, экологическими и другими причинами. В эпоху ранних цивилизаций распространение фортификации становится значительным, что может объясняться причинами военно-политического характера. Цивилизация, огражденная от вторжения извне в силу своего географического положения, могла обходиться без фортификационных сооружений. Такой была минойская цивилизация Крита, которая обходилась без укреплений даже в эпоху своей внешнеполитической активности (минойская талассократия, т.е. власть над морем, 1700–1400 до н.э.).

Однако не вызывает сомнений то обстоятельство, что фортификация, помимо своего стратегического назначения, играла важную социально-интегративную роль. Для городского общества, находящегося под угрозой потенциальной агрессии, городские укрепления выступали мощным консолидирующим фактором. Из этого, конечно, не следует, что цивилизованное общество в интересах своей интеграции должно было стихийно искать внешнего врага, чтобы в результате обзавестись фортификацией. Хотя, если подойти к вопросу не предвзято, единственным объективным достижением, например, египетских фараонов нулевой династии было удовлетворение интегра-

тивных потребностей своего социального организма, и существуют большие сомнения в том, что это достижение отвечало интересам людей, взятых по отдельности. В результате создания общегипетского национального государства (самый древний случай в истории) самобытное развитие отдельных регионов страны было искусственно прекращено. Это тоже произошло не случайно, поскольку социум как сверхорганизм всегда противодействует самостоятельности своих частей.

Теоретически, сакральная и фортификационная консолидация цивилизованного общества опиралась на предметные формы с очень близкими социально-интегративными свойствами (святилище и крепость), однако вторая больше зависела от исторически переменных факторов (демографическое состояние общества, конкуренция человеческих популяций на социально-экономической почве и т.д.). Поэтому вероятность генезиса предметной формы цивилизации на основе фортификационных образований для самых ранних цивилизаций была невелика. Вообще в суждениях о генезисе цивилизации следует избегать апелляции к ближним доходчивым целям создания цивилизации, так как, с социально-философской точки зрения, движение общества к цивилизации во многом объяснялось глубинно действующими в обществе факторами, которые далеко не всегда лежали в сфере обыденных интересов людей.

Социальная динамика, т.е. движение общества под действием приложенных к нему сил, применительно к эпохе становления цивилизации может быть представлена как цепь причинно-следственных событий, которые под влиянием демографических и социально-экономических факторов закономерно перевели некоторые довольно древние общества Ближнего Востока и сопряженных регионов из первобытного состояния в цивилизованное. Основное социальное различие этих состояний связано с

наличием общественного разделения труда, т.е. профессиональных групп, подчиняющихся собственным, не общесоциальным законам типа зависимости между расширением посевных площадей и сокращением подразделения сельскохозяйственного труда и т.п.

В основе цивилизационного развития тех ранних обществ, которым неоткуда было заимствовать технологические новшества, лежали, вероятно, демографические процессы. Естественный рост населения в мезолите привел к закономерному усложнению применяемой обществом технологии, что выразилось на рубеже голоцена в появлении начал производящего хозяйства (Левант, Загрос), которые сперва играли подчиненную роль по отношению к преобладающим традиционным промыслам (охота, собирательство). Производящее хозяйство является необходимым, но не достаточным условием возникновения общественного разделения труда. В неолитическом мире и в более поздние эпохи существовало немало обществ с производящей экономикой разных уровней развития, которые не могут быть отнесены к цивилизованным. Так, относительно эффективное производство примитивных земледельцев и скотоводов Новой Гвинеи (папуасов; время, необходимое для производства пищи, может составлять у них всего 10% активного времени, см. гл. I, 2) является достоянием еще вполне первобытного общества.

Возникновение общественного разделения труда можно рассматривать как важный момент усложнения свойственной социуму технологии путем ее дифференциации. Такое усложнение технологии было следствием достижения обществом значительного демографического состояния. Это вытекает из постулируемой нами зависимости между численностью конкретного социума и степенью сложности практикуемой им технологии. По нашим представлениям, "демографический рубикон", разделяющий структурно однородное первобытное общество и ци-

виллизованное общество, состоящее из профессиональных групп, теоретически отвечал десятитысячной численности человеческой популяции, образцы которой появляются на ранней стадии развития классических цивилизаций. Популяция, достигая такой численности, начинает подчиняться действию статистического закона больших чисел, и ее дальнейший рост уже не сказывается на ее статистических свойствах. Поведение маленькой популяции статистически плохо предсказуемо и для ее социализации общество развило технологию соответствующей степени сложности. Когда численность социума переваливает "демографический рубикон", его поведение становится существенно предсказуемым, и при дальнейшем демографическом росте ситуация уже не меняется. Следовательно, для социализации популяции из 10000, из 100000 и т.д. человек достаточна технология одной и той же степени сложности (здесь наш закон корреляции демографии и технологии в первобытном его выражении — неразделенный труд — перестает выполняться). Излишне говорить, что технология, достаточная для поддержания жизни десятитысячного населения, едва ли будет оптимальна для стотысячного. Следовательно, для общества, подошедшего к "демографическому рубикону", единственная возможность совершенствования своей технологии состояла в следующем.

Общество должно было разбиться на социальные группы с численностью менее 10000 человек. Внутри этих групп закон больших чисел не действовал, и в них закон соответствия демографии и технологии продолжал выполняться без всяких ограничений. Такие группы стали основой профессиональных групп общества разделенного труда. При общем демографическом росте социума росли и его профессиональные группы, и усложнялась степень сложности их технологий. Если профессиональная группа сама приближалась к демографическому рубикону, в ней

происходило разделение на подгруппы с численностью ниже демографического рубикона; по этим подгруппам происходила дальнейшая специализация производства, а при росте этих подгрупп усложнялась и свойственная им специализированная технология, причем внутри этих подгрупп по-прежнему продолжал выполняться закон соответствия демографии и технологии. Этот процесс демографической и технологической дифференциации социума теоретически был неограничен. В дифференцированном обществе, таким образом, закон соответствия демографического состояния популяции и степени сложности практикуемой ею технологии продолжал действовать в новом качественном варианте, когда технологии перестают быть общепотребительными в социуме. В реальности это положение вещей отвечало институционализации общественного разделения труда.

Отдельное действие закона соответствия демографии и технологии внутри подразделений труда, обуславливая их самостоятельное поведение, угрожало целостности социума. Для преодоления этого социально-дизинтегративного явления общество пришло к новому образу жизни, при котором социальная структура была определена в инфра- и метаструктуре раннего города (отношения город-деревня, разделение города на кварталы по профессиональной принадлежности и т.д.). Угроза дезинтеграции для цивилизованного общества исходила от самодвижущихся средств коллективного производительного потребления, технологии которых стали самостоятельными в подразделениях труда. Поэтому нейтрализация социально-дизинтегративных последствий дифференциации средств коллективного производительного потребления исходила от консервативных средств коллективного непродуцируемого потребления, господствующая предметная форма которых эквивалентна комплексу городских построек. Теоретически, ядром, объединяющим по-

следние, закономерно должны были стать средствами предельно коллективного и производительного назначения. К их числу относились коллективные святилища и коллективные укрепления. Поэтому представляется неслучайным, что ядром формирования цивилизованного города становились храмы (Шумер) и фортификации (Микены).

Стереотипы поведения первобытного человека были таковы, что на переход к жизни в стационарных условиях ограниченного города человеческие популяции закономерно отреагировали преобразованием своей социальной организации по патриархально-иерархическому образцу, который универсален для цивилизаций (известен в Шумере и повсеместно в других цивилизациях). Этот образец организации был оптимален для интеграции цивилизованного общества, однако, поскольку с той же задачей вполне могла бы справиться и матриархальная иерархия, конкретную патриархальную форму организации цивилизованного общества нельзя объяснять только потребностями социальной регуляции. Нельзя предполагать также и рождение патриархальной организации цивилизованного общества только на почве военных интересов этого общества. Есть основания считать, что в шумерских округах эпохи Джемдет Наср (3200–2900 до н.э.) и даже несколько раньше основы социальной структуры шумерского общества были уже достигнуты³⁰, но произошло это еще в отсутствие военизированной царской власти.

Точно датировать возникновение цивилизации трудно, поскольку в первобытном неолитическом обществе все основные черты цивилизованной жизни были представлены. Ближе всего к цивилизации подошло неолитическое общество Чатал-Хююка, однако полной информации об этом обществе нет (в поздней фазе раскопан главным образом "квартал жрецов"). Чатал-Хююк заметно опередил

³⁰ См.: История древнего Востока. Ч. 1. С. 126–131, 201–207.

и современные себе, и более поздние ближневосточные социумы неолита–халколита. Судьба Чатал–Хююка (протогород был заброшен, но не в результате военных действий) показывает, что этот социум не был рассчитан на местные экологические условия. Вероятно, непрерывный генезис ранней цивилизации начался в долине Нила в эпоху создания Нижнегипетского царства, признаки существования которого можно усматривать в изображении нижнегипетской короны на сосуде амратской эпохи Нагада I.

Таким образом, период становления цивилизации надо датировать временем от появления первого протогорода (Чатал–Хююк, 9420–8440/8200–7350 ¹⁴C) до появления признаков существования Нижнегипетского царства (Нагада I, 6600–6400/5744±300–5577±300 ¹⁴C), т.е. в пределах 8440–6400 календарных лет назад. В то же время следует учесть, что предположительная столица Верхнегипетского царства в Энхабе амратского периода имела еще признаки протоцивилизации, однако ее прямые связи с более поздней египетской цивилизацией не вызывают сомнений (прямоугольный дом в Энхабе относился к числу точных прообразов египетского иероглифа “дом”). По регионам эпоха становления цивилизации может иметь менее высокие даты.

Глава III

ДУХОВНАЯ КУЛЬТУРА РАННЕЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

1. ДУХОВНОЕ РАЗВИТИЕ

В предшествующем изложении, упоминая о различных технологических и культурных достижениях первобытности и ранней цивилизации, мы избегали суждений об их сознательном изобретении людьми, предпочитая искать для этих достижений объективные основы материальной жизни общества. Такой подход объясняется вовсе не приверженностью к упрощенно материалистическому пониманию истории. Дело состоит совсем в другом. Сознательные изобретения технологических и культурных новшеств у современного человека тесно связаны со структурой его психологии, которая обладает явными признаками самосознания или способности к саморефлексии (в широком, не только философском смысле слова). Самосознание основывается у человека на способности полушарий его головного мозга обмениваться понятийной информацией. Не будет чрезвычайным упрощением сказать, что человеческая способность к самосознанию базируется на практике собеседования мозговых полушарий между собой. Оба полушария способны слышать и понимать как внешнюю, так и внутреннюю речь. Однако разговаривать умеет только левое полушарие (у прав-

шей)¹. Осуществляемая таким образом внутренняя речь создает у человека субъективное впечатление присутствия в его сознании "второго Я". Целенаправленная мозговая деятельность, необходимая для сознательных изобретений, тесно связана с человеческой способностью к внутренней речи и самосознанию. Между тем внутренняя речь — очень позднее достояние человека современного типа. Это видно из того обстоятельства, что у современного человека при внутренней речи неслышно колеблются голосовые связки, откуда следует, что внутренняя речь представляет собой всего лишь беззвучный вариант внешней. Поскольку пережитки внешней речи при внутренней речи (самосознании, в психологическом смысле слова) у современного человека не изжиты, внутренней речью надо считать очень поздним образованием. Не вызывает сомнений, что древние люди современного типа еще не обладали навыками внутренней речи и самосознания, и вопрос состоит в датировке развития самосознания у современного человека.

Предметная форма самосознания — письменность (см. далее) присутствует уже в эпоху ранней цивилизации, и поэтому начала самосознания следует датировать не позже раннецивилизированной эпохи. С другой стороны, в раннецивилизированную эпоху существовали и признаки отсутствия самосознания, а потому его появление нельзя датировать ранее цивилизованной эпохи, с которой, вероятно, и связано зарождение самосознания. Этот вывод опирается на социально-психологические исследования Дж. Джейнса². Объективный анализ отношения раннецивилизированных людей (в том числе шумеров)³ к своим бо-

¹ См.: Гешвинд Н. Специализация человеческого мозга // Мозг. М., 1982. С. 219–239.

² См.: Jaynes J. The origin of consciousness in the breakdown of the bicameral mind. Boston, 1976. 467 p.

³ См.: Ibid. P. 149–175.

гам, а точнее, к их идолам и храмам, привел Дж.Джейнса к выводу, что в раннецивилизированную эпоху у людей не существовало современного абстрактного понятия бога. Эта абстракция, свидетельствующая о самосознании, относится к числу немногих, поддающихся обнаружению по древним косвенным материальным признакам. Шумеры, относившиеся к своим идолам, как к реальным богам, этой абстракции явно были лишены. Анализируя текст "Илиады"⁴, Дж.Джейнс пришел к выводу, что в кульминационные моменты Троянской войны ее участники руководствовались галлюцинациями, воспринимаемыми как голоса богов, а не доводами самосознания (на наш взгляд, по тексту "Илиады" действительно получается так). Мезолитические люди (натуфийцы) относятся к представителям несамосознательного общества⁵.

Принимая в целом концепцию Дж.Джейнса⁶, мы должны отметить, что ее детали нуждаются в уточнении. В частности, "Илиада" в ее законченном выражении была, строго говоря, созданием не микенских, а дорийских греков (нецивилизированных приемников микенских ахейцев в Греции). Так что несамосознательными были, вероятно, ранние дорийцы. Правда, по лингвистическим данным, гомеровский эпос восходил, возможно, к микенской эпической традиции⁷, однако части "Илиады", предположительно мало изменившиеся с микенской эпохи (например, упоминавшийся "Каталог кораблей"), не содержат информации по духовной жизни микенского общества. Положение Дж.Джейнса о том, что досамосознательные

⁴ См.: Ibid. P. 67-83.

⁵ См.: Ibid. P. 126-145.

⁶ Подробное изложение концепции Дж.Джейнса см.: *Клягин Н.В.* Реферат: Дж.Джейнс. Происхождение сознания при распаде двухпалатного мозга. Бостон. США, 1976. 467 с. // *Цивилизация и общественное развитие человека*. М., 1989. С. 146-159.

⁷ См.: *Тронский И.М.* Вопросы языкового развития в античном обществе. Л., 1973. С. 129-134.

люди управлялись слуховыми галлюцинациями, представляется несколько избыточным. Из текста "Илиады" видно только, что ее герои не руководствовались самосознательными мотивами современного типа, а Гомер объяснял перемену линии их поведения вмешательством богов, похожим на слуховые галлюцинации. Однако распространять такую форму управления на поведение человека в целом, по-видимому, нет оснований (в частности, самоуправляющиеся животные, очевидно, обходятся без галлюцинаций, так что нет оснований приписывать последние человеку). Совсем неудовлетворительной представляется гипотеза Дж.Джейнса о движущих силах генезиса самосознания. Дж.Джейнс на этот счет выступил с неокатастрофической концепцией, согласно которой стихийные бедствия (вроде извержения вулкана Санторин на о.Фера в 1470 г. до н.э.), рассеивая традиционные общества, заставляли их представителей-изгоев в новой социально-культурной среде приспособляться к ней путем обретения самосознания⁸. Подобный наивный ход рассуждений не выдерживает критики хотя бы потому, что в этом случае самосознание должно бы было быть таким же древним, как и стихийные бедствия или социально-культурные катастрофы. Однако подмеченные Дж.Джейнсом факты и его идея о несамосознательности доцивилизированных людей должны быть учтены.

На наш взгляд, генезис индивидуального самосознания в раннецивилизированную эпоху был связан со структурными преобразованиями первобытного общества, которое, перейдя в цивилизованную стадию, перестало быть однородным образованием, в связи с распадом на профессиональные группы. Внутри основных профессиональных групп, связанных с сельским хозяйством, ремеслом и торговлей вполне достаточными оставались первобытные формы общественного сознания. Однако в профессио-

⁸ См.: *Jaynes J. Op. cit. P. 204-222.*

нальной группе умственного труда, осуществляющей координацию деятельности других профессиональных групп, ситуация изменилась. Хозяйственная администрация шумерских храмов, храмовых и дворцовых хозяйств древнего Египта, хозяйств Элама, дворцовых хозяйств Крита и микенской Греции и т.д. осуществляла распределительные и производственно-регулятивные функции по отношению к представителям других профессиональных групп.

Начала социальной регуляции исходили из подразделения умственного труда и в его собственном случае должны были на нем же замыкаться. Проще говоря, подразделение умственного труда, освоив методы социальной регуляции других профессиональных групп, должно было распространить эти принципы и на само себя. Таким образом подразделение умственного труда в одно и то же время становилось и социально-регулирующим, и регулируемым образованием, а применительно к конкретной обстановке — саморегулируемым. Подразделение умственного труда было единственной общественной группой, существование которой регламентировалось методами саморегуляции. Контролируемые группы выполняли производственные и распределительные директивы, исходящие извне: от хозяйственной администрации, связанной с сакральной, торговой, судебной и военной деятельностью. Контролирующая группа выполняла, очевидно, свои собственные директивы; иными словами, ее жизнедеятельность в определенной степени основывалась на методах самоконтроля.

Индивидуализация подразделения умственного труда в общественной структуре первоначально была, конечно, групповой. Однако ее развитие в перспективе ориентировалось на переход методов самоконтроля на индивидуальный уровень. Всякое развитие представляет собой дифференциацию. Следовательно, развитие групповой

функции самоконтроля в подразделении умственного труда должно было выразиться в ее дифференциации, т.е. в появлении в этом подразделении самоконтролирующихся индивидов, что одновременно выражало тенденцию дальнейшей дифференциации индивидуализации подразделения умственного труда в структуре общества. Но индивидуальные методы самоконтроля, становящиеся достоянием отдельных людей весьма близки по своей природе феномену самосознания. На бытовом уровне индивидуальный самоконтроль у человека предполагает развитие у него навыков внутренней речи, самооценки, умения отличать собственные интересы от коллективных. Представляется вероятным, что навыки индивидуального самосознания возникли у деятелей умственного труда именно таким путем. Факты из истории ранней цивилизации подтверждают такое предположение, поскольку именно у подразделения умственного труда раннего цивилизованного общества возникла предметная форма индивидуального самосознания — письмо.

Истоки ближневосточной письменности восходят к началу голоцена. С этого времени на Ближнем Востоке появляются глиняные фигурки (жетоны, фишки), которые, в конце концов, распространяются по территории от Малой Азии до Инда и от Судана до юга Средней Азии. Для этих объектов предполагалось счетное назначение⁹. Затем Д.Шмандт-Бессера сравнила жетоны с протошумерскими иероглифами, воспроизводящими контуры жетонов. Выяснилось, что жетоны символизировали товары (конус с ободком — кувшин масла, диск с крестом — овца, диск с крестом и чертой-радиусом в одном из секторов — овцематка, широкоугольный треугольник со штриховкой — пруток серебра, остроугольный треугольник с пунктуациями — рабыня и т.д.), а также учитывающие их чис-

⁹ См.: *Оппенгейм А.* Древняя Месопотамия: Портрет погибшей цивилизации. 2-е изд., испр. и доп. М., 1990. С. 185, 287 примеч. 2.

лительные (веретенообразный жетон — единица, шарик — десятка и т.д.). Накануне возникновения шумерской иероглифики жетоны стали помещать в пустотелые глиняные шары — булы, на поверхности которых стали затем оттискивать сами жетоны. Монолитные булы с оттисками жетонов превратились в прообразы древнейших глиняных табличек с протошумерскими иероглифами, воспроизводящими жетоны. Булы с жетонами служили накладными, сопровождающими партии товаров, символизируемых жетонами. Широкое распространение жетонов подсказывает существование глиняного предметного письма — своего рода неолитического эсперанто, по-видимому, понятного своим носителям независимо от их языковой принадлежности.

Жетонное предметное письмо отличалось крайней узостью своего репертуара (товары и цифры) и потому, конечно, не может рассматриваться как предметная форма самосознания. Тематика протошумерских иероглифических текстов (позднеурукский период и период Джемдет Насра, письменные памятники слоя IV В Урука появляются чуть раньше слоя IV А, датируемого 5470/4765 ±85 ¹⁴С) несколько богаче, хотя по-прежнему ограничивается разными хозяйственными операциями¹⁰. Шумерская клинопись, выросшая из иероглифики, датируется временем двадцать второго (предпоследнего) царя I династии Кнша Эн-Менбарагеси (ок. 2615 до н.э.; к концу того же II раннединастического периода относится архив из Шуруппака, Фара, Ирак, конца I династии Урука, 2600–2500 до н.э., в котором, наряду с хозяйственными, имеются тексты социально-политического значения)¹¹. Египетская иероглифика имеет возраст, сопоставимый с протошумерской письменностью (нулевая династия Егип-

¹⁰ См.: Вайман А.А. О протошумерской письменности // Тайны древних письмен: Проблемы дешифровки. Сб. ст. М., 1976. С. 578–586.

¹¹ См.: История древнего Востока. Ч. I. С. 168, 170–174.

та, ок. 5340–5110/4650–4450 ¹⁴C), однако генезис египетской письменности известен хуже, чем шумерской. От нулевой династии Египта дошли надписи хозяйственного и военно-политического содержания¹².

Шумерская, а затем аккадская клинопись, также как египетская иероглифика, были системами письма, способными в полном объеме выразить современные им языковые явления. Правда, формальные особенности этих письменностей делали передачу языка, по современным представлениям, несовершенной, но это обстоятельство не имело отношения к тематике передаваемых сообщений. Между тем содержание шумерских и раннеегипетских памятников оставалось хозяйственным, культовым или военно-политическим, что ясно указывает социальный источник происхождения ранней письменности: это была профессиональная группа умственного труда. О том же свидетельствует не только авторство ранних текстов, созданных писцами, представляющими группу умственного труда, но и содержание этих текстов, отражающих интересы этой группы.

Возникновение самосознания знаменовало собой первый этап дифференциации подразделения умственного труда, поскольку самосознание, являясь достоянием отдельных индивидов, показывало распад единого общественного сознания группы умственного труда. Между тем, как отмечалось выше (см. гл. II, 2), цивилизация являлась социально-интегративным феноменом и на все проявления общественной дифференциации, — будь то материальная или духовная дифференциация, — реагировала порождением интеграционных предметных или идеальных форм, способных нейтрализовать последствия общественной дифференциации, угрожающей целостности социума. Можно было бы ожидать, что цивилизация вырабатывает предметную форму и для самосознания, отдиффе-

¹² См.: Там же. Ч. II. С. 298–308.

ренцировавшегося от единого общественного сознания и стремящегося к дальнейшей еще большей дифференциации на подгрупповом (наука, история, литература и пр.) и индивидуальном уровне.

Поскольку самосознание связано с навыками внутренней речи, владеющий ею человек впервые в истории стал обладателем формы сознания, способной функционировать вне непосредственных контактов индивидов. Все типы вторичных общественных структур и связанных с ними вариантов общественного сознания (анализированных в гл. I,3) рассчитаны на непосредственные контакты индивидов: жестовая и звуковая речь — на слушателей, ритуал — на соучастников и т.д. Можно думать, что до появления индивидуального самосознания ни форм вторичных структур, ни форм общественного сознания индивидуального назначения не существовало. С возникновением индивидуального самосознания такая форма появилась. Самосознание человека может функционировать как при его контакте с другими индивидами, так и вне этих контактов. В интересах сохранения целостности своего подразделения умственного труда социум должен был найти возможность сделать второй вариант функционирования индивидуального сознания достоянием всех членов подразделения умственного труда. Для этого индивидуальное сознание требовалась предметная форма, способная стать посредником обмена проявлениями индивидуального самосознания у людей. На наш взгляд, в интересах обмена проявлениями самосознания была использована протошумерская предметная письменность, которая в цивилизованную эпоху прошла стремительную эволюцию в клинописное письмо. Обычно считается, что письменные регистрации являлись записями для памяти. Но записи для памяти нужны лишь той форме сознания, которая способна функционировать вне непосредственных контактов индивидов. С социально-философской

точки зрения, эти записи для памяти были важны не только по прямому назначению (хозяйственный учет и т.д.), но и для того, чтобы сделать проявления индивидуального самосознания общественным достоянием, т.е. социально-интегрировать носителя индивидуального самосознания.

Таким образом, письменность можно рассматривать как предметную форму индивидуального самосознания, призванную сделать его проявления достоянием других членов социума и тем самым обеспечить интеграцию интеллектуальной деятельности носителей индивидуального самосознания в рамках соответствующего подразделения вторичной идеологической структуры общества. Как можно думать, формы проявления индивидуального самосознания были специфичны для подразделения умственного труда и существовали в окружении традиционных форм общественного сознания, унаследованных цивилизацией от предшествующих эпох. Эту культурную преемственность нельзя объяснять только инертностью идеологических представлений общества, поскольку она сама нуждается в объяснении.

Цивилизованное общество разделенного труда отличалось от предшествующего общественного состояния важными признаками количественного и качественного характера. Прежде всего, общество разделенного труда располагало формами общественного производства, более эффективными, чем те, что были присущи первобытному обществу. О том свидетельствует сам факт появления институционализированных отраслей несельскохозяйственного производства, представленных различными формами ремесла, зодчества, горного дела и т.д., а также функционирование профессиональных групп, занятых в основном распределением произведенных материальных благ, — купцов и управленческой администрации. Надо сказать, что четкой грани между подразделениями труда поначалу не существовало, поскольку, например, в Шумере ремес-

ленники получали за работу, помимо натуральных выдач, также и земельные наделы¹³, которые, впрочем, необязательно обрабатывали сами. Это обстоятельство объяснялось слабой развитостью товарно-денежных отношений. Однако значительное количество шумерских несельскохозяйственных профессий показывает, что достигнутый уровень сельскохозяйственного производства способен был обеспечивать существование определенных групп лиц, постоянно не связанных с сельским хозяйством. Для общества в целом это означало наличие значительного количества времени, свободного от добычи средств к существованию. Социум распорядился этим временем двояко. Во-первых, часть людей была изъята из сельскохозяйственного производства, что повысило в нем занятость; освобожденные от постоянных сельхозработ лица нашли применение в сфере ремесла и прочих несельскохозяйственных занятий: в общем, сложилась типичная картина общества разделенного труда. Во-вторых, цивилизованный социум занимал остающееся свободным время своих членов различными коллективными мероприятиями из области вторичных общественных структур. В этом отношении цивилизованное общество продолжало практику первобытного общества, в котором свободное время в интересах его социализации заполнялось различными формами общения непроизводственного характера. В цивилизованном обществе этого времени в принципе могло быть больше, в связи с чем требовались более емкие вторичные структуры.

Кроме того, цивилизованное общество не было однородным, а потому его вторичные структуры должны были, помимо социализации свободного времени, способствовать консолидации профессиональных групп, что могло вызвать к жизни некоторые элементы вторичных общественных структур, неизвестных в первобытности.

¹³ См.: История древнего Востока. Ч. 1. С. 202.

Однако во всех случаях для социума были предпочтительнее вторичные структуры традиционного характера. Проще сказать, вторичные структуры цивилизованного общества должны были быть частью культурного генеалогического древа, уходящего корнями в первобытность. Попробуем объяснить необходимость этого обстоятельства.

Представим себе, что дифференциация первичных структур общества, основанная на специализации технологий, разделении труда и т.д., будет сопровождаться дифференциацией и вторичных общественных структур, что выглядит в общем—то логично. Но в этом случае специализированные вторичные структуры, очевидно, начнут утрачивать способность осуществлять общесоциальную интеграцию, поскольку области их приложения станут более частными, специализированными. Этот ход событий не отвечал социально-интегративным потребностям социума. Следовательно, для вторичных общественных структур оптимальным было сохранение по возможности своего прошлого менее дифференцированного состояния, отвечающего задачам общесоциальной интеграции. Таким образом инертность вторичных общественных структур, их связь со своим прошлым недифференцированным состоянием получает социально-философское объяснение.

Как нам известно из примеров с культово-астрономическими центрами мегалитического общества, с храмовыми центрами убейдского Шумера, вторичные структуры имели тенденцию к централизации в подобных центрах, а не к дифференциации согласно потребностям локальных общин. Можно было бы ожидать, что в цивилизованном обществе разделенного труда социум будет сохранять вторичные общественные структуры древнего происхождения, рассчитанные на менее дифференцированное состояние общества, а потому способные успешно осуществлять общесоциальную

интеграцию более дифференцированного общества, в данном случае — общества разделенного труда. Этот случай близко связан с природой сохранения социальной связи в истории (см. гл. III, 2).

При наследовании цивилизацией вторичных общественных структур первобытности наблюдались два основных принципа этого наследия. Во-первых, цивилизованное общество, располагая относительно высокой производительностью труда и свободным временем, подлежащим социализации, способно было ассимилировать весь арсенал вторичных общественных структур, который был присущ первобытности. Во всяком случае, нам неизвестно таких форм общественного сознания первобытности, которые бы не были унаследованы ранним цивилизованным обществом в полной мере или в виде пережитков. Диахронические и синхронические общечеловеческие черты цивилизации находят объяснение именно здесь. Во-вторых, цивилизованное общество, унаследовав от первобытности вторичные структуры, было заинтересовано в сохранении ими архаичного недифференцированного состояния, рассчитанного на соответствующее менее дифференцированное состояние общества, а потому оптимально пригодного для социальной интеграции общества разделенного труда. Существенно, что появление новых форм общественного сознания, происходящих от древних архетипов, не сопровождалось вытеснением новыми формами родственных древних архетипов. Напротив, они продолжали совместное параллельное существование, умножая тем самым объем вторичных общественных структур, в чем была заинтересована цивилизация.

Социально-интегративная матрица цивилизации должна была охватывать любые проявления общественного и индивидуального самосознания. Цивилизация без особых усилий унаследовала от первобытности древние

формы общественного сознания, взаимоинтегрированные еще в незапамятные времена: язык, ритуал, календарь, мифология, нравственность, пережитки тотемизма и магии, погребальный культ, художественное творчество, пережитки фетишизма и анимизма (нашедшие новую жизнь в цивилизованную эпоху в рамках религии), музыкальное и танцевальное творчество (см. гл. I, 3). В эпоху цивилизации к этим формам проявления вторичных общественных структур добавились некоторые новации, отмеченные печатью социально-интегративных потребностей цивилизации.

Изобразительное искусство было по происхождению сакральным (во всяком случае мифологическим), и появление светского искусства в раннецивилизованное время представляло собой своего рода дубликацию (удвоение) архетипа изобразительного искусства в виде религиозного и светского. Сходная дубликация привела к отпочкованию драматического искусства от архетипов религиозных мистерий и т.д. Нравственные формы поведения, регламентируя взаимосогласованные и предсказуемые поступки членов общества, способствовали его интеграции. В первобытном социуме нравственные нормы были одинаковы для всех его представителей, что отвечало структурной однородности первобытного общества. В эпоху разделения труда положение, интересы и имущественные возможности представителей различных профессиональных групп стали различаться, что не учитывалось системой общепотребительных нравственных норм, которые, как известно из истории классового общества, испытали даже дивергенцию внутри различных социальных классов. В таких условиях нравственные формы регуляции человеческих отношений становились недостаточны для успешной интеграции общества в целом. В этой связи нравственные нормы, понимаемые лишь как способ взаимного согласования поведения индивидов, испытали

своего рода дубликацию, породив очень близкие себе по задачам правовые нормы поведения, которые имеют большое сходство с запретительной (но также и с рекомендательной) составляющей нравственных нормативов. Правовые нормы поведения не апеллируют к общепотребительной морали и представляют собой стереотипы общественных реакций на поведение индивидов, отклоняющееся от общепринятых норм (обычное право) и норм, зафиксированных в кодифицированных законах (законодательное право). Правовые нормы, конечно, не являются эквивалентом нравственных норм, однако социально-регулятивные задачи тех и других идентичны. С социально-философской точки зрения, нравственные и правовые нормы преследуют цели обеспечить целостность социума, выражающуюся в однотипности и предсказуемости поведения его членов. Поэтому в рамках вторичной общественной структуры правовые нормы должны рассматриваться как генетически связанные с нравственными нормами.

Цивилизованный социум, заинтересованный в умножении разновидностей своих вторичных структур, никогда не отменял их варианты, ставшие почему-либо недостаточными. Напротив, из старого варианта выводился более современный новый, который затем продолжал существовать наряду со старым. По-видимому, с начала ранней цивилизации параллельно с нравственностью существовало обычное право, которое затем в актуализированной форме было кодифицировано. Наиболее ранние образцы законодательного права происходят из Шумера. Имеются изложения модернизированных законов Эмметены (2360–2340 до н.э.) и Урунингины (2318–2312 до н.э.; пятый и девятый цари I династии Лагаша), а также своды законов Ур-Намму (2112–2094/93 до н.э.) и Шульгира (2093–2046 до н.э.; первый и второй цари III династии Ура), которые являются древнейшими памятни-

ками писаного права¹⁴. Судебник Ур–Намму в отдельных положениях выходит за рамки обычных шумерских норм, что может сигнализировать о проявлении признаков правового самосознания.

Свособразным ответвлением того же стереотипа поведения в эпоху ранней цивилизации явились проявления политической активности. Если мораль и право регламентировали взаимоотношения индивидов, то стереотипные проявления политической активности в известной мере регламентировали взаимоотношения целых социальных образований — государств. Применительно к ранней цивилизации речь не может еще идти об институционализированной дипломатии и, тем более, о нормах международного права. Однако то и другое имело древние предпосылки в отношениях государств, сложившихся еще в эпоху раннединастического Шумера. Начиная с I династии Киша (ок. 2750–2615 до н.э.) в Шумере сложилась система последовательного доминирования отдельных городов–государств (округ Киша, Урука и т.д.), хотя общешумерская царская титулатура появляется лишь при II династии Урука и Ура (“лугаль Страны, эн Шумера”, 2425–2336 до н.э.). Эта система складывалась стихийно, но поведение шумерских округ в ее рамках выглядит достаточно стереотипно. Крупномасштабная политическая история древнего Египта и, вероятно, Шумера подчинялась определенной политической закономерности. Отсюда следует, что навыки своей политики египтяне и шумеры не изобрели: основные направления их политической активности были подсказаны им естественно–историческим течением событий. Шумеры отражали свою политическую историю, о чем свидетельствует надпись “Конуса Эпметены” (2360–2340 до н.э.), рассказывающая о взаимоотношениях между городами Лагаш и Умма в период ок. 2400–2360 до н.э., а также “Царский список”, составлен-

¹⁴ См.: История древнего Востока. Ч. 1. С. 208–210, 274–275.

ный при Ур–Намму (2112–2094/93 до н.э.) и вкратце освещающий основные военно–политические события периода 2900–2112 до н.э. (впоследствии список был продолжен). В связи с событиями политической истории у шумеров обнаружались редкие признаки национального самосознания, направленного против господствовавшего в стране племени кутисв (ок. 2200–2109 до н.э.), о чем свидетельствует надпись–поэма Утухенгаля (2116/2111–2109/2104 до н.э., V династия Урука)¹⁵. Выступление шумеров против кутисв было приурочено к смене у них правителей, что говорит о способности вести политический расчет, а прием эламских послов — о каких-то началах дипломатии. Социальное значение политической активности было двояким: с одной стороны, всякая внешняя активность консолидировала социум, явившийся ее источником, а с другой — внешняя активность социума была проявлением его общественно–интегративных свойств, направленных на консолидацию вокруг него окружающей социальной среды. Последнее обстоятельство отразилось в политической идеологии Месопотамии в “имперском” понятии “Царства четырех стран света” (Нарам–Суэн, 2236–2200 до н.э., четвертый царь династии Аккаде).

Как можно видеть, основные типы вторичных общественных структур и соответствующих им форм общественного сознания ранней цивилизации, строго говоря, не были изобретениями цивилизации. Они явились прямыми продолжениями вторичных общественных структур, присущих первобытному обществу. При этом надо учитывать следующее обстоятельство. Первобытные архетипы вторичных общественных структур и соответствующих им форм сознания в эпоху ранней цивилизации были дублированы (удвоены). Древний вариант архетипа продолжал существование, сохраняя тесную преемственность со своим первобытным состоянием. Новое ответв-

¹⁵ См.: История древнего Востока. Ч. 1. С. 265.

ление архетипа сохраняло с ним лишь общетипологическую связь и обретало в цивилизованных условиях конкретные новые свойства. Так образовалась целая серия парных линий родственных вторичных общественных структур, к которым из числа перечисленных можно отнести следующие: общественное сознание в целом и индивидуальное самосознание, обычный звуковой язык и дублирующий его письменный язык, сакральное изобразительное искусство и параллельный ему светский вариант, мистерии религиозного культа и светский театр, нравственные нормы поведения и нормы поведения правового и, может быть, политического свойства. В дальнейших разделах будут рассмотрены исторические и научные формы сознания, которые могут пополнить этот список.

Цивилизация использовала первобытные архетипы вторичных общественных структур, образовывала от них новые и сохраняла старые наряду с новыми, конечно, не случайно. Такое применение вторичных общественных структур обеспечивало их значительный объем, который отвечал объему свободного времени, имеющегося у людей высокопроизводительного общества разделенного труда. Кроме того, все вторичные структуры цивилизованного общества уходят генеалогическими корнями в первобытность, и это тоже не случайно. Первобытные вторичные структуры социализировали общество неразделенного труда и являлись общеупотребительными. Их древние общинтегративные свойства еще больше подходили для общества разделенного труда, нуждающегося как раз в общеупотребительных формах общественного сознания и соответствующих вторичных структур. Поэтому отпрыски их первобытных архетипов, наряду с ними самими, нашли широчайшее применение в цивилизованном обществе разделенного труда. Этот принцип применения социумом древних социальных связей для самоинтеграции в новых условиях означает, что социум имел тенденцию

использовать свое старое менее дифференцированное состояние для интеграции своего нового более дифференцированного состояния. Природу образующихся таким образом социальных связей в истории мы рассмотрим в следующем разделе.

2. ОСМЫСЛЕНИЕ ИСТОРИИ

Проблема социальных связей в истории, близкая проблематике философии истории, имеет две области приложения. С одной стороны, социальная преемственность имела место в сфере материальной жизни общества, а с другой стороны, аналогичная социальная преемственность наблюдалась и в сфере духовной жизни общества. На наш взгляд, оба варианта сохранения социальной связи в истории имели идентичную природу, характер которой можно усмотреть в стремлении социума использовать основы своей жизнедеятельности, заложенные на стадии его относительно меньшей дифференциации, для интеграции своего более дифференцированного состояния.

Наиболее важные этапы исторического развития общества были связаны с его дифференциацией. Согласно нашей гипотезе, изложенной в гл. I, 2, между демографическим состоянием общества и степенью сложности практикуемой им технологии существует определенное соответствие. В истории известно два относительно кратковременных периода значительного изменения демографического состояния общества. На рубеже плейстоцена и голоцена (11700/10200 ^{14}C) на Ближнем Востоке имел место первый значительный демографический взрыв, который закономерно (по нашей гипотезе) вызвал неолитическую технологическую революцию, сопровождавшуюся общественным разделением труда. Другой значительный демографический взрыв начался в Западной Европе около XI — середины XVI в. нашей эры. Это демографическое

событие закономерно вызвало промышленную технологическую революцию и появление массового производства.

В исторические периоды, предшествовавшие этим демографо-технологическим событиям, состояние дифференциации общества менялось относительно мало. На самом деле, конечно, детальный анализ показывает, что дифференциация общества постепенно по ряду признаков нарастала и в промежуточные периоды (см. гл. I-II), однако революционные изменения общественной дифференциации действительно имели место только дважды в истории.

До плейстоцен-голоценового демографического взрыва производительные силы первобытного общества отвечали состоянию неразделенного труда, который оставался общественно неспециализированным, несмотря на определенные изменения технологии, следовавшие за постепенным демографическим ростом социума. Общественные отношения первобытности основывались на однородной социальной структуре, локальная специфика которой определялась характером кровно-родственных отношений: в первобытности они, по-видимому, подчинялись закону Дж.Крука (см. гл. I, 2). Вторичная структура первобытного общества предполагала существование только общественных форм сознания (язык внешней речи, анималистическая мифология, нравственность, разновидности первобытных верований, сакральное изобразительное искусство).

В ходе голоценового демографического взрыва производительные силы испытали дифференциацию по подразделениям труда. В сфере общественных отношений также произошла дифференциация, вызвавшая отделение производственных отношений от кровно-родственных. В цивилизованных условиях кровно-родственные отношения перестали подчиняться закону Дж.Крука и ограничи-

лись патристическим вариантом, который именно по этой причине Л.Г.Морган считает финальным, хотя в действительности патристическая как вариант кровно-родственных отношений в подходящей экосреде существовала у человека со времен обезьяньих предков. Производственные отношения перестали отвечать однородной общественной структуре и стали классовыми. Вторичная структура цивилизованного общества отмечена серией дифференциаций первобытных архетипов, к которым добавились такие формы, как индивидуальное самосознание, внутренняя речь и письменный язык, антропоморфная мифология, этикет, право, политика, светское изобразительное искусство, театр, наука (см. гл. III, 3).

Это состояние общества просуществовало до начала современного демографического взрыва: производительные силы, малоприспособленные для массового производства; типологически близкие производственные отношения рабовладения и феодализма; вторичные общественные структуры, основные формы которых были заложены уже в античности. В ходе современного демографического взрыва появились технологии, рассчитанные на массовое производство и разделение труда на уровне технологических операций, изменилась классовая структура общества (стал типичен массовый наемный труд); в области вторичных общественных структур возникли элементы массовой культуры (книгопечатание, газеты и многое другое), неизвестные ранее. Массовое производство, массовый наемный труд и массовая культура хорошо отвечают современной демографической обстановке.

Если рассматривать общество в указанной долгопериодической исторической перспективе, то оно представится как довольно консервативное образование. В самом деле, исходя из здравого смысла и из гипотезы (несостоятельной), что технологические, общественные и духовные новшества обязаны происхождением удачному

изобретению себя человеком, окажется совершенно непонятным, почему пики этих изобретений приходились на демографические взрывы, а в промежутках между ними в значительной степени сохранялось достигнутое положение вещей. Этот парадокс объясняется тем обстоятельством, что успешное самосохранение социума обеспечивалось его способностью к консервации своего состояния, обеспечиваемой существованием во времени социальных связей людей.

Консолидация самого раннего первобытного социума обеспечивалась соответствием его демографического состояния и степени сложности его технологии. Эта архаическая социально-интегративная зависимость была затем протессна социумом через всю его историю, несмотря на растущую в обществе дифференциацию, углубление которой особенно ярко проявилось во время голоценового и современного демографических взрывов. Указанная демографо-технологическая зависимость была рождена в совершенно недифференцированном обществе. Следовательно, эта зависимость действует на всякий подчиняющийся ей социум так, словно он лишен внутренней дифференциации, и тем самым интегрирует его независимо от существующей технологической специализации. В этом случае социуму удастся использовать свое древнее недифференцированное состояние (демографо-технологическую зависимость, рожденную древнейшим недифференцированным обществом) для интеграции всякого нового своего более дифференцированного состояния (действие демографо-технологической зависимости в технологически специализированном обществе). Эта основанная на приемственности демографо-технологической зависимости социальная связь непрерывно длится уже около 2,6 млн. лет ($2,63 \pm 0,5/2,58 \pm 0,23$).

Зависимость, позволяющая более крупному коллективу располагать более эффективной технологией, оче-

видно, предполагала равновесие социума с естественной экосредой как предметом труда. Если же сообщество находится в равновесии с экосредой, в нем действует закон Дж.Крука, предписывающий сообществу определенный вариант кровно-родственных отношений, предусмотренный уровнем биопродуктивности наличной экосреды. Следовательно, весь первобытный период действия демографо-технологической зависимости общество использовало для своей интеграции варианты кровно-родственных отношений, учитываемых законом Дж.Крука. В данном случае общество использовало для своей интеграции структуру сообщества, не меняющуюся во времени. В цивилизованных обществах из всех вариантов реализации закона Дж.Крука получил распространение иерархически патрилинейный вариант, который определил формы организации кровно-родственных отношений и отношений подразделений труда. Здесь социум использовал для интеграции своего нового более дифференцированного состояния общественную структуру, рожденную его прежним недифференцированным состоянием.

В цивилизованную эпоху структура общества разделенного труда была определена в форме поселения городского типа. Это новое средство социальной интеграции оказалось исключительно устойчивым и пережило все общественные дифференциации, испытанные цивилизацией. В известном смысле можно сказать, что современное весьма дифференцированное городское население интегрируется предметной структурой, возникшей еще в бронзовом веке и рассчитанной на гораздо менее дифференцированное общество, нежели современное. Этот пример показывает еще один факт использования социумом своего менее дифференцированного состояния (древнее городское общество) для консолидации современного состояния, много более дифференцированного.

Начиная с первобытной эпохи социум социализировал свободное время своих членов при помощи производственных форм общения, образующих вторичную структуру общества. История вторичной общественной структуры представляет собой сложную проблему (см. гл. I, 3), однако некоторые ее элементы датируются достаточно надежно. В частности, анималистическая франко-кангабрийская мифология существовала неизменной на протяжении всего верхнего палеолита и, возможно, восходила к мустьерским и даже верхнеашельским временам. Возраст счетно-календарной знаковой системы составлял не менее 350000–300000 лет и, вероятно, достигал 730000 лет. Другие элементы вторичной общественной структуры (ритуал, нравственность), по косвенным признакам, имели сопоставимую древность. Поэтому складывается впечатление, что социум очень давно использовал для своей интеграции человеческие отношения, предполагающие существование общественного сознания. Цивилизованное общество не только унаследовало первобытные вторичные структуры, но и значительно расширило их состав. Использование цивилизованным обществом вторичных структур первобытного происхождения показывает важный пример применения социумом формы своей малодифференцированной организации (первобытные вторичные структуры) для интеграции своего гораздо более дифференцированного состояния, свойственного цивилизованному обществу разделенного труда.

Последний случай позволяет по-новому взглянуть на общественную природу той социальной связи в истории, которая представлена в сфере исторического самосознания цивилизованного человека и выражена в письменных памятниках исторического содержания. Эта проблема представляется довольно сложной, поскольку назначение наблюдений, издавна осуществляемых цивилизованными

людьми над своей историей, остается загадочным, а его понимание — интуитивным.

Первые памятники исторического содержания появляются во время нулевой династии Египта (3390–3160 до н.э.), однако они еще лишены датировок. От фараона Хора Ухи (Скорпиона)¹⁶ дошла “палетка городов”, из пиктографии которой следует, что этот фараон разрушил в Ливии семь городов-крепостей с указанием их названий. По-видимому, это — древнейшее в истории сообщение военно-политического свойства. Палетка Хора Нара (Сома) Мера сообщает о поражении, нанесенном этим фараоном Нижнему Египту (вероятно, восставшему), а булава того же царя — о захвате (вероятно, в Нижнем Египте) 400000 быков, 1422000 голов мелкого скота и 120000 пленников. В период I династии Египта (3160–2930 до н.э.), начиная с Хора Ахи (Бойца) Мины (3160–3098 до н.э.), появляются памятники, датированные погодно. Древнейшая египетская летопись была составлена во время V династии (2563–2423 до н.э.), возможно, при ее третьем царе Нефериркаре Какан (Наф-ар-ку-Риа Кукуйа), и дошла в копии XXV династии (715–664 до н.э.), называемой Палермский камень (с этим памятником связан и ряд фрагментов). Летоисчисление при первых династиях велось по знаменательным событиям каждого года, а наименования годов заносились в особые списки, где под записями каждого года указывался уровень разлива Нила. Такая летопись составила содержание Палермского камня и была дополнена еще указаниями фараонов, предшествующих I династии (нулевая династия, нижнеегипетская и, предположительно, верхнеегипетская династии)¹⁷. Концепция памятника (если она была) состоит в демонстрации непрерывности царской власти в Египте.

¹⁶ См.: История древнего Востока. Ч. II. С. 306.

¹⁷ См.: Там же. С. 303.

В Шумере своеобразная летопись, именующаяся “Царский список”, была составлена при Ур-Намму (2112–2094/93 до н.э., основатель III династии Ура) и доведена до династии Иссины (2017–1794 до н.э.). Этот памятник основывался на ряде царских списков местного значения, на датировочных формулах, аналогичных египетским (с 2500 до н.э. или раньше), на эпическом и литературном материале. “Царский список” излагает краткую историю того, как “царственность” (связанная отчасти с гегемонией конкретной округи в Шумере) переходила из города в город, пока не попала к Ур-Намму. Цели подобного изложения привели к тому, что некоторые отчасти синхронные династии оказались размещенными в “Царском списке” в диахроническом порядке¹⁸. Иными словами, шумерский “Царский список” представляет определенную концепцию истории общешумерской царской власти, а не истории отдельных округ Шумера, представленных в “Царском списке”. Стремление показать непрерывность общешумерской царской власти, которая в раннединастический период возникала лишь спорадически и в известной мере, привело составителя “Списка” к искажению истории. Это показывает, что “Царский список” не является механической комбинацией сведений, имевшихся в распоряжении автора, но отражал определенную форму исторического самосознания.

Шумерский “Царский список” отчасти напоминают древнеегипетские памятники: Туринский царский список (XVIII династия, 1554–1306 до н.э., по хронологии Ю.фон Беккерата), Абидосский царский список (при втором царе XIX династии Сети I, или Сутаея, 1305–1295 до н.э.) и Саккарский царский список (Рамсес II, Риа-масэ-са, 1295–1229 до н.э.), концепция построения которых аналогична летописи Палермского камня. Более поздние месопотамские источники (“Хролика г зних царей”, Агум III,

¹⁸ См.: История древнего Востока. Ч. 1. С. 162–167.

между 1450 и 1415 до н.э.; “Династическая хроника”, Эриб–Мардук, ок. 770 до н.э.; и др.) продолжают традицию шумерского “Царского списка”.

Ранние исторические памятники (Палермский камень, некоторые источники шумерского “Царского списка”) составлялись в качестве сводов погодных записей, привязанных к правлениям царей. Такой генезис первой историографии близко напоминает практику составления древних хозяйственных документов. Шумерские хозяйственные записи раннединастической эпохи датировались¹⁹, причем эта практика восходила еще к документам протошумерской нероглифики эпохи Джемдет Наср (3200–2900 до н.э.)²⁰. Из практики хозяйственного делопроизводства Пилюсского царства (ок. 1200 до н.э.) известно, что отдельные хозяйственные записи сводили в более обширные регистрационные тексты (что показано на примере родства некоторых серий мелких и крупных табличек линейного письма В)²¹. Подобная практика, вероятно, была типична для древнего делопроизводства и, учитывая его древность, могла послужить прямым образцом для составления списков погодных записей.

Складывается следующая картина генезиса древней историографии. Первые писцы позднееурукской эпохи (3520/2815±85¹⁴С до н.э.) и эпохи нулевой династии (3390–3160 до н.э.), по-видимому, еще не обладали индивидуальным самосознанием. Они вели хозяйственные записи и, может быть, сводили их в обобщенные регистрации. С появлением датированных текстов исторического содержания (I династия Египта, 3160–2930 до н.э.) практика сведения отдельных хозяйственных записей воедино была перенесена и на исторические регистрации, накоп-

¹⁹ См.: Там же. С. 201 и др.

²⁰ См.: Вайман А.А. О протошумерской письменности // Тайны древних письмен: Проблемы дешифровки. Сб. ст. М., 1976. С. 581.

²¹ См.: Бартошек А. Златообильные Микены. М., 1991. С. 89–90.

ление которых совершенно стихийно привело к возникновению прототипа летописи. Хотелось бы подчеркнуть, что возникновение древнейшей историографии в этом случае возможно объяснить без привлечения гипотезы о сознательном изобретении письменной истории, поскольку время ее зарождения отвечает всего лишь самым первым проявлениям индивидуального самосознания вообще.

В самом деле, логичнее считать, что поначалу возникла предметная форма, способная стать содержанием исторического самосознания, т.е. ранняя историография, а затем работа с этой предметной формой позволила представителям подразделения умственного труда открыть в ней воплощение социальной связи в истории. Прямым доказательством этой нашей гипотезе служит характер периодизации египтянами своей истории. В распоряжении создателей Палермских анналов были недатированные списки додинастических верхнеегипетских (предположительно), нижнеегипетских правителей и общеегипетских фараонов нулевой династии, а также датированные списки правителей I–IV династий. Критически мыслящий самосознательный историк современного типа, очевидно, начал бы историю единого Египта с нулевой династии, представители которой, по Палермскому камню, уже владели обоими венцами двух египетских царств, хотя и не были датированы. Однако египетские историографы пошли совсем иным путем. За основателя общеегипетского государства был признан первый датированный фараон списков, послуживших основой для Палермской летописи, — Хор Аха Мина, который выступил основателем I династии манефоновской традиции²². Следовательно, историческая концепция древнейших египетских историографов явилась механическим отражением стихийно сложившихся до них царских списков, а не результатом критических самосознательных усилий по осмыс-

²² См.: История древнего Востока. Ч. II. С. 303.

лению своей истории. Отсюда следует единственный возможный вывод: сперва появилась стихийно сложившаяся писаная история, а затем историческое самосознание, которое, слепо интериоризировав стихийно сложившийся исторический материал, в дальнейшем исходило из него как из данности. Содержание исторического самосознания появилось, таким образом, ранее него (в писаной истории), а затем стало отправной точкой генезиса исторической самосознательной способности человека. Как можно видеть, обстоятельства ранней египетской историографии хорошо согласуются с концепцией Дж.Джейнса о позднем генезисе человеческого самосознания.

В шумерской историографии исходными были памятники, в принципе близкие египетским: списки правителей, датировочные формулы, эпический материал. "Царский список" состоит из последовательности местных династий: легендарных "допогопных" и в основном исторических из городов Киш, Урук, Ур, Акшак, Умма, Аккаде и др., дополненных династией кутисв. Заканчивался "Список" поначалу III династией Ура, возглавлявшей государство Шумера и Аккада (общемесопотамская монархия). Став основой исторического сознания шумерских историографов, этот материал внушил им определенную историческую концепцию, существо которой состояло в том, что династии "Царского списка" были последовательны и обладали сходным государственным статусом. Конкретнее, эта концепция привела к представлению, что общешумерская царственность, аналогичная статусу III династии Ура, последовательно переходила из города в город, от одной династии к другой. Как и в египетском случае, выросшее из содержания механически скомпонованного "Царского списка" историческое сознание, точно отражая "Список", негодно отразило историческую реальность. Причем составителям "Царского списка", наверное, был известен синхронизм

двадцать третьего царя I династии Киша (Аги) и пятого царя I династии Урука (Гильгамеша), вытекающий из эпоса. Синхронизм означал, что названные династии не могли быть одинаково последовательными и общенумерскими. Отсюда следует, что создатели "Царского списка" не обладали критическим историческим самосознанием и слепо интериоризировали в качестве его основы подготовительный материал для "Царского списка". В этом случае можно видеть параллель генезису исторического самосознания в Египте: наличное состояние писаной истории формировало начало ее осознания. Сказанное касается фактологической стороны проблемы. Кроме нее, с ранней историографией связана своя социально-философская проблематика.

Стержнем ранних исторических памятников, как правило, выступал перечень правителей. Независимо от своего конкретного происхождения подобный перечень представлял собой зримое воплощение социальной связи, которая через вереницу посредников объединяла самых ранних правителей с позднейшими своими наследниками. Конечными пунктами названных памятников были династии крупных единых государств (общеегипетское государство, царство Шумера и Аккада III династии Ура), однако истоки царственности этих династий восходят к правителям более скромных государственных образований: в Египте это — нижеегипетское и, вероятно, верхнеегипетское царства, а в Шумере — царства отдельных округ.

В ранних исторических памятниках речь идет, таким образом, о том, что средства социальной интеграции, применявшиеся в малодифференцированном обществе (например, нижеегипетском царстве или округе Киша), являются важнейшим наследием и достоянием, которые более дифференцированное общество (общеегипетское государство и царство Шумера и Аккада) сохранило для

своей собственной интеграции. Подобная фактическая концепция раннеисторических памятников отвечает нашим представлениям о природе наследования социальной связи в истории.

Среди сочинений, посвященных человеческой истории, можно выделить два основных методологических типа. С одной стороны, начиная с эпохи ранней цивилизации возникают и получают распространение исторические сочинения преимущественно описательной направленности. Объяснительная составляющая таких трудов никогда не выявляет собственно исторических закономерностей и ограничивается (там, где она есть) исключительно феноменологическим уровнем: сакральное происхождение царской власти (начиная с шумерского "Царского списка"), личность как двигатель исторических событий (мотив появляется в Египте, широко представлен у Геродота и др.).

Другая группа сочинений исторической направленности, напротив, посвящена главным образом объяснению природы исторического процесса и отличается целенаправленным поиском исторических закономерностей. Речь идет о сочинениях философско-исторической традиции, среди создателей которой можно назвать Н.Макиавелли (1469–1527), Ж.Бодена (1530–1596), Ф.Бэкона (1561–1626), Дж.Вико (1668–1744), Ж.А.Кондорсе (1743–1794), И.Г.Гердера (1744–1803), Г.В.Ф.Гегеля (1770–1831) и др.

Последовательное появление этих двух стадий развития исторической мысли не представляется случайным при сравнении социально-исторических обстоятельств их возникновения. В эпоху раннецивилизированных государств социум поэтапно испытывал нарастание своей социальной дифференциации. В Египте исторический процесс сопровождался очевидным нарастанием социальной дифференциации следовавших друг за другом государственных

образований. Он начался с создания двух царств — верхнеегипетского и нижнеегипетского, которые объединяли локальные социумы основного течения Нила и его дельты. Это были образования определенной степени социальной сложности, которая, однако, уступала степени сложности грядущего общеегипетского государства. Последнее, объединив Верховье и Низовье, стало гораздо более дифференцированным социальным организмом, состоящим из хозяйственно обособленных социумов Верховья и Низовья, специфика которых получила многочисленные отражения в структуре древнеегипетского общества и его идеологии.

В Шумере наблюдалась довольно близкая картина. В раннединастический период (2900/2750–2315 до н.э.) страна была разделена на округа, в каждой из которых имелись свои институты управления. Ранняя царская власть в Шумере отвечала социальным образованиям слабой степени дифференцированности. Начиная с династии Аккаде (2316–2137 до н.э., на определенном этапе — Царство четырех стран света) и III династии Ура (2112–2003 до н.э., царство Шумера и Аккада) появляются образцы единого месопотамского государства, несравнимо более дифференцированного по сравнению с раннединастическими шумерскими округами.

Общество на каждом новом этапе своей дифференциации, внешне проявляющейся в новых способах его интеграции (два египетских царства — общеегипетское государство, государства округ Шумера — царства четырех стран света и Шумера и Аккада, например), переставало быть тождественным самому себе, с точки зрения внутренней структуры. В этих условиях члены общества (главным образом, представители подразделения умственного труда) вставали перед проблемой: что представляет собой их социум, является ли он органичным продолжением своего менее дифференцированного и, зна-

чит, более социализированного состояния, или он представляет некий новый общественный организм, адекватность которого человеческому существу зримо отличается от состояния предшествующей эпохи. Судя по характеру ранних исторических памятников, их составители видели органичную связь прошлого менее дифференцированного состояния общества с современным себе более дифференцированным общественным состоянием. Следовательно, пусть бессознательно, первые историки отражали то обстоятельство, что архетип организации прошлой мало дифференцированной жизни по-прежнему применяется для интеграции нового более дифференцированного общественного состояния. Эти несколько отвлеченные суждения, неизбежные при социально-философском анализе, находят вполне конкретные исторические приложения.

Царская власть в двух великих ближневосточных обществах (Египет и Шумер) отнюдь не была достижением их высокодифференцированных и, соответственно, интегрированных стадий развития в эпоху общенациональных государств. Строго говоря, у нас нет никакой уверенности, что царская власть была органично связана со структурой общенациональных государств. Их систематические распады (как в Египте, так и в Шумере) показывают, что дело обстояло именно так. В самом деле, царская власть в указанных странах была органичным достижением локальных, а не общенациональных государств: она появилась в Нижнеегипетском царстве и в отдельных округах Шумера (где титулатура далеко не всегда была собственно царской, что в данном случае не существенно) и изначально не рассчитывалась на более крупные социальные образования. Тем не менее, общеегипетское и общешумерские государства использовали древние институты царской власти, рассчитанные на микросоциумы. Следовательно, египетские и шумерские макросоциумы использовали для своей интеграции госу-

дарственные институты, рожденные предшествующими им микросоциумами. Это, собственно, и означает, что социум использовал для интеграции своего нового дифференцированного состояния средства интеграции, рассчитанные на менее дифференцированное состояние. Как отмечалось выше, всякие более древние институты социальной интеграции были общепотребительными в своих малодифференцированных социумах. Именно это их свойство общепотребительности и позволяло им функционировать в более дифференцированных обществах, опередивших в развитии те условия, которые породили архетипы их интеграции (в данном случае, царскую власть).

Можно заметить, что средства интеграции, применяемые социумом, нередко бывали древнее того дифференцированного состояния, которое они были призваны интегрировать. Так, предметная форма цивилизации (город — средство коллективного непроизводительного потребления сакрального, административного, жилищного и фортификационного типа) было древнее опредмечивающегося сю общества разделенного труда (примеры см. гл. II, 2–3), а царская власть общенациональных государств Египта и Шумера была древнее этих социальных образований. Причина такого положения вещей заключалась в том, что архетипы, порожденные менее дифференцированным обществом, имели более выраженный интегративный характер, что объясняет их живучесть на более дифференцированной стадии социума.

Ранние историографы, проводя линию родства между современной себе царской властью и царственностью более древних эпох, не только отражали реальную социальную связь в истории, но и, ограничиваясь этой социальной связью, интегрировали осознание своей социальной реальности при помощи древнего архетипа. Если царственность (во всяком случае, централизованное правление) была органичным средством отражения целостности ло-

кального общества типа шумерских округ, то применительно к общенациональному государству это было далеко не так. Царственность общенационального государства (и Египта, и Шумера) не являлась ее порождением, а наследовалась им из прошлого (отдельная область навязывала свою царственность всей стране). Следовательно, отражение общенационального социума через призму царственности (типичный метод первых историографов) означало использование понятия прошлого менее дифференцированного состояния (отдельной округи или нома) для интеграции представлений о новом более дифференцированном состоянии общества (общенациональном). Здесь наблюдается, таким образом, типичная социальная связь в истории, перенесенная из сферы материальной жизни в сферу идеологии. Поскольку такая идеологическая направленность является типичной для ранней историографии, можно сделать вывод о ее генезисе. В генезисе историография, на наш взгляд, представляла собой использование средств, адекватных прошлому менее дифференцированному состоянию общества, для отражения его нового более дифференцированного состояния. Отсюда происходил шумерский тезис о том, что царственность, сошедшая с небес в раннединастическую эпоху (или "до потопа"), закономерно поступила в конце концов в распоряжение царства Шумера и Аккада. Проще сказать, шумерская историография отражала царство Шумера и Аккада так, словно это была округа, вроде Киша, а понятие царской власти, которая была там и там, служило средством мотивации такого отождествления. Реальные существенные отличия названных социальных образований при этом игнорировались (или не были известны историографам, что далеко не обязательно, см. выше).

Генезис другой более поздней формы исторического самосознания — философии истории — может быть свя-

зан с похожими социально-историческими условиями. Хронологически начала современной светской философии истории (см. выше) совпадают с концом первого этапа современного демографического взрыва в Западной Европе (XI — середина XVI в.). Это демографическое событие, по нашей гипотезе, послужило предпосылкой промышленной революции и очередного этапа общественного разделения труда, в результате которого западноевропейское общество претерпело значительную социальную дифференциацию. Начало этого процесса (появление наемных рабочих и буржуа в Италии) в общем синхронно появлению очень ранних начал философии истории, которые, следуя за распространением капиталистических отношений²³, последовательно проявляются в Италии, Франции, Англии и Германии. В этой связи возникает вопрос: почему дифференциация западноевропейского общества сопровождалась появлением новой западноевропейской формы осмысления истории?

Если мы сравним два последовательных состояния западноевропейского общества — позднефеодального и раннекапиталистического, то, при социально-философском взгляде на них, первым делом бросаются в глаза их различные формы социальной дифференциации, выражающиеся в измененной классовой структуре, в новых экономических отношениях между подразделениями труда, в новациях групповых интересов общественных групп и т.д. Наблюдая эти исторические новшества, социально-исторически ориентированный мыслитель интуитивно должен был чувствовать перемены в течение исторического процесса, произошедшие на рубеже феодализма и капитализма.

²³ См.: Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV - XVI вв. М., 1986. Т. 1. 622 с.; 1988. Т. 2, 632 с.; 1992. Т. 3. 679 с.

Наблюдатель этих исторических перемен вставал перед проблемой исторической преемственности феодального и буржуазного общества. Наряду с определенными внешними признаками такой преемственности (многочисленные пережитки феодализма) имелись не менее весомые признаки того, что между феодальным и буржуазным обществами существовал разрыв. Связь этих двух стадий развития общества совершенно не поддавалась описанию средствами традиционной военно-политической историографии.

В этой связи перед основателями философии истории стояла задача найти связь между старым малодифференцированным феодальным обществом и новым высокодифференцированным капиталистическим. С этой задачей они в полной мере, по-видимому, не справились, однако направление их поисков можно было бы предсказать. Два объекта разной степени дифференциации (феодализм и капитализм) на уровне явлений имеют между собой мало общего. Следовательно, их общие черты могут быть обнаружены лишь на уровне сущностей, сходство которых указывает на присутствие их закономерной связи в истории. Таким образом, первые философы истории в поисках общности своих объектов наблюдения (феодализма и капитализма) неизбежно должны были прийти к попыткам установления общенсторических закономерностей очень высокого уровня абстракции. Как известно, поиски стержневых закономерностей течения исторического процесса являются отличительной чертой философии истории, по крайней мере, начиная с Дж.Вико.

Философ истории, постулируя закономерную историческую связь двух обществ разной степени дифференциации, фактически отождествляет их сущности (это выражается в убеждении в существовании общенсторических закономерностей). Но отождествляя их сущности, он использует прежнее менее дифференцированное состояние

соцгума (в котором сущность всегда выражена явнее) для описания и понимания более дифференцированного состояния соцгума (в котором сущность теряется среди своих многообразных проявлений). Следовательно, теоретическая деятельность философа истории, абсолютно независимо от его субъективных намерений, в первую очередь идеологически отражает классическую социальную связь в истории. В этом отношении философы истории на новом уровне повторили путь первых историографов.

3. СТАНОВЛЕНИЕ НАУКИ

Апофеозом развития вторичной структуры раннецивилизационного общества стало возникновение научного сознания. При объяснении начал научного знания необходимо иметь в виду то обстоятельство, что сущности, лежащие в основе древнейших наук, судя по всему (и вопреки ожиданию), возникли независимо. Это видно, во-первых, из очень раннего сосуществования различных отраслей научного знания и, во-вторых, из невозможности построить генеалогическое древо дифференцирующихся наук: складывается впечатление, что они возникали бессистемно и зачастую вне видимой связи друг с другом. В этой связи представляется целесообразным предпослать обзору состояния раннего научного знания некоторые общеполософские соображения относительно генезиса отправных пунктов научного мировоззрения.

В основе функционирования всякого научного знания лежит способность открывать и предсказывать сущности. Сущности представляют собой устойчивые черты явлений и в этом отношении сближаются с понятием закономерности, отражающей устойчиво повторяющиеся связи вещей. Всякое явление обладает, помимо существенных черт, целым набором неповторимых случайных осо-

бенностей, которые количественно преобладают. На этом фоне существенные черты явлений теряются и фактически становятся эмпирически ненаблюдаемыми. Более того, характерные сущностные черты явлений могут встречаться в составе довольно разнородных явлений, что приводит к формированию представлений о сущностях весьма глубокого порядка, лежащих в основе широкого круга явлений и их отдельных свойств. Если различия между сущностями одной и той же глубины носят содержательный (качественный) характер, то различия сущностей разной глубины из одной предметной области носят преимущественно количественный характер при условии, что можно построить иерархическую систему этих сущностей.

Строго говоря, тезис о ненаблюдаемости сущностей является философской абстракцией, и проблема эмпирической ненаблюдаемости сущностей еще ждет конкретно-научного разрешения. Возможные поиски в этом направлении представляются нам следующими. Для понимания особенностей восприятия человеком действительности большое значение имеют приложения количественной теории информации К.Э.Шеннона, основы которой мы излагали выше (гл. I, 2). На наш взгляд, важнейшим выводом из этой теории является тот, из которого следует, что человек воспринимает как информативное только сообщение, содержащее новые сведения. Этот вывод с полным основанием можно использовать для объяснения проблематики наблюдения сущностей.

Между сущностями различного уровня из одной предметной области существуют главным образом количественные различия. Все более глубокие сущности имеют все меньшее представительство в явлениях все более широкого круга. Например, понятие вещественности представлено свойством осязаемости в массе объектов материального мира. Более частные понятия твердости, мягкости и т.п. богаче представлены в мире явлений, но уже в огра-

нических их областях. И так далее. Эта филляция сущностей отражена в известной обратной зависимости между объемом и содержанием понятий. Для нас же важно, что сущности разной степени глубины (объема) различаются количественно, и, следовательно, проблематику их наблюдаемости можно исследовать на примерах сущностей ограниченного объема и минимальной глубины. Предположим, что между этими сущностями и представляющими их явлениями никаких различий, кроме метафизических, нет. При этом допущении можно конкретизировать различные возможности наблюдения сущностей и явлений.

В составе явлений одного класса имеется ограниченный набор повторяющихся свойств, отражающих сущность, лежащую в основе данного предметного класса, а также неограниченный набор неповторимых случайных свойств, не имеющих прямого отношения к отражению рассматриваемой сущности. Единичный наблюдатель, подчиняющийся принципам теории информации, при регистрации явлений данного класса окажется в своеобразном положении. Существенные повторяющиеся черты явлений он зафиксирует как единичную констатацию, поскольку, по теории информации, группа повторяющихся сообщений, отражающих существенные черты явлений, может быть представлена только одним информативным сообщением. Их дубли, с точки зрения теории информации, не будут содержать информации, поскольку информативными являются только новые сведения. Напротив, многочисленные случайные проявления сущности наблюдатель каждый раз регистрирует как отдельные самостоятельные информативные события именно потому, что они неповторимы (и, следовательно, не отражают сущности). В итоге наблюдатель получит длинную серию регистраций явлений данного класса, но лишь одна из этой серии регистрация будет непосред-

ственно отражать сущность этих явлений. В результате существенная регистрация (отражающая сущность) совершенно потонет в массе неповторимых регистраций, которые не будут отражать сущность. В приведенном примере совершенно очевидно, что, в силу особенностей теории информации, сущность явлений данного класса окажется практически ненаблюдаемой, причем причины этого обстоятельства будут носить не абстрактно метафизический, а конкретно научный характер.

Эти информационные трудности наблюдения сущностей имели место в древности и продолжают существовать и сейчас, только в современной науке и философии появились методы, позволяющие обходить информационные ограничения наблюдений сущности. Однако из истории философии и науки определенно известно, что эти методы сложились уже на стадии формирования довольно развитого теоретического знания (греческие философия, математика, астрономия, география, физика и др.). Следовательно, первые сущности ранних наук, по-видимому, возникли стихийно, в отсутствие целенаправленной методологии своего обнаружения. В этой связи возникает закономерный вопрос: каким образом социум обошел информационные трудности обнаружения сущностей и выявил тот начальный их набор, который стал основой функционирования ранней системы научного знания. Для ответа на этот вопрос нам придется вспомнить несколько неожиданное обстоятельство, а именно: демографическое состояние, достигнутое ранней цивилизацией.

Ранние цивилизованные общества вплотную приблизились к "демографическому рубикону", предполагающему десятипятитысячное население локального социума. Поведение членов такого демографически значительного социума, как отмечалось выше (гл. II, 2), начало подчиняться действию статистического закона больших чисел.

Если первобытные общины были малопредсказуемыми статистическими объектами, то цивилизованный социум, подчинившись закону больших чисел, фактически стал следовать динамическим закономерностям. Динамические закономерности предполагают полную предсказуемость поведения подчиняющихся им объектов. Напротив, статистические закономерности дают лишь вероятность типичных линий поведения отвечающих им совокупностей объектов. Когда совокупность объектов начинает подчиняться действию закона больших чисел, все варианты ее вероятных линий поведения становятся практически однозначно предсказуемыми. Хотя, строго говоря, поведение таких крупных совокупностей объектов по-прежнему отвечает статистическим закономерностям, в том числе закону больших чисел, фактическое отличие этого статистического поведения от поведения, описываемого динамическими закономерностями, становится несущественным. Учитывая эти оговорки, можно в известном смысле утверждать, что десяти тысячный цивилизованный социум стал практически динамическим объектом, чем начал радикально отличаться от любых малочисленных первобытных сообществ, являющихся целиком статистическими объектами.

Десяти тысячный цивилизованный социум приобрел ряд свойств, имеющих прямое отношение к его способности выявлять и предсказывать сущности. В условиях действия закона больших чисел становилось предсказуемым не только поведение членов цивилизованного общества, но и характер информации, находящейся в их распоряжении. Цивилизованный социум превратился в своего рода "живой компьютер", и принципы его действия в общем виде выглядят так.

При наблюдении некоего класса явлений единичный наблюдатель имеет большое число шансов получить информацию об их несущественных случайных чертах и

лишь один шанс непосредственно отразить лежащую в основе этих явлений сущность. Эта зависимость несколько необычна для здравого смысла, поскольку на соответствующем ему уровне рассуждений кажется, что как раз основу регистраций наблюдателя в нашем случае должны составить наблюдения сущности, поскольку они, в отличие от регистраций случайных черт явлений, повторяются. Действительно, все это так. Однако повторяющиеся регистрации сущности сливаются для наблюдателя в единое регистрационное событие (как следует из теории информации, см. выше), в то время как регистрации случайных черт явления остаются независимыми и количественно полностью подавляют регистрацию сущности, в результате чего наблюдатель попросту воспринимает ее как самую рядовую. Подчеркнем, что мы обсуждаем поведение наблюдателя, лишенного классических методик выявления сущностей, т.е. наблюдателя, отвечающего самому начальному состоянию науки.

Если мы перейдем от случая с единичным наблюдателем к случаю с двумя или более наблюдателями, регистрирующими одну и ту же предметную область, мы обнаружим, что судьба регистрации сущностей начинает изменяться. В арсенале множественных наблюдателей по-прежнему будет много неповторимых случайных регистраций явлений, но одновременно и серия идентичных регистраций сущности. Общая информация этих множественных наблюдателей распадется на пласт анархических случайных сведений и серию идентичных наблюдений сущности.

Если перейти теперь к информационно-связанному социуму, перешагнувшему "демографический рубикон", и представить этот социум как вариант множественного коллективного наблюдателя, то обнаружится следующая картина наблюдения этим социумом какой-либо предметной области. Часть наблюдений этой области составят

регистрации неповторимых и непредсказуемых случайных черт явлений, а другую часть составит практически однозначно предсказуемая серия идентичных регистраций сущности, лежащей в основе этих явлений. Иными словами, в этом мысленном эксперименте мы пришли к демографически крупному социуму, подчиняющемся закону больших чисел, а потому получающему предсказуемые идентичные наблюдения сущности (если социум повторит опыт наблюдений, он получит статистически тот же результат). Таким образом, мы пришли к социуму, способному выявлять и предсказывать сущности, и эта его особенность связана со статистическими свойствами социума, обусловленными его подчинением действию закона больших чисел. Конечно, этот мысленный эксперимент надо принимать условно. Однако, информационно связанный цивилизованный социум, стихийно наблюдающий действительность, вполне мог время от времени стихийно выявлять в ней сущности и даже предсказывать их.

Мы предполагаем, что раннецивилизированный социум, приблизившись к "демографическому рубикону", действительно уподобился "живому компьютеру", способному накапливать информацию о сущностях, выражающих определенные позитивные знания о природе и обществе. Дальнейшая судьба этих сущностей зависела уже от средств хранения информации, которые в раннецивилизированном обществе уже существовали (письменность). Знания, получаемые социумом таким автоматическим путем, должны были отражать все сферы действительности, знакомые социуму. При этом сама система знаний представляла собой конгломерат, во многом независимо полученных сведений, а сами сведения носили отчасти прагматический, но нередко и непрагматический характер. Именно такой и была система ранних научных знаний в Египте и Месопотамии (см. далее). Наиболее вероятной формой фиксации полученных таким образом знаний

должны были быть списки выявленных сущностей, и именно в такой форме мы находим научные письменные памятники в Месопотамии. Автоматически накапливающий знания социум действовал без идеологических ограничений, что обусловило светский характер множества зарегистрированных им сущностей. Их, в соответствии с современными представлениями, относят к собственно научным. Однако в раннецивилизированном обществе не проводилось четкого разграничения между светским и религиозным знанием, и в стандартные месопотамские списки сущностей вносились, наряду со светскими, религиозные и гадательные (связанные с гаданием) сущности. Последние в действительности имели не метафизическую, а социальную природу, так что их эмпирический генезис вполне представим.

Как можно видеть, появление научных знаний в раннецивилизированном обществе вполне объяснимо. При этом следует помнить, что упрощенно материалистическое, прагматическое объяснение генезиса раннецивилизированной науки совершенно не отвечает ее известному состоянию, во многом отнюдь не прагматическому. В частности, упрощенно материалистическая концепция генезиса наук предполагает, очевидно, что первыми формами наук должны были оказаться сельскохозяйственные науки, технические области знаний, связанные с ремеслом, зодчеством, горным делом, навигацией и т.д. В действительности в шумеро-египетских корпусах научных знаний эти сферы представлены более чем скромно, и складывается вполне определенное впечатление, что ранние науки во многом, но, конечно, не всегда, были оторваны от практики. Это обстоятельство легко объясняется нашей гипотезой генезиса науки как следствия автоматической деятельности социума по фиксации сущностей без различения прагматических и непрагматических их источников. Генезис науки, по нашей гипотезе, был, конечно, след-

ствием вполне материальной деятельности социума, но эта деятельность была достаточно далека от ее пассивно прагматического понимания. Собственно прагматические знания существовали в раннецивилизированном обществе так же, как они существовали в первобытном обществе и как они имеются, по существу, и у животных. Однако эти прагматические навыки общения с действительностью явно не были первоисточником своеобразной ранней науки.

Генезис ранней науки был, в конечном счете, следствием мезолит-неолитического демографического взрыва, породившего "живой компьютер" ранней цивилизации. По аналогичным же причинам первый этап современного демографического взрыва (XI — середина XVI в.) вызвал в Западной Европе научную революцию Нового времени, на деталях которой мы не можем здесь останавливаться.

В открытии архетипа сущности вещей участвовал, конечно, не социум в целом (как мы постулировали для простоты изложения выше). Реальность его открытия была, видимо, сложнее. В рассмотренной выше схеме эвристической деятельности социума — "живого компьютера" общество представлено нами как бесструктурный демографический конгломерат, которого в действительности никогда не существовало. Члены этого абстрактного социума в равной мере должны бы были заниматься сельским хозяйством, ремеслом, торговлей и умственным трудом. Такой социум действительно открывал бы сущности согласно вышеописанной схеме. В действительности цивилизованное общество было разделено на профессиональные группы с соответствующей специализацией деятельности. Умственный труд стал достоянием соответствующего подразделения труда, и есть все основания считать, что в этом подразделении умственный труд был концентрированно представлен в той пропорции, которая

была бы свойственна социуму в целом, не будь он разделен на профессиональные группы. Это вытекает из того обстоятельства, что объем умственного труда общества пропорционален уровню производительности труда социума и объему высвобождаемого благодаря этому уровню нерабочего времени. Часть этого общесоциального нерабочего времени могла быть употреблена обществом для стихийной эвристической деятельности по отысканию сущностей сообразно нашей вышеприведенной схеме рассуждений. В действительности эта часть нерабочего времени, по-видимому, полностью стала достоянием подразделения умственного труда, члены которого были освобождены от материально-производственных забот. Тем самым все статистические эвристические свойства социума были делегированы им в подразделение умственного труда, которое стало полноценным представительством эвристических свойств социума, приблизившегося к "демографическому рубикону". Абстрактный десяти тысячный социум мог бы открыть какую-нибудь сущность в результате одноактного наблюдения (разумеется, мы говорим условно). Подразделение умственного труда могло справиться с той же задачей в результате многократных наблюдений одной и той же предметной области (может быть, разными поколениями наблюдателей). Как представляется, открытие математических сущностей в Шумере и Египте произошло именно таким путем. Количественная статистическая сторона специализированной эвристической деятельности мало известна. Поэтому мы ограничимся предположением, что подразделения умственного труда раннецивилизированных обществ способны были имитировать статистическую эвристическую деятельность десяти тысячного социума. В частности, составляя изо дня в день и из поколения в поколение количественные хозяйственные таблички и наследуя в письменной форме результаты и методы своих расчетов,

шумерские (и, вероятно, египетские) писцы вполне могли получить статистический материал, эквивалентный эвристическому опыту десятитысячного социума. Открытие первых научных сущностей опиралось, таким образом, на специализированный умственный труд и письменную форму наследования его результатов, эквивалентных статистическому эвристическому опыту десятитысячного социума наших вышеприведенных схематических рассуждений.

Первые научные сущности раннецивилизированного общества охватили многие основные области знания, которые существуют и поныне: математика, астрономия, география, филология, право, история, медицина, зоология, ботаника, минералогия, химия (см. далее). Генетическая связь предметных областей соответствующих наук маловероятна. Независимость этих первонаук показывает, что в их институционализации не было централизованного начала. Вероятно, статистически действующее подразделение умственного труда непреднамеренно обнаружило серию сущностей, попавших в сферу ее опыта областей. Это обстоятельство объясняет отсутствие в списке первонаук сельскохозяйственных и технических дисциплин. Научкам первого поколения отвечали сущности элементарного уровня глубины. Наиболее ранние системы знаний представлены в египетской и шумеро-аккадской письменных традициях²⁴. Ведущую дисциплину этих систем знания составляла математика, начала которой относятся в Шумере к позднеурукской эпохе

²⁴ См.: Дьяконов И.М. Научные представления на древнем Востоке (Шумер, Вавилония, Передняя Азия) // Очерки истории естественных наук в древности. М., 1982. С. 59-119; Королюков М.А. Наука древнего Египта // Там же. С. 120-130; История древнего Востока. Ч. 1. С. 310-311; Кликс Ф. Пробуждающееся мышление: У истоков человеческого интеллекта. М., 1983. С. 211-236; Оппенгейм А. Древняя Месопотамия: Портрет погибшей цивилизации. 2-е изд., исправ. и доп. М., 1990. С. 229-265.

(3520/2815 ¹⁴С до н.э.), а в Египте, по крайней мере, к нулевой династии (3390–3160/2700–2500 ¹⁴С до н.э.)²⁵. Более того, научные знания Месопотамии известны главным образом по учебным спискам, изучавшимся в светских школах (э-дуба), и образцы подобных списков известны уже в позднеурукский период, когда письменность была еще иероглифической. Возможно, что отдаленные прототипы обучения, принятого в светской школе (э-дуба), относятся еще к додинастической позднеурукской эпохе, однако расцвет этой школы приходится на эпоху I династии Исина (2017–1794/3 до н.э.) и династии Ларсы (2025–1763 до н.э.), а закат — ко времени разрушения Ниппура, Ларсы, Урука и Ура царем из I династии Вавилона Самсуилуной (1739 до н.э.).

Памятники, связанные со школой э-дуба и синхронные ей, показывают существование в Месопотамии системы знаний шумеро-аккадской традиции примерно следующего состава. Имелась группа наук, пронизанных количественными методами: математика, алгебра, теория числа, геометрия, планиметрия, стереометрия, метрология, землемерие, география, хозяйственное делопроизводство, агротехника, а также астрономия, хронология, календарь. Хорошо были развиты гуманитарные дисциплины: филология, языкознание, грамматика, иностранные языки, профессиональные языки, литературоведение, дидактика, музыкальная культура, право, начала истории. Скрамнее представлены естественнонаучные дисциплины: медицина, зоология, ботаника, минералогия, химия. Технологические науки, связанные с ремеслом и зодчеством, не представлены вообще, от агротехники дошло одно стихотворное пособие на шумерском, от химии — медицинские рецепты, от технологии — рецепты изготовления цветной эмали и цветного стекла

²⁵ См.: Вайман А.А. Указ. соч.; История древнего Востока. Ч. II. С. 308.

(изобретенного хурритами в XVIII в. до н.э.), от зоологии, ботаники и минералогии — отдельные списки терминов.

Как можно видеть, месопотамская система знаний не могла иметь технологического происхождения и, судя по ее специфике, зародилась в подразделении умственного труда. Шумеро-аккадские науки по большей части были элементарны и далеки от наук Нового времени, хотя в области математики их носители дошли до квадратных уравнений алгебраического свойства (но без алгебраической символики). Однако тенденция к систематизации знаний была выражена в Месопотамии определенно. Перечисленные науки имели двойное назначение: одни обслуживали в основном внутренние нужды грамотных администраторов ("филологические науки"), другие — их внешние функции по организации некоторых областей общественной жизнедеятельности (хозяйственные приложения математики, право): арифметика была связана с хозяйственным учетом, геометрия — с рытьем каналов и бассейнов, вычислением объемов зернохранилищ, строительством дамб и стен. Между тем даже в прикладных науках имелись важные составляющие, не находящие никаких мыслимых приложений в месопотамской реальности шумеро-аккадского времени (например, квадратные уравнения).

Первая шумеро-аккадская система знания отличалась уже известной дифференцированностью, отражающей наличие 10–11 отраслей знания и еще большего количества их частных дисциплин. Между тем цивилизованное общество, как мы неоднократно подчеркивали, представляло собой социальный организм, тотально стремящийся интегрировать всяческие специализированные проявления своей жизнедеятельности. В сфере светской науки социум двойно нейтрализовал ее начавшуюся дифференциацию. Во-первых, педагогический курс светской школы (э-дуба) представлял собой формальную целостность. Во-вторых,

сам способ наследования научных знаний с самого начала был организован на социально-интегративных началах.

Шумеро-аккадская светская школа (э-дуба) представляется отдаленным прототипом общеобразовательной школы Нового времени. Соответствующие им образовательные системы при многочисленных внешних отличиях обнаруживают и существенные общие черты. Назначение современной общеобразовательной школы на уровне обыденного сознания кажется совершенно очевидным: школа призвана снабжать новые поколения необходимыми элементарными началами знаний, свойственных современному социуму. Реальность такой функции передачи элементов научной традиции от поколения к поколению, конечно, не вызывает сомнений. Однако эффективность такой передачи, бесспорно, была бы оптимальнее, если бы начальные школы были узко специализированы. Это очевидное соображение обычно совершенно не осознается. Между тем из него определенно вытекает, что современная начальная школа как транслятор научной традиции во времени по самим основам своей организации является совершенно неэффективным учреждением, если полагать, что его единственной задачей действительно выступает трансляция начал научной традиции общества. Явное противоречие между предположительным назначением начальной школы и методами его реализации показывает, что у общеобразовательной школы, наряду с ее внешней известной функцией, имеется и некая глубинная функция, невидимая для обыденного наблюдателя.

С социально-философской точки зрения, специфику генерализованной программы общеобразовательной школы можно объяснить, исходя из предположения, что начальная школа издавна сочетала очевидную функцию передачи научных знаний с неявной функцией их интеграции. В самом деле, умоглядно более эффективной

формой передачи научных знаний представляется ее специализированный вариант, свойственный высшей школе. Если бы образование преследовало только цель эффективной передачи знаний, то следовало бы ожидать, что зарождающаяся начальная школа сразу выступила бы в специализированном варианте вроде современной высшей школы. С самого начала ученики могли бы усваивать специализированную терминологию частных наук и основной корпус связанной с ними информации. В действительности организация начальной школы пошла по неэффективному общеобразовательному пути, причем, как нам известно из современного положения вещей, ряд общеобразовательных предметов, преподаваемых ученикам начальной школы, зачастую оказывается невостребованным ими в их дальнейшей деятельности в науке или практической жизни. Этот парадокс можно объяснить из упомянутой версии, согласно которой школа, воспитывая учеников, одновременно преследовала цель не допустить необратимой дифференциации наук. В этом своем качестве начальная школа выступала как учреждение, типичное для цивилизованного общества, стремящегося всячески нейтрализовать все проявления дифференциации своей материальной и духовной жизнедеятельности.

Шумеро-аккадская светская школа (и, вероятно, аналогичные древнеегипетские учреждения) обнаруживает все признаки общеобразовательного характера преподавания²⁶, мыслимого для своей эпохи. Системе знаний этой школы свойственны известные градации, однако основной корпус существующей информации получали все ученики. Таким способом разнородная совокупность месопотамских знаний сохраняла целостное состояние. Подобный способ интеграции наук стал свойственен цивилизации во все времена. Организация наук при помощи

²⁶ См.: Дьяконов И. М. Указ. соч. С. 61–76; Кьера Э. Они писали на глине: Рассказывают вавилонские таблички. М., 1984. С. 87–93.

пропедевтических учреждений использовала способы интеграции, внешние самим наукам. Однако на поздних стадиях существования египетской и месопотамской науки цивилизованный древний мир породил средство интеграции знаний, внутренне присущее им самим.

Такими имманентными научному знанию средствами его интеграции должны были стать сущности более глубокого порядка, чем сущности частных наук. Более глубокие сущности, предполагая сущности конкретных наук как свой частный случай, могли послужить оптимальным вариантом интеграции научного знания. Иными словами, на первой стадии развития научного знания формировались более или менее обобщенные отражения предметов и областей известных на этой стадии конкретных наук. На следующей стадии сущности конкретных наук, а также всякие иные сущности, открытые социумом и отражающие произвольные сферы материальной и духовной жизни общества, образовали идеальную предметную область, сущность которой стала основой новой когнитивной дисциплины, отвечающей ранней философии.

В Египте и Месопотамии наука ранней цивилизации без существенных качественных изменений просуществовала до эллинистической эпохи (династии Птолемеев, 305–31 до н.э., и Селевкидов, 311–64 до н.э.), и оригинальная философия в античном понимании там не возникла. Ее зарождение связано с периферией древнего мира ближневосточных цивилизаций: с греческой Малой Азией (Иония, Милет: Фалес, 625–547 до н.э., Анаксимандр, 610–540, Анаксимен, 586–528/25, Гекатей Милетский, ок. 520/516; Самос: Пифагор, ок. 537; Колофон: Ксенофан, 570 — после 478; Эфес: Гераклит, 520–460; и др.; прочие греческие философы были учениками, идейными наследниками и или профессиональными последователями ионийцев).

Характерной чертой ранней греческой философии Малой Азии было открытие материальной сущности, со-

ставляющей единство всех мыслимых предметных областей материального мира (вода, воздух и апейрон Милетской школы и огонь Гераклита). Имелось также весьма абстрактное открытие еще одной сущности сущностей, а именно: общего закона, лежащего в основе всех без исключения закономерностей действительности (логос Гераклита). Сходную проблематику Пифагор (или его школа) решал количественным методом, возведенным в абсолют (сущность сущностей — число, а закон законов — количественные отношения).

Генезис греческой философии открыл существование сущностей второго теоретического порядка (например, бытие Парменида и его прототипа в ионийской философии). Попав в поле зрения деятелей умственного труда, теоретические сущности изменили структуру научного мышления, породив в конкретных науках математического характера представления о теоретических методах познания и соответствующих дедуктивных доказательствах научных положений. В Египте и Месопотамии математическое знание оставалось исключительно на эмпирическом индуктивном уровне. Генезис дедуктивного метода научного мышления невозможно вывести из практики эмпирических наук, поскольку он предполагает умение оперировать сущностями разного порядка, открытого в рамках философии. Эвристический путь к этому методу, таким образом, предполагает философский уровень как промежуточное звено. В эмпирических науках индуктивным путем формируются представления о сущностях первого эмпирического порядка (ближневосточная математика и грамматика). Затем тем же индуктивным методом частные эмпирические сущности обобщаются в представлениях о сущностях неэмпирического всеобщего характера (ионийская философия в широком смысле слова, включая и пифагорейство). Затем появляется возможность выводить дедуктивным путем эмпирические сущности из

сущностей всеобщего, т.е. теоретического характера. Возникший таким способом дедуктивный метод имел явно философское происхождение, что доказывается феноменами пифагорейской математики (например, дедуктивный метод доказательства теоремы Пифагора) и аристотелевской физики. Нельзя, конечно, упрощенно утверждать, что геометрия Эвклида (III в. до н.э.) явилась прямым применением пифагорейской философии, однако дедуктивные методы Эвклида (аксиоматика) имела архетипом философские дедуктивные методы выведения всех вещей из их единичных и даже единственных начал.

Объективно античная философия создала понятийный каркас, отражающий сущности разной степени глубины и способные служить интегративным началом для всех мыслимых наук ранней цивилизации. В рамках этого каркаса греческие науки приобрели классическую форму и просуществовали без революционных изменений до Нового времени. Более ранние ближневосточные науки в рамках своих средств интеграции также существовали долго без революционных изменений. Эти факты застойного существования знания могут объясняться тем, что средства социальной и духовной интеграции по своей природе имели консервативные свойства, допускающие дифференциацию и развитие наук только до определенного ограниченного предела. Расконсервация аристотелевской науки произошла только в Новое время в связи с современным демографическим взрывом, промышленной революцией, дифференциацией западноевропейского общества и усвоением западноевропейским социумом новых статистических эвристических свойств. Нам представляется, что объективные данные из духовной истории раннецивилизированного общества показывают, что его духовное развитие нельзя рассматривать как результат самодвижения духа, поскольку оно тесным образом зависело от действующих в обществе материальных закономерностей

демографического и структурного свойства. По этой же причине факты стабилизации сперва ближневосточного, а затем античного общества нельзя рассматривать как проявление собственно духовного застоя. На деле все выглядело несколько иначе.

Раннецивилизированное ближневосточное общество, благодаря своему демографическому и структурно-дифференцированному состоянию, приобрело объективные свойства открывать сущности и сделало заметный рывок от идеологического уровня первобытного общества, создав раннюю систему научного знания на базе эмпирических сущностей. В дальнейшем демографические и структурные свойства Египта и Месопотамии радикально не менялись. Соответственно не менялись и статистические эвристические свойства этих обществ. В результате их научное состояние также не претерпевало радикальных перемен, оставаясь законсервированным в рамках тех средств интеграции науки, которые были найдены еще на заре египетской и месопотамской цивилизации. Дифференциация наук оставалась в рамках этих средств потому, что способных их разрушить перемен в эвристических свойствах ближневосточного общества не происходило: не было радикальных перемен демографии и социологии общества.

В отличие от Египта и Шумера научная история греческой Малой Азии классической эпохи начиналась не с нуля. Общество этой периферии ближневосточного мира располагало представлением о первичных эмпирических сущностях египетско-месопотамской традиции, а потому греческий социум в своей статистической эвристической деятельности мог использовать первичные сущности как исходный материал обобщений, что привело его к открытию сущностей более глубокого порядка, составивших основу философского теоретико-научного и дедуктивного знания, неизвестного на Ближнем Востоке. Эти открытия

были следствием демографических и социальных процессов становления постмикенской греческой цивилизации, которая не была прямым продолжением микенской цивилизации. С образованием классической цивилизации греков демографическое и социальное состояние их общества в дальнейшем не испытывало радикальных перемен, чем можно объяснить и существенную длительную стабилизацию древнегреческой науки после обретения ею своих классических черт в III в. до н.э. Таким образом, в VI—III в. до н.э. были в основном реализованы и исчерпаны статистические эвристические свойства греческого социума, а наступивший вслед за этим видимый духовный застой античного общества был всего лишь следствием относительной социально-демографической стабильности. Как только греческое наследие попало в условия современного демографического взрыва, на его базе произошла современная научная революция, начавшаяся с реставрацией Коперником старой гелиоцентрической идеи Аристарха Самосского (320—250 до н.э.).

Заключение

В своем исследовании мы предприняли попытку выявить некоторые социально-философские закономерности исторического процесса, способные объяснить то поступательное развитие древнего общества, которое привело его к цивилизованному образу жизни. История первобытного общества известна нам главным образом из археологических источников, которые рисуют определенную картину распространения популяций предков человека, а также смены их каменных индустрий.

Основная закономерность смены археологических культур состоит в том, что каждая новая культура длится менее, чем ее предшественница, и быстрее сменяется очередной культурой, которая в свою очередь имеет еще более короткую длительность. Это своеобразное ускорение исторического процесса отметил Б.Ф.Поршнев¹, однако никаких выводов, приемлемых для нашего исследования, указанный автор не сделал. Современные представления о смене и существовании археологических культур отличаются от тех, что были известны Б.Ф.Поршневу, однако в целом его наблюдения остаются в силе. Если отвлечься от фактов сосуществования различных культур и рассматривать их последовательность стадияльно, т.е. от начала одной культуры, до начала другой, обнаружится следующая картина. Доашельские индустрии, возникшие около 2,63 млн. лет назад, существовали до начала ашеля (1,4 млн. лет назад) в течение 1,23 млн. лет, ашель до начала мустье (ок. 310000 лет назад) — 1,09 млн. лет, мустье до начала ориньяка (50000 лет назад) — 0,26 млн. лет, а ориньяк, закончившийся с.к. 21500 лет назад, — 28500 лет. Иными словами, если доашель и ашель длились примерно

¹ См.: Поршнев Б.Ф. О начале человеческой истории: (Проблемы палеопсихологии). М., 1974. С. 26–37.

одинаково, то стадияльная продолжительность мустье была уже вчетверо меньше, а длительность ориньяка — в девять раз меньше стадияльной продолжительности мустье.

Смена археологических культур сопровождалась повышением степени сложности технологии изготовления соответствующих им каменных орудий. Таким образом, усложнение технологий, свойственных представителям биологического рода "человек" (ашель, мустье, ориньяк), происходило с очевидным ускорением, экспоненциально (но не в точном математическом смысле слова). Кроме "экспоненциального" развития первобытных технологий, в первобытной истории известен лишь один материальный процесс, развивающийся с определенным ускорением, — демографический рост человечества. Сравнение этих двух процессов заставляет предполагать их корреляцию во времени. Это предположение подтверждается следующими наблюдениями. Возникновение человека прямоходящего (1,6 млн. лет назад) сопровождалось его стремительным распространением из Африки в Евразию (от Хорватии до Индонезии), что позволяет предполагать древнейший демографический взрыв в африканских популяциях данного гоминида. Этот демографический взрыв произошел накануне появления в Африке ашельской технологии. Возникновение ориньякской культуры, в свою очередь, было связано с первым в истории современного человека верхнепалеолитическим демографическим взрывом. Наконец, две крупнейшие технологические революции — неолитическая и промышленная — произошли непосредственно вслед за началом неолитического и современного демографических взрывов. Таким образом, факты показывают, что изменения степени сложности человеческих технологий в истории являлись хронологическими следствиями изменений демографического состояния человечества.

Используя выводы из количественной теории информации К.Э.Шеннона, мы попытались показать, что оптимальным способом наследования технологии во времени является количественное соответствие степени сложности технологии по отношению к численности практикующего ее человеческого коллектива. Отсюда следует, что изменения демографического состояния человеческих коллективов должны были сопровождаться изменениями степени сложности практикуемой ими технологии. Тем самым корреляция резких усложнений технологии с демографическими взрывами получает объяснение.

Происхождение количественной зависимости между демографическим состоянием наших предков и сложностью их технологий мы связали с обстоятельствами возникновения последних. По косвенным данным, как и современный человек, наши гоминидные предки обладали высоким уровнем удельного метаболизма (обмена веществ в течение жизни). Это биологическое обстоятельство создавало трудности для долговременного поддержания гоминидами своего экологического равновесия с экосредой (поскольку гоминиды слабо участвовали в популяционных волнах), в силу чего гоминиды нуждались в определенных средствах демографического самоконтроля. Если первые орудия появились у гоминид в охотничьих целях (возможны и другие предположения), то возникновение стабильных технологических традиций изготовления этих орудий мы объясняем как средство демографического контроля популяций гоминид. Такое объяснение подтверждает то обстоятельство, что все безорудийные гоминиды (с растительноядной экологией) бесследно вымерли, очевидно, не вписавшись в рамки долговременного экологического баланса со средой.

Между тем, биологический демографический процесс в популяциях предков человека продолжался, и время от времени их численность возрастала. С этими событиями

мы связываем периодические изменения степени сложности технологий, свойственных нашим предкам. Предполагаемая нами демографо-технологическая зависимость позволяет объяснить наблюдавшиеся в истории смены населения первобытного мира. Человек прямоходящий произошел от австралопитека ("человека") умелого, который в конце своего существования был носителем технологии типичного олдовая (культура без бифасов — двусторонне обработанных орудий). Человек прямоходящий стал носителем развитого олдовая А и древнего апеля (последняя культура с бифасами). Эти культуры были технологически сложнее предшествующих, что свидетельствует о том, что человек прямоходящий имел несколько большие плотности населения, чем австралопитек умелый. О том же говорит и упоминавшийся демографический взрыв раннего человека прямоходящего. Оба гоминида были, предположительно, охотниками и, следовательно, занимали одну и ту же экологическую нишу, в которой между ними должна была возникнуть конкуренция. Однако человек прямоходящий имел более многочисленные популяции и более эффективную технологию, что может объяснить вытеснение им австралопитека умелого. Похожий случай произошел в начале верхнего палеолита, когда из Африки в Евразию пришел человек современного типа. Современное ему неандерталоидное население располагало менее сложными, чем верхнепалеолитические, индустриями и, следовательно, было малочисленное, чем носители верхнепалеолитических культур. Неандерталоиды и современные люди также занимали одну и ту же экологическую нишу, в которой конкурировали. В результате современный человек с его большей численностью (точнее, плотностью населения) и более эффективной технологией вытеснил своих неандерталоидных современников. Сходные события происходили и в неолитическо-халколитическую эпоху, когда ближневосточные синокав-

казцы, а затем и индосвропейцы распространялись по Европе, обладая большими плотностями населения и более сложной технологией производящего хозяйства, чем мезолитические аборигены. Последние были вытеснены или ассимилированы и лишь на западе Европы, по-видимому, перенесли производящее хозяйство, сохранив культурную преемственность с мезолитическим состоянием.

Австралопитек умелый был носителем, предположительно, охотничьих орудий. Следовательно, в экосреде он занимал эконишу, свойственную хищным животным, а относительная численность последних обычно впятеро уступает численности растительноядных млекопитающих аналогичных размеров. Таким образом, популяции австралопитека умелого, впятеро должны были уступать по численности популяциям растительноядных гоминид, contemporaneous ему австралопитеков африканских, массивных и бойсовых, что подтверждается тем обстоятельством, что палеоантропологические остатки этих существ встречаются гораздо чаще, чем остатки носителей орудий. Очень ограниченную численность австралопитека умелого контролировала его технология, а значит, его активное время было преимущественно занято различными формами жизнедеятельности, связанными с технологическим образом жизни. Тем самым технология стала выполнять в жизни этого гоминида две важные функции. Во-первых, технология ограничивала численность его сообществ и тем самым консолидировала их, в чем можно усмотреть самое раннее проявление становящейся социализации, т.е. зависимости сплоченности сообщества от технологического образа жизни. Во-вторых, технология обеспечивала этому гоминиду равновесие с экосредой, а в сообществах высших приматов, сбалансированных с экосредой, действует эволюционный закон Дж.Крука, согласно которому структура сообществ высших коллективных животных определяется биопродуктивностью экосреды. Это объяс-

няет присутствие у первобытных гоминид кровно-родственных отношений, аналогичных отношениям по продолжению рода у высших приматов (промискуитет и эндогамия, экзогамия, матрилинисность, патрилинисность с иерархической организацией). Тем самым кровно-родственные отношения гоминид попали в опосредующую зависимость от технологического образа жизни. Эта зависимость продолжалась вплоть до цивилизованной эпохи. Здесь можно видеть зарождение первичной социальной структуры.

Демографический рост, сопровождавшийся у наших предков усложнением технологии, предполагал повышение производительности их труда. Следовательно, часть активного времени у них высвобождалась от производственных нужд. В интересах поддержания экобаланса со средой это свободное время не должно было применяться производительным путем (охота, собирательство). С другой стороны, это свободное время не могло оставаться праздным, так как это угрожало социальной целостности сообществ гоминид. В результате самое раннее первобытное общество освоило средства социализации своего свободного времени непроизводительным путем: заполнение его формами общения непрагматического непроизводительного характера, которые образовали вторичную структуру общества. Нужда в последних впервые возникла у гоминид, ранее всего в истории испытавших демографический взрыв и усложнение технологии, т.е. у представителей человека прямоходящего. По ряду косвенных и прямых данных, у этого гоминида можно констатировать появление жестового, а затем и звукового языка, способного служить средством непроизводственного общения, признаков ритуального поведения, знаковой графики, арифметического счета, нравственных форм поведения, магии, лунного календаря, тотемизма, фетишизма и, возможно, анималистической мифологии. У неандертальцев

эти признаки вторичных общественных структур дополняются погребальным культом, анималистической скульптурой и гравюрой, музыкальной культурой и, возможно, анимизмом. Вторичные общественные структуры вызвали появление у наших предков соответствующих форм общественного сознания, еще лишенных признаков индивидуального самосознания, что объясняется социализирующим назначением сознания, которое в соответствии с данной функцией имело поначалу лишь общественный характер. Все указанные формы вторичных общественных структур отчетливо рассчитаны на производственные формы общения, а вовсе не на самосознательную индивидуальную рефлексию. В эпоху человека современного типа первобытные формы общественного сознания продолжали существование и получили яркое выражение в изобразительном искусстве франко-каптажрийских стилей Евразии. Анималистическое искусство местного стиля известно и в палеолите Африки (Аполло кэйв XI, Намибия, поздний каменный век, 28000 лет назад).

Таким образом, в первобытности были заложены основы исторического процесса, выражающиеся в зависимости между демографическим состоянием общества и степенью сложности практикуемой им технологии, в зависимости первичных общественных структур от технологического образа жизни и в зависимости вторичных общественных структур от наличия нерабочего времени, высвобождаемого благодаря росту эффективности технологии. По нашей гипотезе, дальнейшая реализация этих зависимостей в историческом процессе привела социум к цивилизованному состоянию.

Судя по лингвистическим и археологическим данным (см. гл. II, 1), в мезолитическое время ок. 15000 лет назад в Передней Азии начался демографический взрыв, который сопровождался распространением по Ближнему и Сред-

нему Востоку носителей синокавказских и нестратических языков. Этот демографический взрыв коррелировал с укрупнением переднеазиатских первобытных общин и, согласно нашим представлениям, пошел усложнение практикуемой ими технологии. Первобытное общество располагало лишь потребляющей формой хозяйства и соответствующими ему технологиями. Позднемезолитический ближневосточный демографический взрыв привел к такому усложнению этих технологий, которое отвечает производящему хозяйству. Начальная фаза этой неолитической технологической революции, датированная ок. 11700 лет назад по калиброванной шкале (рубеж плейстоцена и голоцена), была выражена более чем скромно: мезолитическая охотничье-собирательская технология в Леванте и Загросе усложнилась путем включения в свой состав элементов земледелия и скотоводства, доля которых в добыче пищи сильно уступала вкладу традиционных охотничье-собирательских промыслов. На протяжении докерамического неолита (11700–9130 лет назад, калиброванная календарная шкала) производящие формы хозяйства последовательно захватывали все большую часть производственной сферы, а в керамическом неолите (9130–7980) и халколите (7980–6370) стали господствующими.

В ближневосточных общинах с доминирующим сельским хозяйством стали появляться признаки разделения труда (пока еще преимущественно индивидуального). В некоторых общинах, наряду с земледелием и скотоводством, представлены ремесло (гончарное дело, ткачество, производство предметов роскоши, металлургия, хлебопечение и др.), межобщинная торговля (в том числе обслуживаемая протошумерским предметным письмом) и умственный труд (администрирование, культ). Появление производящего хозяйства в специальной литературе обычно рассматривается как результат удачных целена-

правленных изобретений. На наш взгляд, такой подход к проблеме не выдерживает критики. Во-первых, люди первобытного общества не обладали навыками индивидуального самосознания, а потому экстраполяция на их жизнедеятельность эвристических способностей современного человека неправомерна. Во-вторых, и это очень важно, зачатки производящего хозяйства встречаются и в первобытных обществах потребляющей экономики, однако не получают в этих обществах какого-либо институционализированного распространения. Так, элементы примитивнейшей агрокультуры имеются у австралийских аборигенов², а столь же примитивнейшие начала животноводства встречаются у южноамериканских индейцев; кроме того, некоторые признаки domestikации лошади отмечены в верхнем палеолите Франции³. Казалось бы, "изобретение" начал сельского хозяйства у австралийских аборигенов и индейцев должно было произвести перелом в их экономике. Однако ничего подобного не произошло (более того, австралийские аборигены выражали стойкое нежелание переходить к производящему хозяйству). Этот парадокс мы объясняем тем обстоятельством, что усвоение производящего хозяйства как акт усложнения технологии совершенно не соответствовало низкому демографическому состоянию сообществ австралийских и южноамериканских аборигенов (а также и верхнепалеолитических сообществ).

Соответственно, экспансию производящего хозяйства в неолите мы также не считаем целенаправленным изобретением. Строго говоря, увеличение удельного веса земледелия и скотоводства в хозяйстве неолитических общин надо рассматривать как следствие популяционного взрыва в среде domestikцированных животных и расте-

² См.: Берндт Р.М., Берндт К.Х. Мир первых австралийцев. М., 1981. С. 76.

³ См.: Линдبلاد Я. Человек — ты, я и первозданный. М., 1991. С. 28–32.

ний. Этот популяционный взрыв необходимо связать с ближневосточным мезолит–неолитическим демографическим взрывом. При переходе от финального мезолита к докерамическому неолиту Леванта в ближневосточных общинах имел место десятикратный рост численности населения (например, в Абу Хурейра, Сирия, поздний натиф, 12800 календарных лет назад, или 11150 ¹⁴C, 250±50 человек, специализированное охотничье-собираческое хозяйство; докерамический неолит В, 10740–9130 календарных лет назад, или 9350–7950 ¹⁴C, 2500±500 человек, специализированная охота, начальное сельское хозяйство). В раннем керамическом неолите протогорода Чатал–Хююк (Конья, Турция, 9420–8440 календарных лет назад, или 8200–7350 ¹⁴C, ирригационное сельское хозяйство, охота) население составляло уже 4000±2000 человек (Чатал–Хююк является демографическим лидером всех доцивилизованных обществ). По–видимому, по мере своего демографического роста ранне–неолитический социум был вынужден пропорционально дополнять естественные источники пищи искусственными источниками, связанными с одомашнированными организмами, что вызвало в их среде популяционный взрыв, пропорциональный неолитическому демографическому взрыву. Таким образом сформировалась сложная технология производящего хозяйства, закономерно соответствующая демографическому состоянию практикующего ее социума.

Пропорционально усложнению технологии производящего общества росла общая эффективность добычи этим обществом пищи. В результате у его членов высвобождалось активное время, которое, в соответствии с демографическими нуждами усложнения технологии, было использовано для развития непищевых сфер производства и распределения: ремесла и межобщинного обмена, о которых уже упоминалось. Прогрессировала и сфера вторичных общественных структур. В неолитическом соци-

уме, таким образом, созрели предпосылки общественного разделения труда. Однако признаков существования институционализированных профессиональных групп в неолите не найдено (если не считать служителей культа Чатал-Хююка и западноевропейского мегалитического общества, появление которых указывает начало действительного разделения труда, однако нет свидетельств, что эти ранние жрецы осуществляли хозяйственные социально-регулятивные функции, и нет свидетельств соответствующего общественного разделения труда). Таким образом, неолитическое разделение труда еще не вышло за пределы индивидуального, которое свойственно первобытному обществу.

Возникновение профессиональных групп и общественного разделения труда как очередного усложнения общественной технологии мы связываем с достижением ближневосточными обществами "демографического рубежа", т.е. примерно десяти тысячной численности. Мы объясняем это следующим образом. Население первобытных общин не превышало 5000 человек, а обычно было меньше в неолите и гораздо меньше в мезолите и палеолите (от 35 ± 15 у человека прямоходящего до 250 ± 50 у позднемезолитического человека и 2500 ± 500 у неолитического). Малочисленный социум не подчиняется действию статистического закона больших чисел, а потому поведение его членов, если отвлечься от социальных структур, было случайным и непредсказуемым. Чтобы преодолеть этот дезинтегративный недостаток социум освоил однородную первобытную общественную структуру, подчиняющую поведение его членов общим стереотипным нормам. Такое общество не может допустить своей дифференциации на профессиональные группы, заведомо не подчиняющиеся общесоциальным стереотипам поведения, поскольку каждая профессиональная группа всегда имеет свой сложный специфический стереотип. Когда социум

достигает примерно десяти тысячной численности населения, случайное поведение его членов начинает подчиняться действию закона больших чисел и становится практически полностью предсказуемым. Для единообразной регуляции жизнедеятельности такого общества однородная структура становится не нужна, и десяти тысячный социум может разделиться на профессиональные группы без ущерба для общей стереотипности своего поведения. Таким образом, тенденция к профессиональной специализации общества производящей экономики, появившаяся в неолите, в социумах достигших "демографического рубикона" получает возможность реализации на уровне общественного разделения труда. Матеральной движущей силой этого процесса является то обстоятельство, что профессионально специализированное общество становится более эффективным, с точки зрения своего общественного производства.

Упомянутые количественно-статистические соображения, конечно, не следует абсолютизировать, однако фактом остается то, что численность цивилизованных сообществ разделенного труда обычно колеблется возле "демографического рубикона" и может даже значительно превосходить его (Мохенджо-Даро, Пакистан, 4710–4250 календарных лет назад, или 4105 ± 65 — 3705 ± 115 по радиоуглероду, население — 40000 человек). Возможно, начала общественного разделения труда имели место уже в Чатал-Хююке, однако полностью там раскопан лишь "квартал жрецов", так что вопрос остается открытым. Можно думать, что важное усложнение технологии, связанное с общественным разделением труда, было обусловлено, таким образом, демографическим ростом социума и отвечало постулируемой нами демографо-технологической зависимости.

Социум общественно-разделенного труда, в отличие от первобытного общества, уже не является однородным

образованием и был дифференцирован на профессиональные группы, обладающие собственным производственным и поведенческим стереотипом со своими экономическими интересами. Поведение профессиональных групп было разнородным, и, следовательно, их функционирование угрожало целостности социума. Процесс разделения труда, по определению, является центробежными и противоречащим интегративным нуждам социума. В этих условиях можно было бы ожидать, что общество разделенного труда выработает особые средства интеграции своих профессиональных групп. Таким средством, как нам кажется, стала цивилизация, связанная с городским образом жизни.

На наш взгляд (гл. II, 2), цивилизацию (город) можно определить как предметную форму структуры общества разделенного труда. Она жестко зафиксирована в культовых, административных, производственных, жилых и фортификационных городских сооружениях и дополнена тесно связанными с городом сельскими поселениями. Город и его окружение образуют инфра- и метаструктуру цивилизации. Эта структура, благодаря своей предметности, является целостной и тем самым интегрирует органично связанные с элементами этой структуры подразделения труда. Таким образом, выявляется важная социальная функция городской цивилизации, выходящая далеко за пределы обыденных представлений о жилищном, административном, производственном и фортификационном назначении города.

То обстоятельство, что именно город выступил социально-интегративным фактором общества разделенного труда, не является случайным. Общественная дифференциация была обусловлена самодвижением средств коллективного производительного потребления, т.е. предметными формами технологии, усложняющейся под демографическим влиянием личного элемента производительных

сил. Следовательно, способ нейтрализации общественной дифференциации должен был быть связан также со средствами коллективного, но непродуцируемого потребления, а ведущей предметной формой последних являются жилище, культовые, административные и фортификационные сооружения, упорядоченная совокупность которых образует поселение городского типа.

Обитание в городских условиях имело важные последствия для организации населяющего город общества. Как отмечалось, кровно-родственные отношения первобытного общества подчинялись закону Дж.Крука и варьировали в зависимости от биопродуктивности среды (от эндогамной матрилинейности в высокобиопродуктивных регионах до иерархической патрилинейности в низкобиопродуктивных). Высшие приматы, подчиняющиеся закону Дж.Крука, воспринимают всякие ограниченные условия обитания (например, зоопарк) как эквивалентные низкобиопродуктивному биотопу и соответствующим образом структурируют свои сообщества (иерархически-патрилинейно). Есть все основания считать, что обитание в городских условиях недавно еще первобытные люди воспринимали точно так же. Это объясняет универсальное распространение в цивилизованных обществах патриархальной семьи и патриархально-иерархической организации сообщества. В свете этих наблюдений неверным кажется представление о том, что человек изобрел иерархическую организацию сообщества, чтобы координировать жизнедеятельность подразделений труда. Патриархальная иерархия действительно послужила основой структурных отношений подразделений труда, однако она имела независимое от разделения труда происхождение. Эта картина несколько сложнее традиционных представлений о генезисе цивилизованной социальной организации. Пережитки эндогамной матрилинейности в древнеегипетском, эламском и хаттском

обществах показывают, что создатели соответствующих, в целом иерархически-патриархальных цивилизаций, на предцивилизированной стадии подчинялись закону Дж.Крука и, обитая в субтропических условиях со значительной биопродуктивностью, имели, вероятно, матрилинейную организацию сообществ.

Генезис самых ранних цивилизаций был приурочен к речным долинам субтропического пояса Ближнего и Среднего Востока (Египет, Месопотамия, Элам, долина Инда). В этих регионах имелись средние уровни биопродуктивности и круговорота веществ в природе, что было оптимально для наиболее полного развития раннего сельского хозяйства. В тропическом поясе биопродуктивность выше, но одновременно выше и круговорот веществ в природе. В силу последнего обстоятельства высокобиопродуктивный регион тропического леса совершенно не оптимален для сельского хозяйства примитивной технологии. В умеренном поясе картина прямо противоположная: круговорот веществ в природе там низок (что выгодно для сельского хозяйства), но одновременно низка и биопродуктивность среды, что для раннего сельского хозяйства не оптимально. Поэтому география генезиса первых сельскохозяйственных цивилизаций представляется вполне объяснимой. Те же соображения позволяют объяснить, почему центры генезиса ранних цивилизаций совершенно не совпадают с первыми сельскохозяйственными центрами (Левант, Загрос и близкие регионы), где имелись предки domesticiруемых организмов, но экологические условия были не самыми оптимальными для дальнейшего развития сельского хозяйства (последнее было принесено в Египет из Леванта, в долину Инда из Элама, в Элам и Месопотамию из Леванта или Загроса; по лингвистическим данным, эламцы были выходцами из Леванта, но их миграция произошла еще в безсельскохо-

зьяйственном мезолите; генезис месопотамских шумеров неизвестен).

Динамика ранних цивилизаций (гл. II, 3) предполагает, что системообразующим элементом первых городов должны были стать наиболее выраженные средства коллективного непроеизводительного потребления, максимально коллективные и минимально производительные. В стандартной городской структуре этим требованиям отвечают лишь два элемента: культовые и фортификационные сооружения. Поэтому формирование городов вокруг подобных элементов представляется закономерным. В частности, системообразующим элементом древнейших шумерских поселений были храмы (Эреду), а аналогичным элементом микенских поселений служили фортифицированные дворцы (Микены, Тиринф). Примеры можно продолжить.

Очень своеобразная форма становящейся, но так и не ставшей цивилизации связана с мегалистической культурой Западной Европы. В Англии центрами так называемых ячеек расселения стали мегалистические святилища—обсерватории и связанные с ними поселения жрецов—астрономов. Экологические условия Западной Европы не благоприятствовали эффективному развитию сельского хозяйства и высоким концентрациям населения, необходимым для общественного разделения труда. Если абстрагироваться от этого препятствия, можно представить, как элита жрецов—астрономов, освоившая интеграцию бесструктурного первобытного общества, с переходом его на стадию разделенного труда и городского образа жизни берет на себя функцию социального управления и тем самым завершает формирование мегалистической цивилизации; однако ничего этого в реальности не произошло. Возможно, что аналогичный процесс имел место в Шумере:

Эпоха становления цивилизации, по-видимому, должна датироваться от первых протогородов, движущихся к обществу разделенного труда (Чатал-Хююк, 8440), до первых появлений социальных структур, унаследованных классическими ранними цивилизациями (нижнеегипетская корона, изображенная на сосуде амратской эпохи Нагада I, 6600–6400 или 5744 ± 300 — 5577 ± 300 ¹⁴C от наших дней).

Духовное развитие ранней цивилизации (гл. III) полностью сохранило наследие первобытной эпохи. Архетипы первобытного сознания в ряде случаев были трансформированы в дочерние формы, которые существовали параллельно с предковыми архетипами. Кроме того, были выработаны новые формы, неизвестные в первобытности. Это обогащение вторичных общественных структур обуславливалось объективными потребностями цивилизации, которая, располагая более производительной экономикой, предоставляла членам цивилизованного общества больше свободного времени, подлежащего социализации. Особую задачу представляла духовная интеграция представителей разных профессиональных групп средствами единого общественного сознания. Специфика филиации форм цивилизованного сознания состояла в том, что их общие корни, восходя к первобытности, хронологически лежали за пределами цивилизованного общества. Общность таких духовных форм достигалась немиманентным им способом: в частности, включением их в систему дисциплин, преподаваемых в общеобразовательной школе для деятелей умственного труда (шумеро-аккадская э-дуба), и в корпус письменных памятников, используемых при таком преподавании. Завершающая стадия формирования раннецивилизованной идеологии наступает с открытием имманентных способов интеграции ее наиболее продвинутых форм, представленных науками: здесь способ интеграции знаний

основан на открытых философией вторичных сущностях уровня теоретического и философского обобщения.

Логика развития идеологических форм цивилизованного общества невозможно вывести из их внутреннего содержания (классический идеалистический метод), поскольку эти духовные формы объективно имели гетерогенное происхождение. Трудно также вывести логику развития этих духовных форм и из их прикладного назначения (прямолинейный материалистический метод), поскольку цивилизация располагала идеологическими формами как прагматического, так и явно непрагматического назначения. На наш взгляд, при объяснении развития раннецивилизованной идеологии надо учитывать основную функцию феноменов цивилизации: они все либо служили целям социальной интеграции, либо были ее точками приложения. Такой подход вытекает из вышеизложенного социально-философского понятия цивилизации, само появление которой было вызвано нуждами социальной интеграции. Функция же социальной интеграции носит универсальный характер и способна пронизывать все сферы общественной жизни, не только материальной, но и духовной.

Цивилизация унаследовала от первобытности язык, религиозный ритуал, систему нравственных норм поведения, пережитки магии, тотемизма и фетишизма, мифологию, погребальный культ, изобразительное искусство, представления о духовных существах (анимизм), музыкальное творчество. Эти идеологические архетипы отчасти были гетерогенны уже в первобытности, а частью состояли в родстве, прослеживаемом лишь в первобытную эпоху. Их общность состояла в социально-интегративной функции, а также в общеупотребительности. Цивилизация добавила к этим архетипам ряд новых. От религиозного ритуала произошла культовая мистерия, а от нее в античную эпоху — театр. Светские нормативы поведения

(нравственность) послужили источником архетипов права и политики. Языковые формы общения дали начало ряду жанров литературы.

Наряду с этими архетипами в эпоху цивилизации возник ряд идеологических новаций светского характера, связанный с деятельностью подразделения умственного труда и не рассчитанный на всеобщую употребительность. Генезис этих новаций, таким образом, относится к собственно цивилизационной проблематике. Данные новации имели некоторые доцивилизированные предпосылки и поэтому образовали в эпоху цивилизации гетерогенную группу. Так, индивидуальное самосознание имело предпосылкой общественное сознание первобытности, письменность (в шумерском варианте) — протошумерское предметное письмо неолита. То же относится и к гетерогенной системе эмпирических наук, имеющих определенные предпосылки еще в палеолитической действительности (математика — арифметический счет, астрономия — лунный календарь, география — топографическая карта из Межирича, филология — устная речь, правовая наука — светские нормы поведения [нравственность], история — мифология, медицина — знахарство, зоология — охота, ботаника — собирательство, минералогия — технология камня и т.п.). Эти предпосылки лишь указывают на древность предметных областей наук, но мало что говорят об их генезисе.

Происхождение индивидуального самосознания мы связываем с социально-интегративной функцией деятелей умственного труда, которые, освоив навыки управления жизнедеятельностью других подразделений труда и распространив их на себя самих, приобрели способность к самоконтролю, из которой постепенно развивались феномены самосознания. Таким образом, самосознание оказалось социально-регулятивной функцией, интериоризированной отдельной личностью. Поскольку социально-ре-

гулятивная функция является частным случаем социально-интегративной, природа самосознания, несмотря на его индивидуальность, носит социальный характер. Предметной формой самосознания стало письмо. Запись внутренней речи носителя индивидуального самосознания может отчуждаться от него и становится достоянием других людей, т.е. служить внешним средством социальной интеграции для индивидуального самосознания (точнее, для его носителя). Генезис письменности обычно эмпирически выводится из прикладных нужд хозяйственного учета. На эту проблему можно взглянуть и с другой стороны. Деятели умственного труда освоили индивидуальное самосознание и его предметную письменную форму в сфере социально-регулятивной деятельности хозяйственно-распределительного свойства. Естественно, что первым содержанием самосознания и его предметной письменной формы стали хозяйственно-распределительные отношения. Однако в Египте в эпоху нулевой династии (3390–3160/2700–2500 до н.э. ¹⁴C) одновременно с хозяйственными документами появляются надписи военно-политического характера (следовательно, и социально-регулятивного), которые трудно вывести из нужд хозяйственного учета. По-видимому, разумнее считать, что письменность возникла как предметная форма самого раннего индивидуального самосознания, а его социально-регулятивная природа обусловила содержание первых письменных памятников (хозяйственных, военно-политических).

Генезис ранних форм исторического сознания, представленного очень скромной историографией и эпосом, является частным случаем генезиса социальной связи в истории. Последняя состоит в использовании социумом своего прошлого менее дифференцированного состояния для интеграции своего нового более дифференцированного состояния. Проще сказать, социум использует старые

средства самоорганизации для интеграции своего нового состояния. Например, древняя демографо-технологическая зависимость существовала на протяжении всей социальной истории. То же относится ко вторичным структурам общества. Цивилизация использовала царскую власть, появившуюся в городе-государстве, поме и т.п., для интеграции межрегиональных царств и т.д. (см. гл. III, 2). В идеологической сфере люди стали использовать средства отражения прежнего менее дифференцированного социума для интеграции представлений о его новом дифференцированном состоянии (основное неявное содержание историографии с ее отождествлением старой и новой социальной организации). Складывается, таким образом, впечатление, что историческое сознание выполняло в условиях ранней цивилизации социально-интегративную роль, новая фаза которой связана с более поздней философией истории.

Генезис первых эмпирических наук мы связываем со способностью социума стихийно открывать и предсказывать сущности (гл. III, 3). Цивилизованное общество подчинялось статистическому закону больших чисел, действие которого в десяти тысячной совокупности объектов практически не отличается от действия динамической закономерности. Десяти тысячный социум, наблюдая какую-нибудь предметную область, получал результаты, характер которых также подчинялся динамической закономерности. В результатах таким образом выявились устойчиво повторяющиеся черты (сущности), появление которых к тому же было предсказуемым. Крупный социум умодоблялся своего рода "живому компьютеру". Конечно, весь цивилизованный социум не занимался научными наблюдениями, однако его подразделение умственного труда, поколения которого были письменно связаны между собой, превращалось в своего рода диахронический микросоциум, исторический опыт которого подчинялся

закону больших чисел. Это позволило шумеро-аккадским и египетским деятелям умственного труда сделать ряд эмпирических обобщений (в основном математического и грамматического свойства), которые отвечали первичным эмпирическим сущностям. Знания такого рода глубины еще не создавали основы для обобщения предметных областей частных наук. Поэтому раписцивилизованная система наук шумеро-аккадского типа объединялась внешними средствами: системой преподавания в общеобразовательной школе (э-дуба). Имманентно связанной системы знаний при этом не возникло (научные дисциплины существовали сами по себе и никаких связей их предметных областей не выявилось). Между тем цивилизованный социум как социально-интегративный феномен во всем стремился к возможно полной интеграции своих материальных и духовных форм, так что открытие имманентных связей наук было вопросом времени, и оно было сделано на периферии ближневосточного мира в греческой Малой Азии (Ионийская философия, а также имеющие ионийское происхождение пифагорейзм и элейская школа).

Первые греческие философы (особенно Фалес и Пифагор) при построении своих систем имели исходным материалом, наряду с обыденным опытом и мифо-эпической традицией, научные представления Египта (Фалес, Пифагор) и Месопотамии (Пифагор). Тем самым в исходные данные их обобщений попали первичные эмпирические зависимости (астрономические у Фалеса, математические у Пифагора). Результат обобщения подобного материала автоматически приобрел характер сущности вторичного теоретического (и собственно философского) свойства, а открытие таких сущностей, способных объединять предметные области разных наук, послужило основой для открытия дедуктивного метода выведения предметных областей частных наук из общего начала (система Аристотеля). Тем самым был открыт принцип

объединения наук имманентными им средствами. Возможность такой системы наук, равно как и философии вообще, была следствием реализации интегративной функции, универсально свойственной социуму, в сфере научного знания. Речь, конечно, не идет о механическом выведении предметных областей частных наук из некоей единой предметной области (например, отражаемой категорией материи или ее эквивалентов) или законов частных наук из единого закона типа логоса Гераклита (хотя и такой подход, вероятно, правомерен). Важнее было открытие единой природы научного знания, вытекающей из единства методов отдельных наук (несвно этот принцип предполагался в греческой философии, например, у Гераклита). В этом отношении греческая научная идея была шагом вперед по сравнению с шумеро-аккадским состоянием.

Рассмотренная нами социально-философская проблематика предьстории и истории становления цивилизации показывает возможность единообразного объяснения ее генезиса и природы. Демографический рост социума сопровождался его поступательной дифференциацией и нахождением новых средств общественной интеграции. Ранняя цивилизация выступила закономерным этапом этого процесса, что можно рассматривать как объяснение причин ее генезиса.

Приложение

ПАЛЕОЛИТИЧЕСКОЕ ИСКУССТВО

Наши представления о духовном мире палеолитического человека в значительной степени основываются на истолковании созданных им памятников изобразительного искусства. Долгое время его интерпретация была бесспорной. Сталкиваясь с палеолитическими изображениями тучных женщин, ученые усматривали в них свидетельства культа плодородия. Изображения животных связывались с тотемизмом, а стреловидные изображения на их корпусах — с магией¹. Позже выяснилось (А.Леруа-Гуран), что признаки “плодородия” у женских фигур обусловлены каноном художественного стиля, что анималистические сюжеты палеолитического искусства отражали очень ограниченный стабильный список животных, который, по определению, не мог иметь отношения к тотемизму, и что стреловидные изображения являются элементом очень четкой знаковой системы, не связанной с магией. Революцию в интерпретации палеолитического искусства произвел А.Леруа-Гуран².

Исследуя точно датированные памятники малых форм (мобильное искусство) и некоторые археологически датированные монументальные памятники (наскальное искусство), А.Леруа-Гуран обнаружил, что художествен-

¹ См.: *Bandi H.-G., Maringer J. Kunst der Eiszeit. Levantekunst. Arktische Kunst.* Basel, 1952, 168 S.; *Breuil H. Quatre cents siècles d'art pariétal. Les cavernes ornées de l'âge du renne.* Montignac, 1952. 417 p.; *Окладников А.П. Утро искусства.* Л., 1967. 135 с.

² См.: *Leroi-Gourhan A. Les religions de la préhistoire: (Paléolithique).* Paris, 1964. P. 77-152; *Idem. Préhistoire de l'art occidental.* Paris, 1965, 482 p.

ные каноны различных эпох заметно различались, что позволило обобщить характерные художественные приемы выражения сюжета в изобразительного искусства в представления о четырех верхнепалеолитических стилях, классически представленных во франко-кантабрийском регионе (Юго-Западная Франция и Северо-Западная Испания), но фактически распространенных в верхнепалеолитической Евразии гораздо шире (хронологию франко-кантабрийских стилей см. в табл. 3).

В древнейшем стиле I фигуры животных предельно схематичны и с трудом поддаются отождествлению. Часто, но далеко не всегда, передавались одни головы. Изобразительный канон близок современному примитивизму: округлая, эллиптическая или более угловатая продолговатая фигура, символизирующая голову, изредка дополняла геометрически переданное туловище, непропорционально большое по сравнению с головой и снабженное линейными конечностями. Стиль I является преимущественно геометрическим, т.е. символически передающим свои денотаты. Немногочисленные детали (глаз, рот, уши) передавались также геометрически и не отражали точный облик соответствующих деталей реальных животных. Искусство стиля I было скорее понятийным, символическим, чем изобразительным, однако его дальнейшая судьба показывает, что этот символизм являлся следствием низкого художественного мастерства, характерного для древнейшей стадии искусства.

В следующем стиле II изобразительный канон существенно меняется. Основу силуэта животного образует извилистая шейно-спинная линия, обычно легко ассоциирующаяся с силуэтом изображаемого животного. Прочие части тела подвешиваются к шейно-спинной линии, что предопределяет некоторые характерные способы их передачи: "утиная голова", сильно провисшее брюхо и незаконченные конечности лошади, подковообразная линия

брюха—конечностей мамонта и т.п. Детали (глаз, ухо, хвост, шерсть на брюхе мамонта, на загривке бизона, рога) редки и переданы очень обобщенно. Примитивность изображений напоминает еще стиль I, однако говорить о геометрическом символизме уже нельзя: силуэты животных обычно ясно отличаются друг от друга и напоминают общие контуры денотатов (изображаемых объектов). Построение образа на основе шейно-спинной линии приводит к тому, что, как и в стиле I, корпуса животных оказываются непропорционально велики по сравнению с головами. В женских изображениях этот художественный принцип приводит к тому, что женский торс передается очень массивным по сравнению с головой и конечностями. Отсюда так называемые признаки плодородия в женских фигурах и признаки беременности в фигурах животных. Как видим, эти приметы культа плодородия имеют сугубо стилистическое происхождение и не отражают действительности никаких культовых представлений. В стиле I и II преобладающей техникой исполнения является гравюра (иногда раскрашенная), хотя встречаются красочные изображения знаков (руки, абстрактные символы) и изредка фигур животных.

В стиле III пропорции животных и женских фигур отвечают канону стиля II, однако построение фигуры на основе шейно-спинной линии перестает быть господствующим принципом. Все части тела животного передаются равноценно и по отдельности в общем отражают анатомические реалии, но общий вид животного в стиле III древнем очень непропорционален: огромные корпуса снабжаются мелкими головами и конечностями. В стиле III позднем анатомические пропорции начинают приближаться к реальным. Детали (глаз, уши, рога, хвост, копыта) встречаются часто. Обобщенный синтетический образ стиля II начинает трансформацию к аналитизму, и взятые по отдельности корпуса, головы и конечности жи-

вотных уже гораздо лучше передают натуру, но их конгломерат по-прежнему исказит анатомию денотата.

В стиле IV древнем фигуры животных приобретают реалистические пропорции, а детали становятся многочисленны и точны, хотя имеются еще пережитки прежних стилей (например, контур брюшной области в виде M, идущий еще из стиля II, встречающаяся массивность крупных животных). Общая тенденция к реалистической передаче натуры распространилась и на антропоморфные изображения. Мужчины во всех стилях изображались обычно схематично, хотя имелись исключения в Лоссель (стиль II) и в гроте де Ла Марш (Люссак-ле-Шато, Вьенна, Франция, мадлен III а, стиль IV древний). Женские фигуры стиля IV становятся грацильными и лишенными, в отличие от предшествующих стилей, признаков "глодородия", хотя и здесь имеются исключения: в Ла Марш женские фигуры массивны, а женский барельеф из абри Пато (Лез Эйзи-де-Тейяк, Дордонь, Франция, слой III, перигор VI, 23010 ± 170 , стиль II) грацилен. Схематичные женские фигуры стиля IV послужили источником для знаков в виде клавиформ (музыкальный ключ), весьма характерных для этого периода.

Стиль IV поздний показывает сложную картину эволюции художественного творчества. Сперва тенденции стиля IV древнего приводят к фотографическому реализму (Ла Мери), а затем в связи с упадком палеолитического искусства наступает схематизация образов (Ла Рок, начало процесса отмечено в Аддаура I, где натуралистические изображения сосуществуют со схематическими). В количественном отношении вершина франко-кантабрийского искусства была достигнута в мадлене IV, но в стилистическом качественном отношении расцвет пришелся на мадлен V, сменившись стремительным закатом в мадлене VI.

Концепция названных художественных стилей привела к важным сэматическим открытиям в монументальном искусстве. До А.Леруа-Гурана наскальные пещерные изображения рассматривались как свидетельства различных эпох. Их датировка основывалась главным образом на археологическом методе суперпозиций (взаимоналоженных изображений). Если одна фигура покрывала другую, констатировалась их одновременность. А.Брейль создал целую концепцию хронологии наскального искусства, основывающуюся на принципе суперпозиции, на особенностях техники и очень мало на датированных мобильных аналогиях. Поскольку в суперпозиции практически всегда (за весьма редкими исключениями, например, в Гаргас I) оказывались фигуры одного и того же стиля, стало ясно, что принцип суперпозиции не может использоваться для крупномасштабной общей периодизации наскального искусства. Другой вывод состоял в том, что фигуры одного стиля составляли в пещерных святилищах целостные ансамбли, структура которых может многое сказать о представлениях древних художников.

Структура идеального святилища³ такова. В его центре на главном панно находится основная композиция, состоящая из лошади ("первое животное"), бизона или быка ("второе животное") и "третьего животного" (горный козел, благородный олень, лань, мамонт, северный олень). У входа чаще всего присутствует "третье животное" (обычно благородный олень), которое встречается и в глубине. В глубине обычно "четвертое животное" (лев, медведь, носорог, а также более редкие млекопитающие, рыбы, птицы) и антропоморфы. Иногда эта структура стягивается в одно обширное панно

³ См.: *Leroi-Gourhan A. Les religions de la préhistoire. P. 95-101; Idem. Préhistoire de l'art occidental. P. 114-118, 441 fig. 763; Idem. Dictionnaire de la préhistoire. Paris, 1988. P. 76.*

(Альтамира-3, Ла Пешья-де-Кандамо-3, Руффиньяк и др.), на котором диспозиция животных сохраняется: в центре животные I, II, III, а на периферии — IV и антропоморфы. Изредка животные класса IV выступают в роли “третьего животного”: лев (Ле Пеш-Мерль-1), мегацерос (Рукадур). Конечно, схема идеального святилища реализуется в зависимости от топографии пещер, однако ее существование доказывается статистикой взаимного расположения животных. По всему пещерному святилищу встречаются также различные знаки, для которых А.Леруа-Гуран разработал свои закономерности распределения. Их принятие сталкивается с трудностями, о которых речь пойдет дальше.

А.Леруа-Гуран проанализировал статистику 63 украшенных гротов из 110 известных в его время (1964 г.), а также большое число мобильных памятников⁴, из которой следовала определенная частотная иерархия сюжетов, отраженная в понятиях животных I-IV. Мы произвели статистическую обработку 222 монументальных памятников франко-кантабрийских стилей из Франции, Испании, Италии и России (Капова пещера), результаты которой приведены в табл. 1 (перечень и хронологию памятников см. в табл. 3). Они полностью подтверждают основные положения А.Леруа-Гурана, лишь несколько уточняя их количественно и содержательно. Расчеты, сделанные нами, относят количество памятников, где встречается тот или иной сюжет, к общему количеству учтенных памятников. Первый столбец табл. 1 отражает верхнепалеолитическое монументальное искусство франко-кантабрийских стилей, а второй — мобильное искусство древнего и среднего палеолита, перечень и хронология памятников которого (46 примеров) приведены в табл. 2. Мобильные па-

⁴ См.: *Leroi-Gourhan A. Les religions...* P. 91, 95; *Idem. Préhistoire...* P. 444-445.

мятники, по А.Леруа-Гурану⁵, образовывали портятивную параллель монументальным святилищам. Однако в поративных святилищах трудно установить характер первоначального ансамбля и степень фрагментарности дошедшего материала, который иногда может быть огромным (например, более 800 гравированных пластинок в гроте д'Анлен, локализация и возраст как у Ле Труа-Фрер-2, см. табл. 3). Поэтому монументальные святилища всегда более доказательны.

Франко-кантабрийские бестиарии (наборы животных) состояли из 39 определенных видов млекопитающих, птиц и рыб, а также из неопределенных змей (собственно, лучше говорить о 37 видах, поскольку № 28-29, барсук и бобр вызывают сильнейшие сомнения). Основу этих бестиариев составляли животные с частотами 66,2-9,5% (лошадь, бизон, бык, горный козел, благородный олень, лань, мамонт, северный олень, пещерный лев, медведь, шерстистый носорог). Среди них лидирует лошадь (66,2%) и бизон с быком (совместная частота 66,2%), что полностью подтверждает квалификацию их А.Леруа-Гураном как "первого и второго животного" основной композиции. Животные с частотами 44,1-16,7% (горный козел, благородный олень, лань, мамонт, северный олень) являются обычным "третьим животным" основной триады, а животные с частотами 17,1-9,5% — стандартными персонажами глубин святилищ и периферий основного панно. Таким образом, основу франко-кантабрийского бестиария составляли животные, выступающие в ансамблях монументального искусства в четырех статистико-топографических полях.

Следует добавить, что франко-кантабрийское искусство, просуществовавшее 20000 лет, сохраняло на всем их протяжении абсолютное статистико-топографическое единообразие. Правда, святилища стиля I полностью раз-

⁵ См.: *Idem. Les religions...* P. 116-122.

рушены, однако фрагменты их бестиариев показывают полное тождество бестиариям стиля II, в котором основная композиция в законченном виде появляется начиная с Пер-нон-Пер. Самая поздняя основная композиция отмечена в Дриассе III (Адлаура I). Следовательно, в течение 20000 лет западноевропейские художники изображали один и тот же ведущий сюжет: основную композицию, состоящую из лошади, бизона (или быка) и горного козла (или других животных класса III). На периферии этой композиции размещались животные класса IV и антропоморфы. Эти объективные статистико-топографические факты позволили А.Леруа-Гурану сделать вывод о том, что единственной идеологической формой, которая могла бы отразиться в столь стабильной иконографической системе, могла быть только мифология⁶. Франко-кантабрийское искусство, таким образом, было религиозным по основному жанру.

Конкретное содержание франко-кантабрийской мифологии остается загадкой. Основываясь на серии фигур "женщины-бизонов" из Ле Пеш-Мерль-2 и на том факте, что одна из "Венер" Лоссель держала в руках бизоний рог, А.Леруа-Гуран предположил, что "второе животное" (бизон) было символом женского начала, а все остальные — мужского. Это предположение противоречит фактам. Мужчины-бизоны встречаются чаще (Ле Габийю-1, Ле Габийю-2, Ла Пасьега С-1, Ле Труа-Фрер-2). Лоссельская "Венера", держащая рог бизона с 13 параллельными насечками, проще всего объясняется как символ лунного месяца с количественным пояснением к нему (см. далее) и обнаруживает ближайшую аналогию с клавиформой, сопровождаемой серией пунктуаций (Ню и т.п.). Вообще принцип интерпретации топографических классов животных при помощи понятия пола плохо подкрепляется реалиями. Так, женщины-птицы (Альтамира-1, Ле Пеш-

⁶ См.: *Leroi-Gourhan A. Les religions...* P. 151-152.

Мерль-2) соединяют в себе женское начало с “мужским” (птицы в системе Леруа-Гурана относятся к мужскому классу). Бизоны, как отмечалось, могут быть как “мужскими”, так и “женскими” животными. “Мужскими” животными можно признать северного оленя и льва (мужчина-северный олень из Ле Труа-Фрер-2 и мужчина-лев из Ле Рок-о-Сорсье). В свете сказанного разумнее воздержаться от сексуальной интерпретации классов франко-кантабрийских бестиариев.

Из статистики анималистических сюжетов франко-кантабрийского бестиария вытекает только, что лошадь символизировала верховное “божество”, бизон-бык — “божество” второго порядка, а “третье и четвертое животные” — соотносились с божествами соответственно третьего и четвертого порядка. По ряду признаков, о которых речь пойдет дальше, франко-кантабрийская мифология отражала некую общечеловеческую мифологическую идеологию, и представляется перспективным поиск ее аналогий среди основных мифологем Старого Света, древнейшие из которых связывались с мифами о Солнце, Земле и Небе. В этой связи представляет интерес интерпретация В.Е.Ларичева⁷.

На верхнепалеолитическом поселении Малая Сья (Хакасия, Красноярск, Россия, 34500±450, 33060±450, 33060±300 ¹⁴C) среди произведений мобильного искусства В.Е.Ларичев открыл изображения композиций мамонт-бизон и мамонт-черепаха. Мамонт, стоящий на черепахе, по этнографическим параллелям интерпретировался В.Е.Ларичевым как символ Неба, а черепаха (и замещающий ее в похожей композиции бизон) как символ Земли. Композиция бизон-мамонт (№ 9 в списке компо-

⁷ См.: Ларичев В.Е. Мамонт в искусстве поселения Малая Сья и опыт реконструкции представлений верхнепалеолитического человека Сибири о возникновении Вселенной // Звери в камне: (Первобытное искусство). Новосибирск, 1980. С. 159-198.

зиций Леруа–Гурана) представляет собой неполную триаду и, по нашим подсчетам, встречается в 10 гротах, в шести из которых она является основной (Ле Шваль (Арси), Юшар, Капова, Ложери-От, Улан, Сен-Фрон). Эта композиция является частным случаем соединения “второго-третьего животных” без лошади, и такое соединение имеется в 26 гротах. Если предположить, что “второе животное” символизировало Землю, а “третье” — Небо, то франко–кантабрийская мифология обнаружит космогонический характер.

Древнейшей аналогией, привлеченной В.Е.Ларичевым, послужила египетская космогония, древнейшим вариантом которой в свою очередь являлась космогония города Гелиуполя⁸. Суть этой космогонии сводилась к тому, что из первобытных вод (Нуи, Науи) возник Атум (Атама, “Все” или “Совершенный”), который произвел пару Шу (Шау, “Воздух”) и Тефнут (Тфини, “Влага”). От последних произошли Геб (Гиба, “Земля”) и Нут (Ни, “Небо”). От Земли и Неба произошли Осирис (Усири) и Исида (Иси), а также Сет (Сута) и Нефтис (Нибт-ха)⁹. В этой системе имелись две модернизации. В “Текстах пирамид” (конец V династии [Уннас] — конец VIII, 2423–2220 до н.э.), древнейшем источнике по религии Египта, Атум отождествляется с Ра (Риа, “Солнце”) в единое божество Ра-Атум (Риа-Атама, “Солнце-Все”). “Тексты пирамид”, судя по их враждебности верхнеегипетским Осирису и Хору, а также по упоминаниям в них нижеегипетского царя, должны восходить ко временам независимого нижеегипетского царства, датирующегося изображением нижеегипетской короны на сосуде амратской эпохи (Нагада I, 6600–6400/5744±300 — 5577±300 ¹⁴C

⁸ См.: Коростовцев М.А. Религия древнего Египта. М., 1976. С. 63.

⁹ См.: Там же. С. 61–63, 101; История древнего Востока: Зарождение древнейших классовых обществ и первые очаги рабовладельческой цивилизации. Ч. II. Передняя Азия. Египет. М., 1988. С. 380.

или 4650–4450 до н.э.) и прекратившего существование с началом нулевой династии (3390/2700 ^{14}C до н.э.). После франко-кантабрийской эта мифология, таким образом, является древнейшей в мире. С поправкой на “Тексты пирамид” гелнупольскую космогонию можно рассматривать следующим образом. Из первобытных вод (Науи) рождается Солнце–Все (Риа–Атама), порождающее Воздух и Влагу (Шау и Тфини), а от последних происходят Земля и Небо (Гиба и Ни). Дальнейшая филиация является позднейшей, поскольку Усири и Сута принадлежали разным царствам, соответственно Верхне- и Нижнегипетскому.

Космогоническая линия Вода — Солнце — Земля — Небо в принципе отвечает статистической иерархии франко-кантабрийских сюжетов Лошадь (66,2%) — Бизон (51,8) — Горный козел (44,1%) как представителей классов первого, второго и третьего животного, которые можно отождествить с Солнцем (Лошадь), Землей (Бизон) и Небом (Горный козел и прочие представители третьего класса). Недостает лишь интерпретации первобытных вод.

В наскальном франко-кантабрийском искусстве, помимо животных, антропоморфов и знаков, во всех стилях (кроме первого, святилища которого разрушены) имелся еще ряд изобразительных мотивов. Это совокупности кривых черт (19,8%), скобления (11,3%), макароны и меандры (9,9%), наброски пальцами (7,2%), хаотические черты (6,3%), пучки черт и линий (2,3%). Из этих беспорядочных мотивов поддаются интерпретации макароны и меандры, представляющие собой серии волнистых (иногда прямых) линий, параллельных друг другу или нет. Архетипом этого мотива является мультиплицированный зигзаг. Единственный памятник, где мотив зигзага находит точное объяснение, — это топографическая карта из

Межирича¹⁰ (Канов, Черкассы, Украина, средненипровская культура, Вюрм IV Дриас I B, 15245±1080 ¹⁴C), на которой параллельные зигзаги, покрывая изображение реки, символизировали воду. Представляется вполне вероятным, что панно макарон и меандров символизировали то же самое.

В такие панно нередко включались фигуры животных, как бы рождающиеся из них. Так, в Ла Бом-Латрон из панно меандров № 5 рождалась стандартная триада лошадь-бык-мамонт¹¹. Аналогичные примеры встречаются и в других гротах (Ардалес, Гаргас I-1, Ле Труа-Фрер-1, Ле Пеш-Мерль-2, Эрберюа и др.). Таким же окружением могли служить панно скоблений и хаотичных черт (Ла Рок). Можно предположить, что подобные панно отражали мифологическую линию рождения сюжетов из водного хаоса (меандры) или неопределенного хаоса (хаотичные черты).

Таким образом, древнеегипетская мифологема первобытные воды — Солнце — Земля и Небо находит параллель во франко-кантабрийском изобразительном ряду панно меандров — первое — второе — третье животные и позволяет ставить вопрос: не являлась ли франко-кантабрийская мифология древнейшей космогонией? Подобная мифологическая идеология могла бы содержать архетипы характерных для древнего мира культов (водный, солярный, хтонический и астральный) и соответствующих им первоэлементов (вода, огонь, земля, воздух). Ранее мы показали (см. гл. II, 3), что франко-кантабрийское идеологическое наследие, вероятно, послу-

¹⁰ См.: Лидопличко И.Г. Позднепалеолитические жилища из костей мамонта на Украине. Киев, 1969. С. 135, 137 рис. 58; Гладких М.И., Корниец Н.Л., Соффер О. Жилища из костей мамонта на Русской равнине // В мире науки, 1985. № 1. С. 73.

¹¹ См.: Drouot E. Grotte de la Baume-Latrone // L'art des cavernes: Atlas des grottes ornées paléolithiques françaises. Paris, 1984. P. 335-336.

жило одной из основ мегалитической культуры, начинающейся, правда, лишь в финальном мезолите. Мегалитическая культура примечательна своими астрально-мифологически выраженными лунно-солнечными культурами, и поиски их западноевропейских предпосылок ведут в верхний палеолит. Франко-кантабрийская мифология, обладавшая, предположительно, космогонией и лунным календарем (см. далее) могла бы предоставить такие предпосылки.

Кроме бестварисв, франко-кантабрийское искусство располагало небольшим корпусом антропоморфных сюжетов, статистико-топографическое положение которых обычно связано с периферией основного панно или с глубокой периферией пещерного святилища в целом. Однако корпус антропоморфов не был однородным и распадался на две группы, различающиеся статистически, стилистически, композиционно, по тенденции к зооморфизации и отношению к системе знаков. Встречаются изображения мужчин (14%), неопределенных антропоморфов (13,5%) и женщины (9,5%), причем неопределенные антропоморфы иконографически и статистически чужды женским изображениям; их можно рассматривать как крайнюю схематизацию мужского образа, к чему имелись существенные стилистические предпосылки. Наскальные женские фигуры подчинялись эволюционным стилистическим закономерностям, выражающимся в грацилизации женского образа от стиля к стилю (II-IV). Напротив, мужской образ стилистическим закономерностям не подчинялся и во всех стилях был одинаково грацилен. Это объясняется тем обстоятельством, что, за вычетом копьеметателя из Лоссель, все мужские фигуры никогда не были реалистическими и всегда отличались большим или меньшим схематизмом. Стилистическая же эволюция затрагивала лишь натуралистические изображения женщин и животных и потому не распространялась на мужские сюжеты. Именно преоб-

ладающая схематичность последних позволяет думать, что неопределенные антропоморфы были крайним случаем этой схематизации, т.е. относились скорее к мужским сюжетам, с которыми имели идентичную частоту встречаемости. Совместная частота неопределенных антропоморфов и мужчин достигала 22,5%. Таким образом, имела мужская группа сюжетов (ок. 22,5%) и женская (9,5%). Сюжеты этих групп никогда не образовывали совместных композиций, если не считать случаев присутствия на одном панно, к которому стягивалась значительная часть сюжетов всего святилища (например, в Масса). Мужские сюжеты могли составлять небольшие группы из похожих антропоморфов (Альтамира-3, Ле Комбарель I, Ла Пенья-де-Кандамо-3, Руффиньяк); то же справедливо для женских сюжетов (Ле Комбарель I, Лоссель, Ла Магделен, Ле Рок-о-Сорсье). Таким образом, статистическая и стилистическая чуждость мужских и женских сюжетов дополняется топографической. Все это не подтверждает сексуальную концепцию А.Леруа-Гурана: представители разных полов явно не служили дополнением друг другу и играли различные роли в наскальном искусстве.

Различна была и тенденция к зооморфизации мужских и женских образов: у мужских она иконографически и статистически несомненна (5,9%), а у женских она нерепрезентативна (0,9%). Имеются изображения мужчин-бизонов, что, как отмечалось, исключает женскую трактовку этого животного (по А.Леруа-Гурану, бизон и бык — “женские” животные, а все прочее — “мужские”). Встречаются мужчины с рогами бизонов (Ле Габийо-1, Ле Габийо-2, Ла Пасьега С-1, Ле Труа-Фрер-2), а также мужчина с “хвостом бизона” вместо головы (Пергусе). Сюда же следует отнести антропоморфов с головами черепах из Лос Касарес, поскольку, по Б.Е.Ларичеву, черепаха является композиционным эквивалентом бизона в

паре бизон-мамонт, черепаха-мамонт. Однако, черепаха — редчайшее животное во франко-кантабрийском искусстве (есть мобильное изображение в Марсула), так что трактовка этого сюжета лишена статистики. Можно упомянуть еще мужчину-мамонта (Ле Комбарель I), мужчину-северного оленя (Ле Труа-Фрер-2), мужчину-льва (Ле Рок-о-Сорсье, Ла Пенья-де-Кандамо-3, Лос Орнос-де-ла-Пенья-2 и, возможно, Альтамира-3, где три звроподобных антропоморфа изображены в "молитвенной" позе Ла Пенья-де-Кандамо-3 и Лос Орнос-де-ла-Пенья-2), мужчину-медведя (Комарк, Ле Комбарель I, Сен-Сирк-2) и мужчину-птицу (Ле Комбарель I). Таким образом, мужские сюжеты были сродственны животным II, III и IV. В женской группе имеются женщины-бизоны (Ле Пеш-Мерль-2) и женщины-птицы (Альтамира-1, Ле Пеш-Мерль-2), откуда можно лишь заключить, что сексуальная трактовка bestiария неприемлема.

В отличие от женских, мужские образы могли участвовать в сценах, которые в наскальном искусстве сводились к одной-двум фабулам. Во-первых, это конфликт мужчины с бизоном с последующим поражением мужчины (Ле Рок-де-Сер, здесь бизона, возможно, замещает овцебык, Вишар, Ласко-3, Сен-Сирк-2, Су-Гран-Лак-2, Эль Пинцаль, в последнем случае фигурки двух поверженных бизоном мужчин¹² можно трактовать и как схематическое изображение лошадиной головы). Возможно, сюда же надо отнести и фигуру копьеметателя из Лоссель, поскольку наиболее вероятным объектом его атаки мог быть бизон (в мобильном искусстве, кроме конфликта мужчины с бизоном из Ложери-Бас, известны еще и конфликты мужчин с медведем: грот дю Пешиаде, Дордонь, Франция, и Ле Мас-д'Азиш, мадлен IV). Далее, в Су-Гран-Лак-2 мужчина, атакуемый рогом бизона (очень близкий мужчине,

¹² См.: Столяр А.Д. Происхождение изобразительного искусства. М., 1985. С. 252.

атакуемому бизоном в Сен-Сирк-2), одновременно поражается тройкой стрел. В этом качестве он сближается с ранними мужчинами из Куньяк и Ле Пеш-Мерль-2, пораженными дротиками. Возможно, сюжеты мужчины, атакуемого бизоном, и раннего мужчины являются частью одного мифа. Следовательно, мужской образ был персонажем мифологии, чего нельзя сказать о женском (см. далее).

Встает, конечно, вопрос о назначении женского образа, и здесь обнаруживается еще одно отличие мужских и женских персонажей. Мужские сюжеты франко-кантабрийского искусства никогда не выступали элементом знаковой системы, в то время как женский образ в стите IV получил даже особое знаковое воплощение в виде клавиформы. Кроме того, женское изображение могло быть составляющей парного знака (например, Комарк), о значении которого речь пойдет дальше.

Высказанное позволяет сделать вывод, что мужские сюжеты являлись элементами системы образов, выражающих содержание франко-кантабрийской мифологии. Женские сюжеты, напротив, являлись преимущественно элементами знаковой системы, сопровождающей мифологическую иконографию. Семантика мужских изображений составляет проблему. Как мы видели, для всех второстепенных классов животных (II-IV) имелись антропоморфные представители. И представляется нелогичным, что такого представителя не имело "первое животное" (лошадь), поскольку его ведущая роль в бестиарии, казалось бы, предполагала и максимальное антропоморфное представительство. Отсюда возникает предположение, что антропоморфы, не отмеченные чертами зооморфной специализации, возможно, представляли "первое животное". Это предположение проливает определенный свет на смысл сцены с мужчиной, поражаемым бизоном. Если незооморфный мужчина представлял "первое животное", а

оно отождествлялось с Солнцем, то его конфликт с бизоном, символизирующим Землю, отражал какой-то миф, связанный с солнечным закатом или сменой сезона высокого стояния Солнца сезоном его низкого стояния над горизонтом. Типологически такой миф мог быть архетипом стандартных мифов древнего мира об умирающей и воскресающей природе (Усири, Думузи). По шумерским представлениям, Солнце (Уту) уходило в преисподнюю еженощно, а Луна (Наннар) — раз в месяц. Если конфликт мужчины с бизоном выражал первое из этих представлений, то превращение бизона (Земли) в женщину-птицу (Луну; Ле Пеш-Мерль-2), очевидно, передавал второе. Это предположение подкрепляется тождеством женского образа в знаковой графике с символикой Луны, точнее, лунного месяца.

Революция в понимании франко-кантабрийской знаковой системы связана с работами А. Леруа-Гурана, А. Маршак¹³ и Б.А. Фролова¹⁴. А Леруа-Гуран, следуя своему принципу искать в сюжетах франко-кантабрийского искусства признаки противопоставления полов, разделил знаковую систему верхнепалеолитического искусства на два больших класса: тонкие (мужские) и широкие (женские) знаки¹⁵. К первому классу он отнес фаллические изображения, одинарные и двойные палочки, скалиформы (“лестницы”), крюки, пенниформы (“перообразные”), ветвистые и зубчатые знаки (группа 1), а также пунктуации (ряды точек, группа 3) и ряды параллельных палочек (группа 4). Весь этот знаковый класс, по А. Леруа-Гурану, являлся стилизацией фаллического образа. Ко второму классу отнесены вульвы, стрелы, углы,

¹³ См.: *Marshack A. The roots of civilization.* N.Y., 1972. 413 p.

¹⁴ См.: *Фролов Б.А. Числа в графике палеолита.* Новосибирск, 1974. 239 с.

¹⁵ См.: *Leroi-Gourhan A. Arte y grafismo en la Europa prehistorica.* Madrid, 1984. P. 302-303.

треугольники, полуovalы, oвалы, кресты, прямоугольные знаки, зигзаги, акколады (фигурные скобки), клавиформы (стилизованные женские силуэты) и т.п. Все эти знаки группы 2 возводились А.Леруа-Гураном к стилизациям вульв или женских профилей¹⁶. Следует признать, что треугольники, углы, полуovalы и oвалы действительно могли быть стилизацией вульвы, а клавиформы — женского профиля. Однако обнаружение нами доверхнепалеолитической знаковой системы франко-кантабрийского типа (см. далее) показывает, что основные типы знаков существовали задолго до верхнего палеолита и, следовательно, строить историческую генеалогию стилизаций вульв и фаллосов нельзя. Важнее было другое открытие А.Леруа-Гурана, состоящее в понятии парных знаков. Последние, по А.Леруа-Гурану, представляли собой комбинацию знаков группы 2 (женское начало) со знаками групп 1, 3, 4 (мужское начало)¹⁷.

Как мы видели на примерах зооморфных антропоморфов, принцип противопоставления полов не выдерживался во франко-кантабрийском бестиарии. Основные типы знаков, появившись в законченном виде в среднем и нижнем палеолите, также исключают свое тотальное возведение к двум сексуальным символам. Действительная картина была не столь упрощенной. Б.А.Фролов показал, что пунктуации и ряды палочек являлись хорошо выраженными счетными знаками. С другой стороны, А.Маршак, проанализировав ряд мобильных памятников (например, абри Бланшар-де-Рош I, ориньяк I; грот дю Таи, Сен-Назер-ан-Руайан, Дром, Франция, верхний мадлен), показал, что верхнепалеолитический человек вел регистрацию лунных фаз и, следовательно, обладал лунным календарем. Месячный лунный цикл, как известно, хроно-

¹⁶ См.: *Leroi-Gourhan A. Les religions...* Г. 92. Fig. 7; *Idem. Préhistoire...* P. 453. Fig. 780. P. 454. Fig. 781.

¹⁷ См.: *Idem. Préhistoire...* P. 454. Fig. 782.

метрически близок физиологическому женскому месячному циклу. Отсюда напрашивается вывод, что сильнейшая интервенция женского образа в знаковую систему франко-кантабрийского типа отражала лунно-календарный характер последней. Таким образом, в знаковой системе следует видеть комбинацию календарных и счетно-арифметических представлений, воплощенных в символикe лунного месяца и количественного пояснения к нему.

В целом франко-кантабрийскую систему надо разделить на три класса изображений. Первый не имел никакой счетно-календарной окраски (меандры, хаотичные черты, скобления и т.п.) и, как показано выше, мог относиться к сюжетному кругу франко-кантабрийской мифологии. Два других класса имели отчетливый счетно-календарный характер. Во-первых, это чисто количественные знаки: одинарные и двойные черты, ряды черт и пунктуаций. Эти знаки служили количественными пояснениями к более сложным качественным знакам. Нередко количественные знаки фигурировали изолированно, но, очевидно, подразумевали известную художникам календарную природу (число дней месяца или года, иногда ряды пунктуаций отражали количества дней, превышающие длительность лунного месяца, например, в Эль Кастильо-1, Ле Труа-Фрер-2 и др.). Во-вторых, имелись качественные знаки, отражающие определенный знаковый образ (например, полуовал, овал, вульва, клавиформа, треугольник, угол, стрела, крест, прямоугольник, зигзаг и др.).

Все качественные знаки могли быть элементами парных знаков: зигзаг+точка+линия из 14 точек (Масакулос и др.) или зигзаг+13 палочек (Ардалес), ветвистый знак+пунктуации (Ле Кюзуль-де-Бракони, Марсула и др.) или пенниформа+палочки (Куньяк), анкориформа (полуовал)+полоса пунктуаций (Ла Меаса и др.), овал+палочка (Бернифаль, Лабастид, Оцозелай-Аризтойя и др.), вульва/женщина+пунктуации или ряды палоч-

чек (Тито Бустильо, Комарк и др.), треугольник+6 параллельных черт (Сомбр и др.), угол+черта (Фигье, Байоль, Улан и др.), стрела+палочки (СенСирк-2, Капова и др.), крест+палочки (Ласко-1, Ле Габийо-2 и др.), прямоугольный знак+палочки или пунктуации (Лас Чименеас, Монгодье и др.). Таким образом, все названные образные типы знаков играют в составе парных знаков эквивалентную роль. Иногда образные знаки могут комбинироваться друг с другом: овал и треугольник (Сомбр), пенниформа+2 вульвы (Гуй) и т.п., откуда следует, что разные качественные знаки обозначали разные месяцы и встает вопрос о характере франко-кантабрийского календаря.

О возможных календарных представлениях западноевропейцев каменного века мы говорили в гл. III, 3. Сравнение календарных представлений древних кельтов с мегалитическим календарем показывает, что начало лета у палеоевропейцев приходилось на 5 мая, начало осени — на 6 августа, начало зимы — на 2 ноября, а начало весны — на 2 февраля (шестнадцатимесячный солнечный календарь бронзового века мегалитической культуры, 1800 до н.э.). Более древний лунный календарь должен был быть проще, однако нельзя исключать преемственность основных его понятий с мегалитическим календарем.

Изобразительные особенности и статистика позволяет выделить во франко-кантабрийском репертуаре десять крупных самостоятельных классов знаков, а также предположить их календарную интерпретацию.

Первый класс знаков могут составить зигзаги и близкие к ним серпентиформы (змееобразные знаки). Исходя из топографической карты Межирича (см. выше), можно думать, что зигзаг символизировал воду. Таким образом, месяц зигзага, вероятно, отвечал началу половодья и началу весны (марту).

Второй класс знаков должны образовать тонкие изобразительные знаки. Схожие зубчатые и ветвистые, вилка — редуцированный ветвистый знак, крюк — редуцированный зубчатый знак, Т-образный знак как вариант вилки, пенциформа как вариант ветвистого знака, а также фаллос как элементарный вариант всех предшествующих типов (точка зрения А. Леруа-Гурана, что пока не подкреплено доверхнепалеолитическими находками). Класс ветвистых знаков, предположительно, мог отражать вегетацию растений и обозначать месяц начала вегетационного периода, т.е. апрель. В силу известных ассоциаций (в том числе мифологических: Приап как бог растительного плодородия) сближение фаллического символа с месяцем начала вегетации растений представляется оправданным.

Пять следующих классов знаков (полуовал, овал, вульва/женщина, треугольник, угол) имеют выраженную женскую природу и, очевидно, должны отвечать репродуктивному периоду в жизни ведущих животных франко-кантабрийского бестиария, т.е. мая-сентября. Судя по современному зубру, отел у бизона происходил в мае — начале июня, а гон — в августе — первой половине сентября; у дикой лошади, судя по современному кулану, аналогичные репродуктивные события приходились, соответственно, на май-сентябрь и июль-август. Таким образом, в мае для верхнепалеолитических людей начинался сезон размножения их мегафауны, что объясняет происхождение майского начала лета в палеоевропейской традиции. Основой указанных пяти знаковых классов является знак вульвы, однако есть наблюдения¹⁸, согласно которым знак вульвы выражал схематическую передачу женской статутки анфас. Это и другие соображения позволяют объединить знаки вульв (схематическая женщина анфас) со знаками клавиформ (схематическая женщина в

¹⁸ См.: Столяр А.Д. Указ. соч. С. 243.

профиль) и сблизить эту знаковую группу с женскими изображениями вообще, которые, как отмечалось, могли участвовать в парных знаках (Лоссель, Комарк). Какие месяцы могли обозначать пять классов женских знаков, неизвестно. На июнь приходится солнцестояние, но связывать его с овальным знаком (кругом) нет оснований, поскольку форма этого знака вряд ли имела солярное происхождение.

Восьмой знаковый класс связан со стрелообразными фигурами и дротиками. В Ла Пенья-де-Кандамо-3 имеется хорошее изображение благородного оленя, ясно пораженного шестью дротиками. Дротиками были поражены и ранены мужчины в Куныяк и Ле Пеш-Мерль-2. В Су-Гран-Лак-2 атакуемого рогом бизона мужчину поражает со спины тройка стрел. Похоже, что стреловидные знаки и дротики восходят к изображениям наступательного оружия (стрела — дротик с наконечником типа Ла Фон-Робер и т.п., а дротик — то же, но без наконечника). Знак входил в систему парных знаков (например, 7 стрел под пунктуацией из 27 точек на панно отпечатка в Ласко-1, стрела и палочка в Каповой и т.п.). Похоже, стрела-дротик могла символизировать сезон массовой охоты, начинающейся после репродуктивного периода у крупных четвероногих, т.е. октябрь месяц.

Девятый класс знаков состоит из крестообразных фигур (прямоугольный или косой крест), которые следует дополнить звездчатыми знаками (шести-, восьмиконечные астериксы и т.п.). В Ласко-1, Ле Габийю-2 и др. крест образует с палочками характерный парный знак в виде латинских цифр XI, XIII и т.п. А.Н.Каландадзе предположил¹⁹, что крестовидная фигура символизировала скрещенные палочки для получения огня трением. В этом случае кресты и астериксы должны были символизиро-

¹⁹ См.: Каландадзе А.Н. Разыскания по археологии доантичной Грузии: Автореф. дис... доктора истор. наук. Тбилиси. 1969. С. 22.

вать огонь, очаг и т.п. Судя по древнесирландскому празднику Самайн (наступление зимы в ночь на 1 ноября), палеоевропейцы отмечали наступление зимы разведением священного огня. С учетом этого обстоятельства знак креста можно связать с символикой ноября месяца.

Последний знаковый класс объединяет знаки прямоугольных или близких очертаний: прямоугольники, прямоугольники, расчерченные на квадраты в виде шахматной доски (гербы), ромбы, решетки, сетки, барьеры, текстиформы (крыпсообразные изображения, напоминающие хижины) и пектиформы (гребнеподобные). А.Леруа-Гуран считал, что эти знаки развились в ходе стилизации символа женского пола во франко-кантабрийском искусстве, однако в классической форме они известны уже в нижнем палеолите (Бильцингслебен, 3 экземпляра, два из которых очень четки). На топографической карте из Межирича решетки-сетки и прямоугольники с вырезом (текстиформы особого рода, обманчиво близкие символам женского пола) символизируют жилища. Это заставляет связать весь данный знаковый класс с символической передачей жилья (архитектурного сходства искать не обязательно). Однако прямоугольные знаки всех видов являются очень обычными элементами парных знаков, а потому их следует понимать не как натуралистическую передачу первобытной архитектуры, а как знаковые символы календарной природы. Связь с семантикой стационарного жилья (как в Межириче) подводит к понятию зимовки. Возможно, прямоугольные знаки символизировали зимние месяцы: декабрь и т.д. Это предположение находит подтверждение в статистике.

Частоты знаков всех предыдущих классов колеблются в пределах от 14,9 до 30,2%, а их градиент (расхождения частот близких по встречаемости знаков) достаточно плавно и не выходит за пределы 0,4–3,2%. У прямоугольных знаков общая частота доходит до 39,6%, а отрыв от про-

чих классов составляет 9,4%, что не укладывается в рамки градиента для остальных знаков. Эта аномалия может объясняться тем, что класс прямоугольных знаков отвечал большему временному интервалу месяцев, чем остальные классы. Действительно, если франко-капгабрийским календарем был лунный, то он в принципе должен был состоять не из десяти, а из двенадцати месяцев при условии, что месяцы были близки лунным. В солнечном годе содержится 12,38 синодических лунных месяцев, и примерно столько же надо предполагать для франко-капгабрийской системы.

Из класса прямоугольных знаков можно выделить группу прямоугольников, гербов и ромбов (21,6%), группу решеток-сеток (17,1%) и остающуюся группу барьеров, тектиформ и пектиформ (15,3%). В этом случае их частоты укладываются в пределы, свойственные для прочих классов, а градиент различий между классами снижается до 0-2,7%. Максимальная частота остается за вторым классом (ветвистые и пр. знаки), а его отрыв от прочих (2,7%) повторяется еще дважды (между седьмым-восьмым и девятым-первым классами), что является нормальным. На карте из Межирича жилища изображались в виде сетчатой фигуры (аналог знаков решеток-сеток) и в виде прямоугольника с вырезом (аналог тектиформ). Таким образом, мало похожие на хижины гербы липнаются прямой аналогии и сближаются с решетками и барьерами лишь в силу геометрического сходства. Клетки внутри гербов могли быть разноцветными (Ласко-1), и денотат для этих фигур неясен. В нижнем-среднем палеолите засвидетельствованы знаки типа прямоугольников (Бильцингслебен, Молодова I [2]) и, возможно, косая сетка в трапецевидном контуре (Бильцингслебен), а также барьер (Молодова I [2]). Выделенные три группы прямоугольных знаков могут отвечать трем зимним месяцам.

Имелись, по крайней мере, еще две группы знаков, в отличие от предыдущих, не засвидетельствованных в нижне-среднем палеолите. Во-первых, это знаки в виде акколад (фигурных скобок), некоторые из которых напоминают неполные гербы (Ле Габийю-2, Ласко-1 и, может быть, Ласко-2) или деформированные прямоугольные знаки (Эль-Кастильо-1, Ла Пилета, Мигро). Иные (собственно фигурные скобки и авиаформы), возможно, происходят от женских символов (Куньяк, Ле Кюзуль-де-Бракони, Леванцо, Улан, Ла Пасьега В, Ле Пеш-Мерль-2, Ле Портель-1, Ле Труа-Фрер-1, Виллар и др.). Таким образом, акколады образуют гетерогенную группу, подгруппы которой находят место в вышеперечисленных знаковых классах. Во-вторых, это знаки в виде отпечатков или контуров руки, иногда с поджатыми пальцами (Гаргас I-1, Тибиран-1, Мальтравьесо, Ласко-1). Их количество в одном святилище может быть огромно (250 экземпляров в Гаргас I-1). Иногда они сопровождаются пунктуациями (Гаргас I-1, Тибиран-1), что наводит на мысль об их принадлежности к широким знакам (А.Леруа-Гуран). Однако счетные знаки (точки и палочки) могут сосуществовать на одном панно. Следовательно, нет препятствий рассматривать руки как счетные символы.

Проанализированная нами знаковая система, возможно, отражала двенадцатимесячный календарь в уже законченной форме, и возникает предположение, что она имела определенную предысторию.

Число памятников мобильного искусства доверхне-палеолитического возраста достигает, вероятно, пяти десятков, из которых мы учли 46. Описание некоторых памятников, например, аккайской мустьерской культуры, не содержит точных хронологических привязок и может быть учтено лишь частично, когда ясен археологический слой находок. Древнейшим свидетельством изобразитель-

ной деятельности является позвонок слона из местонахождения Странска скала, на котором нанесено 7 правильных радикальных зарубок. По-видимому, мы имеем дело со счетным знаком франко-кантабрийского типа, аналогичным знакам в виде рядов черт. Древнейший парный знак известен в Вертешсёллеш: зигзаг, сопровождаемый одинарной чертой, на орудии из бычьей кости.

Отметим, что в искусстве нижнего-среднего палеолита представлены все 12 месячных групп франко-кантабрийских знаков. Причем, по крайней мере, по разу образцы подобных знаков входят в состав парного знака, т.е. группируются с палочками или пунктуациями. Это справедливо для зигзага (Вертешсёллеш, Молодова I (2) и (4), Ле Пеш-де-л'Азе II, Тата), вилки (Молодова I [2] и [4]), полуовала, овала, вувлы, треугольника (все Молодова I [2]), угла (Молодова I [2] и [4], Тата, Эрмитаж), стрелы (Молодова I [2]), креста (Вилен), прямоугольника (Бильцингслебен, Молодова I [2]), сетки (Бильцингслебен) и барьера (Молодова I [2]). В общей сложности парные знаки представлены в 8 местонахождениях (17,4%), а календарные знаки разного рода — в 12 местонахождениях (28,1%; кроме названных, добавлены Бачо-Киро, Пролом II [2], Турске Машгале, Цона). Счетные знаки (палочки, пунктуации) встречаются значительно чаще (65,2%), что в общем отвечает ситуации во франко-кантабрийском искусстве. Приведенные факты позволяют предполагать, что счетно-календарная система франко-кантабрийского типа существовала уже в нижне-среднем палеолите и была унаследована верхнепалеолитическим искусством. Возраст этой системы неразрывно связан с возрастом счетных знаков и может достигать Гюнц/Минделя II (ок. 730000 лет, Странска скала), хотя, строго говоря, собственно календарные знаки появляются лишь в Минделе I/II (Вертешсёллеш). Протстипы счетных знаков можно искать в параллельных чертах на кости из Сензель

(Полыньяк, Верхняя Лаура, Франция, верхний вильафранк, Гюнц I, 1,3 млн. калий/аргон), однако эти "графемы" могут оказаться следами снятия мяса с костей.

Анималистическое искусство нижне-среднего палеолита пока малоизвестно (28,3% местонахождений), однако его бестиарий, по-видимому, носил франко-кантабрийский характер. Представлены лошадь (Пронятин), олень (Молодова I [2]), медведь (Чокурча II), а также неопределенные четвероногие, запечатленные кремневой скульптурой, выявленной Э.Е.Фрадкиным²⁰ (Ахштырь, Богутлу, Иль, Келасури, Кник-Коба [6, 5], Лечкоп, Отхары, Староселье, Тешик-Таш, Яштух). Учитывая генетические связи знаковой системы нижне-среднего палеолита с франко-кантабрийской, можно думать, что нижне-среднепалеолитическая анималистическая система также состояла в генетической связи с франко-кантабрийской анималистической мифологией, что проливает свет на происхождение последней. Наиболее древняя кремневая скульптура появляется в ашеле Богутлу, что можно рассматривать как минимальный возраст анималистической мифологии франко-кантабрийского типа. На наш взгляд, эта мифология была неразрывно связана со счетно-календарной системой, что документально доказывается изображениями на лопатке мамонта из Молодова I (2), где фигурка оленя сопровождается весьма богатой знаковой символикой. В Молодова I (4) со знаками соединена антропоморфная фигурка, которая также должна

²⁰ См.: Фрадкин Э.Е. К вопросу о времени возникновения скульптуры из кремня (в связи с проблемой происхождения палеолитического искусства) // Краткое содержание докладов сессии Ин-та этнографии АН СССР, посв. столетию создания первого Академического этнографо-антропологического центра. Л., 1980. С. 90-92; *Он же*. О нескольких ранних произведениях изобразительного искусства // Сов. этнография, 1985. № 2. С. 122-127; *Левитин К.* Ископаемые концепции // Знание — сила, 1979. № 9. С. 39-43 (интервью с Э.Е.Фрадкиным).

рассматриваться как элемент мифологии франко-кантабрийского типа. Не следует исключать возможности того, что возраст анималистической мифологии достигал возраста счетно-календарной системы нижнего-среднего палеолита.

Как можно видеть, статистический анализ палеолитического искусства дает основания считать его средством выражения анималистической мифологии, связанной со счетно-календарными представлениями. Возраст соответствующей системы взглядов соответствовал Гюнц/Минделю II (730000 лет). Носителями доверхнепалеолитического искусства были человек прямоходящий (Вертешсёллэш, Бильцингслебен), неандерталец (Киик-Коба [6, 5], Ле Мустье [Л], Заскальная VI [За], Ла Ферраси, Ла Кина, Пролом II [1], Джручула, Тешик-Таш) и человек современного подвида (Ахштырь, Староселье), что, вероятно, указывает на их сходные способности к эстетической деятельности и мифологическому творчеству.

Статистика сюжетов палеолитического искусства

Учтено 222 наскальных франко-кантабрийских памятника и 46 мобильных доверхнепалеолитических, от числа которых рассчитан процент встречаемости сюжетов (сперва франко-кантабрийских, затем доверхнепалеолитических).

БЕСТИАРИЙ		202/91%	13/28,3%
(I)	1. Лошадь	147/66,2%	1/2,2%
(II)	Бизон/бык	147/66,2%	
	2. Бизон	115/51,8%	
	3. Бык	77/34,7%	
(III)	4. Горный козел	98/44,1%	
	Олень (благородный, лань, северный)	108/48,7%	1/2,2%
	Благородный олень/лань	96/43,2%	
	5. Благородный олень	72/32,4%	
	6. Лань	55/24,8%	
	7. Мамонт	50/22,5%	
	8. Северный олень	37/16,7%	
(IV)	9. Пещерный лев	38/17,1%	
	10. Медведь (пещерный, бурый)	33/14,9%	1/2,2%
	11. Шерстистый носорог	21/9,5%	
	12. Серна	7/3,2%	
	13. Кабан	7/3,2%	
	14. Мегасерс	6/2,7%	
	15. Волк	6/2,7%	
	16. Сайга	5/2,3%	
	17. Лось	5/2,3%	

	18. Кулан	4/ 1,8%	
	19. Гиена	3/ 1,4%	
	20. Росомаха	3/ 1,4%	
	21. Овцебык	2/ 0,9%	
	22. Ласка	2/ 0,9%	
	23. Лиса	2/ 0,9%	
	24. Заяц	2/ 0,9%	
	25. Горный баран	1/ 0,45%	
	26. Дикий кот	1/ 0,45%	
	27. Тюлень	1/ 0,45%	
7	28. Барсук	1/ 0,45%	
7	29. Бобр	1/ 0,45%	
	Птицы, фаантомы	27/12,2%	
	Птицы	21/ 9,5%	
	Сова/фаантом	12/ 5,4%	
	Неопределенная птица	11/ 5%	
	Фаантом (сова)	10/ 4,5%	
	30. Сова	3/ 1,4%	
	31. Цапля	3/ 1,4%	
	32 Ворон	2/ 0,9%	
	33. Дрофа	1/ 0,45%	
	34. Утка	1/ 0,45%	
	35. Гусь	1/ 0,45%	
	36. Бескрылая гагарка	1/ 0,45%	
	Рыбы	15/ 6,8%	
	Неопределенная рыба	8/ 3,6%	
	37. Лосось	6/ 2,7%	
	38. Морской язык	3/ 1,4%	
	39. Щука	1/ 0,45%	
	Змея	4/ 1,8%	
<hr/>			
	Антропоморф, мужчина	50/22,5%	
	Мужчина	31/14%	
	Антропоморф	30/13,5%	1/ 2,2%
	Женщина	21/ 9,5%	
	ЗНАКИ	201/90,5%	34/73,9%
	Палочки/ черты, пунктуации	175/78,8%	30/65,2%
	Палочки/черты (одинарн., дв., в ряд)	156/70,3%	29/63%
	Ряды палочек/черт, пунктуации	151/68%	28/60,9%

	Одннарные, двойные палочки/черты	117/52,7%	11/23,9%
	A. Одннарные палочки/черты	85/38,3%	7/15,2%
	B. Двойные палочки/черты	92/41,4%	8/17,4%
	C. Ряды палочек/черт	118/53,2%	27/58,7%
	D. Скалнформы	4/1,8%	2/4,4%
	E. Пунктуации (точки, пятна, ямки)	103/46,4%	6-7/13-15,2%
I.	1. Знзгзг, серпентнформа	40/18%	7/15,2%
II.	Ветвнстый, зубчатый знки, вилка, крюк, фаллос, Т-образный знк, пенннформа	67/30,2%	2/4,4%
	2. Зубчатый знк	27/12,2%	
	3. Ветвнстый знк	21/9,5%	
	4. Вилка	17/7,7%	2/4,4%
	5. Крюк	11/5%	
	6. Фаллос	8/3,6%	
	7. Т-образный знк	6/2,7%	
	8. Пенннформа	5/2,3%	
III.	9. Полуовал, полукруг, дуга и т.п.	33/14,9%	2/4,4%
IV.	10. Овал, круг, кольцо	61/27,5%	2/4,4%
V.	Вульва, женщина, клавиформа	60/27%	1/2,2%
	11. Вульва	32/14,4%	1/2,2%
	Женщина	21/9,5%	
	12. Клавиформа	21/9,5%	
VI.	Треугольник, комета, скутнформа	38/17,1%	1/2,2%
	13. Треугольник	21/9,5%	1/2,2%
	14. Комета, всер	20/9%	
	15. Скутнформа	2/0,9%	
VII.	16. Угол	59/26,6%	6/13%
VIII.	Стрела, дротнк	53/23,9%	1/2,2%
	17. Стрела	36/16,2%	1/2,2%
	18. Дротнк	26/11,7%	
IX.	Крест, астернкс	46/20,7%	5/10,9%
	19. Крест	43/19,4%	5/10,9%
	20. Астернкс	9/4,1%	
X.	Прямоугольник, решетка, сетка, барьер, тектнформа, пектнформа	88/39,6%	2/4,4%
(X).	21. Прямоугольник, герб, ромб	48/21,6%	2/4,4%
(XI).	Решетка, сетка	38/17,1%	1/2,2%
	22. Решетка	21/9,5%	
	23. Сетка	20/9%	1/2,2%

(XII). Барьер, тектиформа, пектиформа	34/15,3%	1/ 2,2%
24. Барьер	20/ 9%	1/ 2,2%
25. Тектиформа	11/ 5%	
26. Пектиформа	7/ 3,2%	

Гетерогенные знаки

27. Алколады, авиаформы	18/ 8,1%	
28. Руки	33/14,9%	

Знаки вне системы парных знаков

29. Кривые черты	44/19,8%	1/ 2,2%
30. Скобления	25/11,3%	
31. Меандры, макароны	22/ 9,9%	
32. Наброски пальцами	16/ 7,2%	
33. Хаотичные черты	14/ 6,3%	
34. Пучки черт, линий	5/ 2,3%	
35. Отпечатки пальцев	9/ 4,1%	

**Местонахождения мобильного искусства
нижнего и среднего палеолита Евразии**

ГЮНЦ/МИНДЕЛЬ, 815000–493000

Гюнц/Миндель II, 736000–718000

1. Странска скала (Червени копец, пещера IV), Брно, Южная Моравия, Чехия. Галечная культура (преашель). Гюнц/Миндель II, менее 730000 (палеомагнетизм).
МИНДЕЛЬ, 493000–362000
Миндель I/II, 459000–383000
2. Вертешсёллэш, Татабанья, Комаром, Венгрия. Буда (прототейяк). Миндель I/II, менее 700000 (термолюминесценция) — более 350000 (торий/уран). Человек прямоходящий или разумный дневневенгерский.
3. Терра Амата (С I а), Ницца, Приморские Альпы, Франция. Древний ашель (II). Миндель I/II, 380000 (термолюминесценция).
МИНДЕЛЬ/РИСС, 362000–310000
4. Бильцингслебен (Штайнринне), Артерн, Эрфурт, Тюрингия, Германия. Древний тейяк (протошаранг). Миндель/Рисс III, 350000–300000 (торий/уран).
РИСС, 310000–134000
Рисс I, 310000–262000
5. Маркклеберг, Лейпциг, Саксония, Германия. Поздний ашель (V). Рисс I (Дрентга).
6. Грот дю Пеш-де-л'Азе II (8), Карсак, Дордонь, Франция. Южный средний ашель (IV). Рисс I (Перигор II).
Рисс II, около 240000–220000.
Рисс III, 204000–134000.
7. Вилен, Лёррах, Карлсруэ, Баден, Баден-Вюртемберг, Германия. Мустье. Рисс II (=II, III, Варта).
РИСС/ВЮРМ, 134000–110000
8. Богутлу, Пирмалак, Верин Талин, Армения. Поздний ашель (V).
9. Грот д'Истюрис (М), Сен-Мартен-д'Арберу, Атлантические Пиреней, Франция. Типичное мустье с топориками (экс-ваккон). Рисс/Вюрм.
10. Пещера Кульна (II), Слоуп, Бланско, Южная Моравия, Чехия.

Мустье шарантской традиции типа Таубах (Кина). Рисс/Вюрм.

11. Пещера Янкович (низ), Комаром, Венгрия. Микок типа Янкович (экс-задунайский селет, с конца Рисс/Вюрма).
12. Ильская (низ), Ильский, Краснодар, Россия. Мустье шарантской традиции типа Кина. Конец Рисс/Вюрма, 135000±25000 (уран).
13. Грот Киик-Коба (6, 5), Тау-Кипчак, Симферополь, Крым, Украина. Зубчатое мустье. Рисс/Вюрм, 111000 (коллаген). Человек разумный неандертальский.
ВЮРМ I, 110000–85000
Вюрм I Амерсфорт, 105000–104000
14. Пещера Кульна (9 В), Слоуп, Бланско, Южная Моравия, Чехия. Мустье шарантской традиции типа Таубах (Кина). Вюрм I Амерсфорт.
Вюрм I Брёруп, 100000–92000
15. Тата (Кальвария-Берг), Комаром, Венгрия. Мустье шарантской традиции типа Таубах (Кина). Вюрм I Брёруп, 50000±2500, 33600±1100 (14 С), (95000±10000 уран).
Вюрм I С, 92000–85000
16. Рипаро Тальенте, Верона, Венето, Италия. Мустье. Вюрм I С.
17. Грот/ Заскальная VI (4), Вишенное. Белогорск, Крым, Украина. Мустье ашельской традиции типа А (ак-кая, Вюрм I–II). Вюрм I С.
18. Нижнее абри дю Мустье (G), Ле Мустье, Дордонь, Франция. Мустье ашельской традиции типа А. Вюрм I С (Перигор VII–IX).
19. Грот Киик-Коба (4), Тау-Кипчак, Симферополь, Крым, Украина. Мустье ашельской традиции типа А. Вюрм I С, 86000 (коллаген).
ВЮРМ II, 78000–39000
Вюрм II А, 78000–67000
20. Пещера Бачо-Киро (12), Дряново, Габрово, Болгария. Типичное мустье. Вюрм II А.
21. Пронятин, Тернополь, Украина. Типичное мустье (молодова, Вюрм II А — Вюрм II/III Хенгело, более 45600 — более 40300 14 С). Вюрм II А.
22. Молодова I (4), Сокиряны, Черновцы, Украина. Типичное мустье (молодова). Вюрм II А, больше 44000 (14 С).
23. Молодова I (2), Сокиряны, Черновцы, Украина. Типичное мустье (молодова). Вюрм II А.
Вюрм II Дюрнген, 67000–59000
24. Чокурча II, Луговой (Чокурча), Симферополь, Крым, Украина. Типичное мустье. Вюрм II Дюрнген.
25. Пещера Ахшгырь (13), Адлер, Сочи, Краснодар, Россия. Зубчатое мустье (хоста, Вюрм II Дюрнген — Вюрм II/III Ле Котте, больше

58000 (коллаген) — 35680 ± 480 (14 С), 35000 ± 2000 (уран)). Вюрм II Дюрнген, больше 58000 (коллаген). (Слои 8–7: Вюрм II/III — Ле Котте, 37000 (коллаген) — 35000 ± 2000 (уран): Человек разумный разумный).

Вюрм II В, 59000–51000

26. Нижнее абри дю Мустье (J), Ле Мустье, Дордонь, Франция. Типичное мустье. Вюрм II В 1 (Перигор IV). Человек разумный неандертальский.
27. Грот/ Заскальная VI (3 а), Вишенное, Белогорск, Крым, Украина. Мустье ашельской традиции типа А (ак-кая). Вюрм II В 1. Человек разумный неандертальский.
28. Грот/ Пролом II(2), Белогорск, Крым, Украина. Мустье ашельской традиции типа А (ак-кая). Вюрм II В 2 (более 50000 (14 С), Заскальная V (2), ак-кая).
29. Грот/ Заскальная VI (2), Вишенное, Белогорск, Крым, Украина. Мустье ашельской традиции типа А (ак-кая). Вюрм II В 2, более 45000 (14 С).
30. Грот де л'Эрмитаж (2), Люссак-ле-Шато, Вьенна, Франция. Мустье шарангской традиции типа Ферраси. Вюрм II.
31. Грант абри де Ла Ферраси (CD), Савиньяк-де-Мирмон, Дордонь, Франция. Мустье шарангской традиции типа Ферраси. Вюрм II. Человек разумный неандертальский.
32. Абри де Ла Кина (3), Ле Гард, Шаранга, Франция. Мустье шарангской традиции типа Кина. Вюрм II В 2 (Перигор VI). Человек разумный неандертальский.
33. Грот де л'Эскишо-Грапау, Сент-Анастаси, Гар, Франция. Мустье шарангской традиции типа Кина. Вюрм II.
Вюрм II Мурсхофд, 51000–46500
34. Гротта ди Госто (DC), Монтанья ди Четона, Сартеано-Четона, Сиена, Тоскана, Италия. Мустье шарангской традиции типа Ферраси. Вюрм II Мурсхофд (Перигор VII), 48000 ± 4000 (торий/уран).
35. Навес Староселье, Бахчисарай, Крым, Украина. Восточно-европейский микок. Вюрм II Мурсхофд (вне навеса: 41000 14 С). Человек разумный разумный.
Вюрм II С, 46500–39000
36. Грот дю Портель (в глубине сада), Лубенс, Арьеж, Франция. Типичное мустье. Вюрм II С(Перигор VIII).
37. Грот/ Пролом II (1), Белогорск, Крым, Украина. Мустье ашельской традиции типа А (ак-кая). Вюрм II С. Человек разумный неандертальский (?).

38. Пещера Джрочула, Квемо-Зоди, Чнатурса, Имеретия, Грузия. Типичное мустье (кударо, Вюрм I/II — Вюрм II С, 65000 ± 5000 (уран) — 44150 ± 2400 14 С). (Слой 12, Вюрм II А: Человек разумный 1850 неандертальский).
39. Пещера Цона (5), Джава, Юго-Осетия, Грузия. Типичное мустье (кударо). Вюрм II Мурсхофд — Вюрм II С (?).
40. Пещера Тешик-Таш, Юкары-Мачай, Байсун, Сурхандарья, Узбекистан. Типичное мустье. Вюрм II С, 44000 ± 1000 (уран). Человек разумный неандертальский.
41. Яштух, Нижний Яштух, Сухуми, Абхазия, Грузия. Позднее зубчатое мустье.
42. Лечкоп, Сухуми, Абхазия, Грузия. Развитое мустье.
43. Келасури, Сухуми, Абхазия, Грузия. Развитое мустье. Верхний плейстоцен, позже Рисс/Вюрма I, 134000–122000.
44. Отхары, Гудаута, Абхазия, Грузия. Мустье.
45. Гротта ди Тиволи, Рим, Лацио, Италия. Мустье шарантской традиции понтийского типа (Кина).
46. Пещера Турске Машгале, Тетин, Прага, Центральная Чехия, Чехия. Мустье.

**Местонахождения франко-кантабрийского
наскального искусства**

После порядкового номера святилища, помеченного звездочкой для точно датированных памятников (звездочка в скобках выражает проблематичность точной датировки) или вопросительным знаком для сомнительных (стилистическая неопределенность), а также знаком минус для памятников с холодолюбивым bestiарием (мамонт, северный очень, шерстистый носорог, бескрылая гагарка; минус в скобках для проблематичных случаев, когда о холодолюбивости bestiария свидетельствует лишь присутствие пещерного льва, медведя, полярной? совы или фантома-совы и тюленя), идут название пещеры (грот, куэва, кова, гротта) или убежища (абри, рипаро), которое для разрушенных памятников взято в косые скобки, и географическая привязка. Латинские цифры после названия памятника обозначают независимые одноименные гроты, а арабские цифры — диахронические святилища в одном и том же гроте. Затем указана предположительно синхронная сопровождающая археологическая культура. Иногда приводятся иллюстративные датированные мобильные памятники, близкие наскальным в стилистическом, археологическом или географическом отношении. Порядок памятников внутри стилей проблематичен. Памятники без bestiариев помечены указанием “зн.” (святилище знаков).

ПЕРВОБЫТНЫЙ ПЕРИОД (33000–20100)

СТИЛЬ I (33000–25000)

Вюрм III A (34000–31000)

Ориньяк I (33000–30600)

1. * /Гранг абри де Ла Ферраси/, Савиньяк-де-Мирмон, Дордонь, Франция. Ориньяк I. Вюрм III A 2 (Перигор II A).
2. * /Абри Ларте/, Валлон де Горж-д’Анфер, Сирей, Лез Эйзи-де-Тейяк, Дордонь, Франция. Ориньяк I. Вюрм III A. Следы рисунков.

3. *– /Абри Кастане/, Сержак, Дордонь, Франция. Ориньяк I. Вюрм III А.
4. * /Абри Бланшар-де-Рош II/, Сержак, Дордонь, Франция. Ориньяк I.

СТИЛЬ II (25000–20100)
 Вюрм III С 1 (25000–23500)
 Перигор V (25000–22500)

5. *– Грот де Пер-нон-Пер, Приньяк и Маркам, Жиронда, Франция. Перигор V А (и IV ?). Вюрм III С 1.
6. – Грот де Берну, Бурдей, Дордонь, Франция. Ориньяк (IV ?).
7. – Грот де Жовель, Ла Тур-Бланш, Дордонь, Франция.
8. – Грот де Ла Кроз-а-Гонтран, Сирей, Лез Эйзи-де-Тейяк, Дордонь, Франция. (Перигор V С, Вюрм III С 1 (Перигор VI), абри Пато, Сирей, Лез Эйзи-де-Тейяк, Дордонь, Франция).
9. *– Грот де Гаргас I-1, Авантиньян, Верхние Пиренеи, Франция. Перигор V С.
10. (-) Грот де Тибиран-1, Тибиран-Жонак, Верхние Пиренеи, Франция.
11. – Грот де Рукадур, Темен, Ло, Франция. (Верхний перигор, грот дез Эскабас).
12. *– /Абри Лабатю/, Сержак, Дордонь, Франция. Перигор V С.
13. *– Абри д'Орей-д'Анфер, Валлон де Горж-д'Анфер, Сирей, Лез Эйзи-де-Тейяк, Дордонь, Франция. Перигор V В-С.
14. (-) Куэва де Ла Вейга-де-ла-Перра, Карранса, Бискайя, Испания. (Перигор V С, куэва де Болникоба, Абалиано, Бискайя, Испания).
15. *(-) /Абри де Лоссель/, Марке, Дордонь, Франция. Перигор V А. Вюрм III С 1.
16. Абри дю Пуассон, Валлон де Горж-д'Анфер, Сирей, Лез Эйзи-де-Тейяк, Дордонь, Франция. Перигор V С. Вюрм III С 1.
 Ингерстадиал Вюрм III Тюрсак (23500–22500)
17. Грот де Ла Мут-1, Сирей, Лез Эйзи-де-Тейяк, Дордонь, Франция.
18. (?) Грот дю Рок-де-Везак, Везак, Дордонь, Франция. Перигор V С.
19. Грот де Ла Грез, Марке, Дордонь, Франция. Перигор V А, С.
20. Куэва де Ла Пенья-де-Каңдамо-1, Сан-Роман-де-Каңдамо, Овьедо, Испания.
21. Куэва де Мальтравьесо, Мальтравьесо, Касерес, Испания. Эн.
22. Куэва де Ардалес, Алора, Малага, Испания.
 Перигор VI (23100–22000)

23. Грот дю Кро-Марен, Монгиньи-сьюр-Луэн, Фонтенбло, Сена и Марна, Франция. (Перигор VI, О-ле-Рок, Монгиньи-сьюр-Луэн).
Вюрм III С 2 (22500-20500)
24. Гротта Паличчи, Риньяно Гаргано, Фоджа, Италия. Перигор V В. Вюрм III С 2, 22600±450.
Перигор VII (22500-21700)
25. *– Абри де Ложери-От, Сирей, Лез Эйзи-де-Тейяк, Дордонь, Франция. Перигор VII, 21735±250. Вюрм III С 2 (Перигор VIII).
Протосолотре (21300-20500)
26. – Грот Шабо, Эгез, Гар, Франция. Протосолотре. Вюрм III С 2. (Протосолотре, 20650±300, абри де Ложери-От).
27. – Грот дю Фигье, Сен-Мартен-д'Ардеш, Ардеш, Франция. Протосолотре.
28. – Грот Байоль, Коллья, Гар, Франция.
29. – Грот де ла Бом-Латрон, Рюссан-Сент-Анастаси, Гар, Франция. (Нижнее солотре, 20490, кова дель Парпальо, Гандия, Валенсия, Испания).
Интерстадиал Вюрм III Баньольс (20500-20300)
Нижнее солотре (20500-20100)
30. Грот де Мезеле, Валлон-Пон-д'Арк, Ардеш, Франция. Солотре.
31. Грот де Ла Ваньерес, Валлон-Пон-д'Арк, Ардеш, Франция.
32. Грот де Ла Бом-де-Бушон, Валлон-Пон-д'Арк, Ардеш, Франция.
33. Грот Сомбр, Сен-Мартен-д'Ардеш, Ардеш, Франция. Нижнее солотре.
Вюрм III С 3 (20300-19700)
34. – Грот д'Улан, Ле Гарн, Гар, Франция. Нижнее солотре, более 19710±400, 19360±420.
35. – Грот Юшар, Сен-Мартен-д'Ардеш, Ардеш, Франция. Нижнее солотре.
- АРХАИЧЕСКИЙ ПЕРИОД (20100-15500)
СТИЛЬ III ДРЕВНИЙ (20100-16500)
36. * Грот де Ла Тег-дю-Льон, Бидон, Ардеш, Франция. Вюрм III С 2, 21650±800.
37. – Грот де Гаргас I-2, Авантиньян, Верхние Пиренси, Франция.
38. Куэва де Лос Орнос-де-ла-Пенья-1, Сан-Фелисес-де-Буэльна, Сангандер, Испания. Нижнее солотре.
Среднее солотре (20100-19500)

39. - Грот Майени-Сьянс, Торниье-ан-Шарни, Майени, Франция. Среднее солотре.
40. (-) Куэва де Ла Клотильде-де-Сагта-Исабель, Торрелавсга, Сантандер, Испания.
Верхнее солотре (1990-16500)
Интерстадиал Вюрм III/IV Ложери (19700-18500)
41. Грот де Труа-Фрер-1, Монтескье-Авантес, Арьеж, Франция.
42. Куэва де Ла Меаса, Комильяс, Сантандер, Испания. Зн.
43. Куэва де Кинтаналь, Бальмори, Овьедо, Испания. (Среднее солотре, Куэто де Ла Минья, Овьедо, Испания).
44. Грот дю Рок-д'Алла, Сент-Андре-д'Алла, Дордонь, Франция.
Финальное солотре (18900-18300)
45. Грот де Пюи-Жарриж II, Брив, Коррез, Франция. (Верхнее солотре, грот Фуйяд-дю-Рес, Брив).
46. ? Грот дю Мулен-де-Лагене, Шасто, Коррез, Франция. Зн.
47. Куэва де Лас Эррериас, Льянес, Овьедо, Испания. Зн.
48. Грот дю Кангаль, Кабрере, Ло, Франция. (Верхнее солотре, абри де Кабрере, Кабрере).
49. Грот Ле Кюзуль-де-Мелани, Кабрере, Ло, Франция.
Вюрм IV Дриас I A 1 (18500-17800)
50. - Грот дю Пеш-Мерль-1, Кабрере, Ло, Франция.
51. *(-) /Абри дю Фурно-дю-Дьябль/, Бурдей, Дордонь, Франция. Верхнее солотре, Вюрм IV Дриас I A 1.
52. *- /Абри дю Рок-де-Сер/, Сер, Шаранта, Франция. Верхнее солотре.
53. - Грот де Фье, Мьер, Ло, Франция.
54. - Гранд грот де Сен-Фрон, Домм, Дордонь, Франция.
55. *- Грот де Пижоннье, Домм, Дордонь, Франция. Финальное солотре или бадегуль?
56. - Грот д'Эббу-1, Валлон-Пон-д'Арк, Ардеш, Франция. (Верхнее солотре, Ла Рувьер, Валлон-Пон-д'Арк; верхнее солотре, 17900, кова дель Парпалью).
Мадлен 0 (начальный бадегуль, 18300-17800)
57. * Грот де Касгро-1, Грантельс, Ло и Гаронна, Франция.
Мадлен 0, Вюрм IV Дриас I A 1. (Мадлен 0, 17960±350, интерстадиал Ласко, абри Фрич, Пулиньи-Сен-Пьер, Эндр, Франция).
58. (-) Куэва де Ла Пенья-де-Кандамо-2, Сан-Роман-де-Кандамо, Овьедо, Испания.
59. ?(-) Куэва де Кобрантес, Сан-Мигель-де-Арас, Сантандер, Испания. (Верхнее солотре, куэва де Альтамира).

Интерстадиал Вюрм IV Ласко (17800–16500)

Мадлен I (средний и финальный бадегуль, 17800–15900)

60. ? Куэва Чуфин, Риклопес, Сангандер, Испания. Верхнее солютре, 17480±120, ингерстадиал Ласко.
61. Куэва де Лас Чименеас, Пуэнте Вьесго, Сангандер, Испания.
62. Грот дю Рок-Пуэнтю, Кастельс, Дордонь, Франция. (Мадлен I, грот дю Плакар, Вийоннер, Шарапта, Франция).
63. Абри дю Шваль, Нуаси-сюр-Эколь, Сена и Марна, Франция. (Мадлен I, Ле Борегар, Немур, Сена и Марна).
64. Грот дю Портель-1, Лубенс, Арьеж, Франция. (Мадлен I, грот д'Анлен, Монтескье-Авантес, Арьеж).
65. Грот де Сен-Сирк-1, Сен-Сирк-дю-Бюг, Дордонь, Франция. (Мадлен I-II, абри дю Рок-де-Сен-Сирк, Сен-Сирк-дю-Бюг).
66. Грот де Монгодье, Монброн, Шарапта, Франция.
67. Грот де Мерьер-Сюперьер, Брюникель, Тарн и Гаронна, Франция.
68. Грот де Су-Гран-Лак-1, Мейральс, Дордонь, Франция.
69. Грот дю Папетье, Сольяк, Ло, Франция.
70. Грот де Ла Мут-2, Сирей, Лез Эйзи-де-Тейяк, Дордонь, Франция.
71. Грот де Ла Жюстис/, Бутины-сюр-Эссонн, Эссонн, Франция.
72. * Грот де Ласко-1, Монтиньяк, Дордонь, Франция. Мадлен II, 17190±140, 16100±500, ингерстадиал Ласко.

Вюрм IV Дриас I A 2 (16500–15800)

73. (-) Грот де Габийю-1, Сурзак, Дордонь, Франция. Мадлен II.
74. - Грот де Фон-де-Гом-1, Сирей, Лез Эйзи-де-Тейяк, Дордонь, Франция.

СТИЛЬ III ПОЗДНИЙ (16500–15500)

75. Грот де Ласко-2, Монтиньяк, Дордонь, Франция.
76. - Грот Ла Мартен, Домм, Дордонь, Франция.
77. - Грот де Фо-Моннейер, Бузьес, Ло, Франция.
78. - Грот де Куньяк, Пейриньяк, Ло, Франция.
79. - Грот дю Пеш-Мерль-2, Кабрере, Ло, Франция.
80. Грот Марсенак, Кабрере, Ло, Франция.
81. - Грот де Ла Сюдри, Виллак, Дордонь, Франция. Мадлен II (?).
82. - Грот де л'Альден, Сессера, Эро, Франция.
83. - Капова пещера, Белорецк, Башкирия, Южный Урал, Россия. Верхний палеолит.
84. - Грот де Габийю-2, Сурзак, Дордонь, Франция. Мадлен II.

85. – Грот Каррьо–1, Бузьес, Ло, Франция.
86. – Куэва дель Кастильо–1, Пуэнте Вьесго, Сантандер, Испания.
87. – Куэва де Альтамира–1, Сангильяна–дель–Мар, Сантандер, Испания.
88. – Куэва де Ла Пилета, Серранья–де–Роцца, Малага, Испания.
89. (–) Куэва де Ла Аса, Рамалес–де–ла–Виктория, Сантандер, Испания.
90. (–) Куэва де Атапуэрка, Ибеас–де–Хуаррос, Бургос, Испания.
91. (–) Грот де Мервей, Рокамадур, Ло, Франция.
Интерстадиал Вюрм IV Англъ (15800–15500)
92. Грот Ле Травер–де–Жануа, Пенн, Тарн, Франция.
93. Грот дю Дерок, Валлон–Пон–д’Арк, Ардеш, Франция.
94. Куэва де Салитре, Аханедо, Мьера, Сантандер, Испания.
95. Куэва де Коваланас, Рамалес–де–ла–Виктория, Сантандер, Испания.
96. Куэва де Ла Пасьега С–1, Пуэнте Вьесго, Сантандер, Испания.
97. Куэва дель Кастильо–2, Пуэнте Вьесго, Сантандер, Испания.
98. Куэва де Ла Пасьега А, Пуэнте Вьесго, Сантандер, Испания.
99. Куэва де Ла Грьега, Педроса, Сеговия, Испания.
100. Куэва де Альтамира–2, Сангильяна–дель–Мар, Сантандер, Испания.
101. Грот Ле Кюзуль–де–Браконн, Блар, Ло, Франция.
102. Грот Нанси–1, Сирей, Лез Эйзи–де–Тейяк, Дордонь, Франция.
Мадлен II (?).
103. Грот де Ла Калеви, Сирей, Лез Эйзи–де–Тейяк, Дордонь, Франция.
104. Грот де Виллар, Виллар, Дордонь, Франция.
Вюрм IV Дрньс I B (15500–14800)
105. (–) Абри–су–рош де Ла Шер–а–Кальвин, Мутье–сюр–Бозм, Шаранга, Франция. До верхнего мадлена.
106. – Грот де Бара–Бао, Ле Бюг, Дордонь, Франция.
107. – Куэва де Охо–Гваренья, Паломера, Сотоскуэва, Бургос, Испания. 15600±230.

КЛАССИЧЕСКИЙ ПЕРИОД (15500–13300)

СТИЛЬ IV ДРЕВНИЙ (15500–13300)

108. – Грот де Ласко–3, Монтиньяк, Дордонь, Франция. Мадлен II, 15516±900.
Мадлен III (средний мадлен, 16200/15500–14000/13850)
109. Грот дез Эскабас, Темен, Ло, Франция.

110. Грот де Сасизилоага, Оссюрюк, Атлантические Пиреней, Франция.
111. Абри де Пий-Бурс, Сен-Жермен-ла-Ривьер, Жиронда, Франция. Мадлен III, 15300±410, Вюрм IV Дриас I B.
112. – Грот де Пергусе, Сен-Жери, Ло, Франция.
113. – Грот де Ла Бигурдан, Сен-Жери, Ло, Франция.
114. – Грот де Сент-Элали, Эспаньяк, Ло, Франция. Мадлен III а. (Мадлен III а, 15200±300, грот дю Камбу, Эспаньяк; 15100±270, грот дю Россиньоль, Эспаньяк).
115. – Грот дю Бурнету, Пенсак, Ло, Франция.
116. (-) Грот дю Пеш-Мерль-3, Кабрере, Ло, Франция.
117. * Грот Газель, Саллель-Кабардес, Од, Франция. Мадлен IV, 15070±270, Вюрм IV Дриас I B.
- Интерстадиал Вюрм IV Пребёллинг (14800–14300)
118. Грот де Ла Магделен, Пенн, Тарн, Франция. Мадлен.
119. Грот Кристиан, Бузьес, Ло, Франция.
120. Грот Каррьо-2, Бузьес, Ло, Франция.
121. Грот дю Мулен, Сен-Сирк-Лапопи, Ло, Франция.
122. Грот де Касгро-2, Трангельс, Ло и Гаронна, Франция.
123. Грот Эчеберри, Каму-Синг, Атлантические Пиреней, Франция.
124. Куэва дель Кастильо-3, Пуэнте Вьесго, Сантандер, Испания. Мадлен III.
125. Куэва де Ла Соттариса, Хибаха, Сантандер, Испания.
126. Куэва де Пенчес, Вальделакуэва, Бургос, Испания.
127. Куэва де Ла Лоха, Эль Масо, Овьедо, Испания.
128. Куэва де Льонин, Льонин, Овьедо, Испания.
129. Куэва дель Буксу, Кангас-де-Онис, Овьедо, Испания.
130. Куэва де Ла Пасьега С-2, Пуэнте Вьесго, Сантандер, Испания.
131. Куэва дель Кастильо-4, Пуэнте Вьесго, Сантандер, Испания.
132. Куэва де Альтамира-3, Сантильяна-дель-Мар, Сантандер, Испания.
133. Грот де Ла Мюзарди, Кампань-дю-Бюг, Дордонь, Франция. (Мадлен III, абри дю Рок-де-Сен-Сирк, Сен-Сирк-дю-Бюг, Дордонь).
134. Грот Нанси-2, Сирей, Лез Эйзи-де-Тейяк, Дордонь, Франция.
135. Куэва де Алькерди, Берроберрий, Наварра, Испания.
136. Куэва де Ла Пенья-де-Кандамо-3, Сан-Роман-де-Кандамо, Овьедо, Испания.
- Вюрм IV Дриас I C (14300–13300)

137. (-) Грот де Синиколе–Ко–Карбия, Каму–Синг, Атлантические Пиренен, Франция.
138. *(-) Абри Реверди, Сержак, Дордонь, Франция. Мадлен III а. Вюрм IV Дриас I С.
139. (-) Куэва де Ла Пасьега В, Пуэнте Вьесо, Сантандер, Испания.
140. (-) Куэва де Сантимамиње, Кортесуби, Герника, Бискайя, Испания. Мадлен III.
141. (-) Грот Оцозелайя–Аризтойя, Сен–Мартен–д'Арберу, Атлантические Пиренен, Франция.
142. – Грот д'Эрберюа, Истюриц, Атлантические Пиренен, Франция.
143. – Куэва де Лос Орнос–де–ла–Пенья–2, Сан–Фелисес–де–Бузь–на, Сантандер, Испания. Нижний кантабрийский мадлен.
144. *– Куэва де Тито Бустильо, Роба–де–Селья, Овьедо, Испания. Мадлен V, 14360±300, 14250±300, 14220±180. Вюрм IV Дриас I С (или Дриас II ?).
145. *– Грот де Лабастид, Лабастид, Верхние Пиренен, Франция. Мадлен IV, 14260±440.
146. *– Абри дю Кап–Блан, Марке, Дордонь, Франция. Мадлен III. Вюрм IV Дриас I С (Перигор IV).
147. *– Абри дю Рок–о–Сорсье, Англь–сюр–л'Англен, Вьенна, Франция. Мадлен III а, 14160±80 (или интерстадиал Англь ?).
Мадлен IV (средний мадлен, 15070/14000–13000/12760)
148. Грот де Сен–Сирк–2, Сен–Сирк–дю–Бюг, Дордонь, Франция. (Мадлен III, начало IV, абри дю Рок–де–Сен–Сирк, Сен–Сирк–дю–Бюг; низ мадлена IV, 13890±300, Вюрм IV Дриас I С (Перигор IV), абри де Ла Мадлен, Тюрсак, Дордонь).
149. Грот де Су–Гран–Лак–2, Мейральс, Дордонь, Франция.
150. *– /Абри де Ложери–Бас/, Сирей, Лез Эйзи–де–Тейяк, Дордонь, Франция. Мадлен III. Вюрм IV Дриас I С (Перигор IV). (Мадлен III а, 13850±160, абри де Марсей, Сирей).
151. *– Грот де Марсула, Марсула, Верхняя Гаронна, Франция. Мадлен IV.
152. Грот де Гаргас I–3, Авантиньян, Верхние Пиренен, Франция.
153. Грот де Гаргас II, Авантиньян, Верхние Пиренен, Франция.
154. Грот де Тибиран–2, Тибиран–Жонак, Верхние Пиренен, Франция. Средний мадлен.
155. *– Грот дю Портель–2, Лубенс, Арьеж, Франция. Мадлен IV (12760±170, Бёллинг ?).
156. Грот дю Шваль, Фуа, Арьеж, Франция. Мадлен IV.

157. *(-) Грот де Масса, Масса, Арьеж, Франция. Мадлен IV.
158. *— Грот де Бедейяк, Бедейяк, Арьеж, Франция. Мадлен IV.
159. Грот де Прадьер, Бедейяк, Арьеж, Франция. Зн.
160. Грот дез Эглиз, Усса, Арьеж, Франция.
161. Грот де Фонтане, Орнолак–Усса–ле–Бенс, Арьеж, Франция. (Мадлен IV), 13810±740.
162. – Грот де Нио (и Ле ресо Рене Кластр), Нио, Арьеж, Франция.
163. – Грот де Монтеспан, Ганти–Монтеспан, Верхняя Гаронна, Франция.
164. Грот де Сент–Колом, Сент–Колом, Атлантические Пиренеи, Франция. (Мадлен IV, грот де Сен–Мишель–д'Арюди, Сен–Мишель–д'Арюри, Атлантические Пиренеи; грот д'Эспалонг, Сен–Мишель–д'Арюди).
165. *— Грот дю Мас–д'Азиль, Ле Мас–д'Азиль, Арьеж, Франция. Мадлен IV, более 13640±110, 13400±1000, 13200±110.
166. – Куэва де Альчерри, Айя, Гипускоа, Испания. (Мадлен IV, грот де Беф, Леспюг, Верхняя Гаронна, Франция).
167. – Куэва де Лос Касарес, Риба–де–Саэлисес, Гвадалахара, Испания.
168. – Грот дю Шваль, Арси–сюр–Кюр, Йонна, Франция. (Средний мадлен (IV), 13400±400, 13390±300, абри де Ла Коломбьер, Невиль–сюр–Эн, Эн, Франция).
169. – Грот де Ла Мут–3, Сирей, Лез Эйзи–де–Тейяк, Дордонь, Франция.
170. – Грот де Курназак, Сирей, Лез Эйзи–де–Тейяк, Дордонь, Франция.
171. – Грот де Фон–де–Гом–2, Сирей, Лез Эйзи–де–Тейяк, Дордонь, Франция. Средний мадлен (IV ?).
172. – Грот де Комбарель I, Сирей, Лез Эйзи–де–Тейяк, Дордонь, Франция.
173. – Грот де Комбарель II, Сирей, Лез, Эйзи–де–Тейяк, Дордонь, Франция. Средний мадлен (IV ?).
174. – Грот де Бернифаль, Мейральс, Дордонь, Франция.
175. – Грот дю Бизон, Мейральс, Дордонь, Франция.
176. – Грот де Руффиньяк, Руффиньяк, Дордонь, Франция.
177. Грот де Комарк, Сирей, Лез Эйзи–де–Тейяк, Дордонь, Франция. Мадлен IV, 13370±340, 12760±200 (среднее: 12880±170), конец Вюрма IV Дриас I C.
178. *— Грот де Труа–Фрер–2, Монтескье–Авантес, Арьеж, Франция. (Мадлен IV, 13940±250, 13900±120, Вюрм IV

- Дриас I C; 13400±120, 12900±140, грот д'Анлен, Монтегсье-Авантес).
179. *– Грот дю Тюк–д'Одубер, Монтегсье-Авантес, Арьеж, Франция. Мадлен IV (поздняя фаза).
180. – Куэва дель Пиндаль, Пимнанго, Риба-де-Дева, Овьедо, Испания.
181. ? Куэва де Масакулос, Пимнанго, Риба-де-Дева, Овьедо, Испания. Зн.
182. Куэва де Ла Кульяльвера, Рамалес-де-ла-Викториа, Сантандер, Испания.
183. – Грот дю Буа-дю-Канте, Эспеш, Верхние Пиренеи, Франция. Мадлен V, 13370±270, 13060±430, конец Вюрма IV Дриас I C.

ПОЗДНИЙ ПЕРИОД (13300–10200)

СТИЛЬ IV ПОЗДНИЙ (13300–10200)

184. – Грот де Ла Форс, Тюрсак, Дордонь, Франция.
185. *– Грот д'Истюриц, Сен-Мартен-д'Арберу, Атлантические Пиренеи, Франция. Мадлен IV, Вюрм IV Дриас I C.
186. – Куэва де Альтамира-4, Сангильяна-дель-Мар, Сантандер, Испания. (Мадлен IV, грот дю Пюи-де-Лакан, Мальмор, Коррез, Франция).
187. – Куэва де Лас Монедас, Пуэнте Вьесо, Сантандер, Испания.
- Интерстадиал Вюрм IV Бёллинг (13300–12300)
188. Грот Бланшар, Сен-Марсель, Эндр, Франция. Средний мадлен с “челноками” (IV/V), Бёллинг, около 13000.
Мадлен V (верхний мадлен, 15800/13000 — менее 11800)
189. Грот д'Эббу-2, Валлон-Пон-д'Арк, Ардеш, Франция. Мадлен V, 12980±220, начало Бёллинга.
190. ? Кова Бастера, Корнейя-де-Конфлан, Восточные Пиренеи, Франция. (Верхний мадлен (V ?), Ле Тру Суффлер, Фюйя, Восточные Пиренеи). Зн.
191. Куэва де Лас Агвас-де-Новалес, Новалес, Сантандер, Испания.
192. Куэва де Сантиан, Пуэнте Арсе, Сантандер, Испания. (Мадлен V, абри де Ложери-Бас). Зн.
Вюрм IV Дриас II (12300–11800)
193. *– Грот де Ла Мерн, Тейжа, Дордонь, Франция. Мадлен V (и VI A ?).

194. Гротта дель Кавильоне, Бальци Росси, Гримальди, Вентимилья, Империя, Италия. (Финальный эпиграветт, Вюрм IV Дриас II, около 12200±400, гротта ден Фанчулли, Бальци Росси).
195. ? Гротта ди Флорестано, Бальци Росси, Гримальди, Вентимилья, Империя, Италия. Зн.
196. ? Рипаро Моки, Бальци Росси, Гримальди, Вентимилья, Империя, Италия. Финальный эпиграветт. Вюрм IV. Зн.
197. *– Куэва де Экайн, Дева, Гипускоа, Испания. Верхний мадлен (V ?), 12050±190, Вюрм IV Дриас II.
198. – Куэва дель Пендо, Эскобедо–де–Камарго, Сантандер, Испания. Верхний мадлен (V ?), Вюрм IV Дриас II/Аллерёд, около 11800.
 Вюрм IV Аллерёд (11800–10800)
 Мадлен VI (верхний и финальный мадлен, 14500/11800–10200)
199. * Абри Мюрат, Рокаматур, Ло, Франция. Мадлен VI А.
200. Грот Мюрат, Рокаматур, Ло, Франция. Зн.
201. ? Абри Фостен, Сессак, Жиронда, Франция. Мадлен VI А, 12370±220 (?). Зн.
202. ? Грот де Митро, Люгассон, Жиронда, Франция. (Мадлен VI В, грот де Фонтарно, Люгассон). Зн.
203. – Грот дю Коломбье I, Валлон–Пон–д'Арк и Лабастид–де–Вирак, Ардеш, Франция. Мадлен VI В, Вюрм IV Аллерёд. (Позже мадлена VI В, 12350±200, 12320±600, начало Аллерёда, грот де Дез–Авенс, Валлон, Ардеш).
204. Абри дю Коломбье II, Валлон–Пон–д'Арк, Ардеш, Франция. Мадлен VI В, Вюрм IV Аллерёд.
205. *– Грот де Гуй, Гуй, Приморская Сена, Франция. Мадлен VI В.
206. ? Грот дю Ренар, Ориваль, Приморская Сена, Франция. Зн.
207. * Гротта Дженовесе nell'isola ди Леванцо, Фавиньяна, Эгады, Трапани, Сицилия, Италия. Финальный эпиграветт, 11180.
208. Гротта Раккьо, Ла Кала–делла–Салинелла, Трапани, Сицилия, Италия. Финальный эпиграветт.
209. ? Гротта дель Джильо, Трапани, Сицилия, Италия. Зн.
210. * Рипаро дель Ромито, Папасидеро, Козенца, Италия. Романелли. 10960±950.
 Вюрм IV Дриас III (10800–10200/10000)
211. Гротта ден Пунгали, Монте Лунго, Палермо, Сицилия, Италия.

- Финальный эпиграветт.
212. Рипаро делла Дза Минника, Палермо, Сицилия, Италия.
213. Гротта ди Нишеми, Монте Пеллегринно, Палермо, Сицилия, Италия.
214. Гротта делл'Аддаура I, Монте Пеллегринно, Палермо, Сицилия, Италия. Финальный эпиграветт.
215. Гротта делл'Аддаура II, Монте Пеллегринно, Палермо, Сицилия, Италия.
216. Гротта делла Дза Минника, Палермо, Сицилия, Италия.
217. ? Рипаро Арметта, Палермо, Сицилия, Италия. Зн.
218. ? Гротта делла Монтаньола-ди-Санта-Розалия. Термини-Имересе, Палермо, Сицилия, Италия. Зн.
219. ? Гротта делле Джументе, Чефалу, Палермо, Сицилия, Италия. Зн.
220. ? Гротта ди Сан-Теодоро, Сан-Фрателло, Мессина, Сицилия, Италия. Финальный эпиграветт. Зн.
221. * Гротта Романелли, Терра-д'Отранто, Лечче, Италия. Романелли, 10640±100-9880±100 (11930±520-9050±100 ?), Вюрм IV Дриас III.
222. Грот де Ла Рок, Ла Рок, Эро, Франция. Мадлен VI, 10200±600, Вюрм IV Дриас III.

Хронология кайнозойских оледенений

Возраст изотопных стадий ^{18}O шкалы Шеклтона рассчитан благодаря присутствию в керне Вема 28–238 на глубине 1200 см границы палеомагнитных эпох Матуяма/Брюнес (700000 лет назад). Поскольку ныне возраст рубежа Матуяма/Брюнес оценивается в 730000 лет, даты Шеклтона перерассчитаны соответственно глубинам соответствующих стадий. (Минусы — холодные стадии, плюсы — теплые интерстадиалы).

- 53–38 млн. Эоцен: умеренный климат с эпизодом оледенения в Антарктиде.
- 38 млн. Граница эоцена–олигоцена: крупное глобальное похолодание, оледенение в Антарктиде.
- 38–22 млн. Олигоцен: долгое антарктическое оледенение.
- +22–13 млн. Ранне–среднемиоценовое потепление.
- 13–10 млн. Средний миоцен — ранний поздний миоцен: развитие большой ледовой шапки в Восточной Антарктике, оледенение на Южной Аляске.
- +10–7 млн. Ранний поздний миоцен: умеренный эпизод.
- 7–6,0 млн. Начало антарктического оледенения Тэйлор 5 (7–3, 7 млн., Драй Вэллис).
- 5,18–3,2 млн. Плиоцен (ранний Гильберт — Астий).
- +6,0–4,7 млн. Потепление Эпоха 5 — ранний Гильберт.
- 4,7–4,3 млн. Гляциал Гильберт С в Антарктиде, глобальное морское похолодание.
- +4,3–3,95 млн. Интерстадиал Гильберт VII–V.
- 3,95–3,35 млн. Гляциал Гильберт IV–I в Антарктиде (и Патагонии 3,5 млн.: Гильберт I, 3,7–3,35 млн.), а также на Аляске.
- +3,35–3,2 млн. Интергляциальная трансгрессия Астий (ранний Гаусс).

3,2–0,01 млн. Континентальный плейстоцен (Бибер I –
Вюрм IV).

3,2–0,815 млн. Нижний плейстоцен (Бибер I – Гюнц II).

–3,2–3,0 млн. Гляциал Бибер I.

+3,0–2,6 млн. Интерстадиал Бибер I/II.

–2,6–2,3 млн. Гляциал Бибер II.

+2,3–2,0 млн. Интергляциал Бибер/Донау.

–2,0–1,9 млн. Донау I.

+1,9–1,84 млн. Донау I/II.

–1,84–1,79 млн. Донау II.

+1,79–1,6 млн. Донау II/III.

–1,6–1,55 млн. Донау III.

+1,55–1,5 млн. Донау III/IV.

–1,5–1,43 млн. Донау IV.

+1,43–1,36 млн. Донау/Гюнц.

–1,36–1,27 млн. Гюнц I.

+1,27–0,93 млн. Гюнц I/II.

–0,93–0,815 млн. Гюнц II.

815000–134000 Средний плейстоцен (Гюнц/Миндель I –
Рисс III).

815000–493000 Очень древний средний плейстоцен
(Гюнц/Миндель I – Гюнц/Миндель IV).

+815000–760000 (изотопная стадия 18 0 X 21). Гюнц/Миндель I.

–760000–736000 (X 20) Гюнц/Миндель А.

+736000–718000 (IX 19) Гюнц/Миндель II (Матуяма/Брюнес).

–718000–675000 (IX 18) Гюнц/Миндель В I.

+675000–654000 (VIII 17) Гюнц/Миндель В-2.

–654000–617000 (VIII 16) Гюнц/Миндель В 3.

+617000–566000 (VII 15) Гюнц/Миндель III.

–566000–523000 (VII 14) Гюнц/Миндель С.

+523000–493000 (VI 13) Гюнц/Миндель IV.

493000–362000 Древний средний плейстоцен (Миндель I –
Миндель II).

–493000–459000 (VI 12) Миндель I.

+459000–383000 (V 11) Миндель I/II.

- 383000-362000 (V 10) Миндель II.
- 362000-310000 Средний средний плейстоцен (Миндель/Рисс).
- +362000-310000 (IV 9) Миндель/Рисс.
- 310000-134000 Поздний средний плейстоцен (Рисс I — Рисс III).
- 310000-262000 (IV 8) Рисс I (Перигор I-II).
- +262000-ок. 240000 (III 7 нижняя) Рисс I/II.
- ок. 240000-ок. 220000 (III 7 средняя) Рисс II (Перигор I-IV).
- +ок. 220000-204000 (III 7 верхняя) Рисс II/III.
- 204000-134000 (III 6) Рисс III (Комб-Греналь 1-7).
- 134000-10000 Верхний плейстоцен (Рисс/Вюрм — Вюрм IV).
- 134000-39000 Древний верхний плейстоцен (Рисс/Вюрм — Вюрм II).
- +134000-110000 (II 5e...) Рисс/Вюрм.
- 110000-105000 Вюрм I А (Перигор I).
- +105000-104000 Вюрм I Амерсфорт (Перигор II).
- 104000-100000 Вюрм I В (Перигор III).
- +100000-92000 Вюрм I Брёруп (Перигор IV-VI).
- 92000-85000 Вюрм I С (Перигор VII-IX).
- +85000-78000 (II 5a) Вюрм I/II Оддекаде.
- 78000-67000 (II 4) Вюрм II А (Перигор I-II).
- +67000-59000 Вюрм II Дюрнтен (Перигор III).
- 59000-51000 Вюрм II В 1-2 (Перигор IV-VI).
- +51000-46500 Вюрм II Мурсхофд (Перигор VII).
- 46500-39000 Вюрм II С (Перигор VIII).
- 39000-10000 Поздний верхний плейстоцен (Вюрм II/III — Вюрм IV).
- +39000-37500 Вюрм II/III Хенгело.
- 37500-36000 Вюрм II/III. ○
- +36000-34000 Вюрм II/III Ле Котте.
- 34000-31000 Вюрм III А 1-2 (Перигор I-II).
- +31000-30000 Вюрм III Арси (Перигор III).
- 30000-29000 Вюрм III В (Перигор IV).
- +29000-25000 Вюрм III Кессель (Перигор V).

- 25000–23500 Вюрм III С 1 (Перигор VI).
- +23500–22500 Вюрм III Тюрсак (Перигор VII).
- 22500–20500 Вюрм III С 2 (Перигор VIII–X).
- +20500–20300 Вюрм III Баньольс (Перигор XI).
- 20300–19700 Вюрм III С 3 (Перигор XII–XIV).
- +19700–18500 Вюрм III/IV Ложери.
- 18500–17800 Вюрм IV Дриас I А 1 (Перигор I).
- +17800–16500 Вюрм IV Ласко (Перигор II).
- 16500–15800 Вюрм IV Дриас I А 2 (Перигор III А).
- +15800–15500 Вюрм IV Англь (Перигор III В).
- 15500–14800 Вюрм IV Дриас I В (Перигор III С).
- +14800–14300 Вюрм IV Пребёллинг (Перигор IV А).
- 14300–13300 Вюрм IV Дриас I С (Перигор IV В).
- +13300–12300 Вюрм IV Бёллинг (Перигор IV С).
- 12300–11800 Вюрм IV Дриас II (Перигор V).
- +11800–10800 Вюрм IV Аллерёд (Перигор 6–8).
- 10800–10200/10000 Вюрм IV Дриас III (Перигор 9–11).

10200/10000–0 (дендрохронология: ок. 11700/11480–0)

Голоцен.

- 10200/10000–8800 (11700/11480–10100) Пресбореал.
- (+)8800–7500 (10100–8610) Бореал.
- (+)7500–5500/4300 (8610–6320/4940) Атлантик.
- (-)5500/4300–2750 (6320/4940–3160) Суббореал.
- (-)2750–0 (3160–0=1950 н.э.) Субатлантик.

**Классические археологические культуры
палеолита**

Африка (нижний палеолит):

Преашель (с Бибер I/II, более 2630000 ± 500000 (калий/аргон), 2580000 ± 230000 (цирконы))

Типичный олдовой (Донау II, 1840000 — Донау III, 1550000)

Развитой олдовой А (Донау II/III, 1790000 — Донау/Гюнц, 1360000)

Развитой олдовой В (Донау IV, 1500000 — Гюнц II, 815000)

Развитой олдовой С (Гюнц/Миндель II, 736000 — Гюнц/Миндель III, 566000)

Древний ашель (Донау/Гюнц, 1430000 — Гюнц II, 815000)

Средний ашель (Гюнц II, 930000 — Рисс I, 262000)

Верхний ашель (Миндель I/II, 459000 — Рисс II/III, 204000)

Финальный ашель (Рисс III, 204000–134000)

Европа:

Нижний палеолит (Бибер/Донау, 2300000 — Рисс/Вюрм, 110000)

Преашель (Бибер/Донау, 2300000 — Миндель I/II, 383000)

Протоашель (Гюнц II, 930000 — Миндель II, 362000)

Древний ашель I–III (Гюнц/Миндель II, 736000 — Миндель II, 362000)

Средний ашель IV (Миндель II, 383000 — Рисс II, 220000)

Верхний ашель V (Миндель I/II, 459000 — Рисс/Вюрм, 110000)

Кляктон (Гюнц/Миндель II, 736000 — Рисс I, 262000)

Прототейяк (Гюнц/Миндель II, 736000 — Миндель I/II, 383000)

Древний тейяк (протошарант) (Гюнц/Миндель IV, 523000 — Рисс II, 220000)

Эвано (Рисс I, 310000 — Рисс III, 134000)

Средний палеолит (Рисс I, 310000 — Вюрм III A 1, 32500)

- Эпинашель (Рисс I, 310000 — Рисс III, 134000)
- Мустье шарантской традиции типа Кина (Рисс I, 310000 — Вюрм II/III Хенгело, 37500)
- Мустье шарантской традиции типа Ферраси (Рисс II, 240000 — Вюрм II/III, 34000)
- Мустье типичное (Рисс II, 240000 — Вюрм III А 1, 32500)
- Мустье ашельской традиции типа А (Вюрм I А, 110000 — Вюрм II В 2 (Перигор VI), 51000)
- Мустье ашельской традиции типа В (Вюрм II А, 78000 — Вюрм II/III Хенгело, 37500)
- Мустье с зубчатыми (Рисс I, 310000 — Вюрм II/III Ле Котте, 34000)
- Мустье шарантской традиции типа Таубах (Кина) (Рисс/Вюрм, 134000 — Вюрм II, 39000)
- Микок центрально-европейский (Рисс/Вюрм, 134000 — Вюрм II, 39000)
- Группа Альтмюль (Вюрм II/III Хенгело, 39000–37500)
 Верхний палеолит (Вюрм II Мурсхофд, 51000 — Вюрм IV Дриас III, 10200)
- Перигор 0 (Вюрм II/III, 37500–36000)
- Перигор I (шательперрон) (Вюрм II/III, 37500 — Вюрм III А 1, 32500)
- Ориньяк 0 (экс-перигор II) (Вюрм II/III Ле Котте, 36000 — Вюрм III А 1, 32500)
- Ориньяк I (Вюрм III А 1 (Перигор I D), 33000 — Вюрм III Арси (Перигор III А), 30600)
- Ориньяк II (Вюрм III А 2 (Перигор II В–С), 32000 — Вюрм III В (Перигор IV А), 29600)
- Ориньяк III (Вюрм III Арси (Перигор III С), 30300 — Вюрм III В (Перигор IV), 29000/Вюрм III С 1 а (Перигор VI А), 24500)
- Ориньяк IV (Вюрм III Кессель, 29000–25000/Вюрм III Тюрсак, 22500)
- Перигор IV (древний граветт) (Вюрм III В (Перигор IV С), 29300 — Вюрм III Кессель, 25000)

- Перигор V (средний граветт) (Вюрм III В, 30000/Вюрм III С 1, 25000 — Вюрм III Тюрсак, 22500)
- Перигор V А (Вюрм III Кессель, 28000/Вюрм III С 1 (Перигор VI В–С), 24500 — Вюрм III Тюрсак, 22500)
- Перигор V В (Вюрм III Тюрсак (Перигор VII А), 23500–23100)
- Перигор V С (Вюрм III В, 30000/Вюрм III С 1, 25000 — Вюрм III Тюрсак, 22500)
- Перигор VI (верхний граветт, экс-перигор III) (Вюрм III Тюрсак (Перигор VII В–С), 23100 — Вюрм III С 2 а (Перигор VIII), 22000)
- Перигор VII (финальный граветт, экс-протомадлен) (Вюрм III С 2 А, 22500 — Вюрм III С 2 А/III С 2 В (Перигор IX) 21500)
- Ориньяк V (Вюрм III С 2 А/III С 2 В (Перигор IX), 21700–21300)
- Протосолютре (Вюрм III С 2 В (Перигор X), 21300–20500)
- Древнее солютре (Вюрм III Баньольс, 20500 — Вюрм III С 3 А (Перигор XII), 20100)
- Среднее солютре (Вюрм III С 3 А/III С 3 В (Перигор XIII), 20100 — Вюрм III/IV Ложери, 19590)
- Верхнее солютре (Вюрм III С 3 В (Перигор XIV), 19900 — Вюрм IV Ласко (Перигор II), 16500)
- Финальное солютре (Вюрм III/IV Ложери, 18900 — Вюрм IV Дриас I А 1 (Перигор I), 18300)
- Мадлен 0 (начальный бадегуль) (Вюрм IV Дриас I А 1 (Перигор I), 18300–17800/Вюрм IV Ласко (Перигор II), менее 17800)
- Мадлен I (средний и финальный бадегуль) (Вюрм IV Ласко (Перигор II), 17800–16500/Вюрм IV Дриас I А 2 (Перигор III А), 15800)
- Мадлен II (древний мадлен) (Вюрм IV Ласко, 17400/Вюрм IV Дриас I А 2, 16500 — Вюрм IV Англи, 15500)
- Мадлен III (средний мадлен) (Вюрм IV Дриас I А 2, 16200/Вюрм IV Дриас I В, 15500 — Вюрм IV Дриас I С, 13850)
- Мадлен IV (средний мадлен) (Вюрм IV Дриас I В, 15070/Вюрм IV Дриас I С, 14300 — Вюрм IV Бёллинг, 12760)

Мадлен V (верхний мадлен) (Вюрм IV Дриас I А 2, 15800/Вюрм IV Бёллинг, 13300 — Вюрм IV Аллерёд, мессе 11800)

Мадлен VI (финальный мадлен) (Вюрм IV Дриас I С, 14300/Вюрм IV Аллерёд, 11800 — Вюрм IV Дриас III, 10200)

[Азиль (мезолит) (Вюрм IV Аллерёд, 11800 — Преборсал, 8800)]

Абсолютные даты даны "от наших дней", т.е. от 1950 г. н.э.

Источники таблиц. Таблица 2: *Бонч-Осмоловский Г.А.* Палеолит Крыма: Грот Кинк-Коба. М.; Л., 1940, вып. 1. С. 201, табл. XVIII, 10; *Каландадзе А.Н.* Разыскания по археологии доантичной Грузии: Автореф. дисс. ... д-ра истор.наук. Тбилиси, 1969. С. 22; *Колосов Ю.Г.* Аккайская мустьерская культура. Киев, 1986. С. 67–68, 107–109; *Окладников А.П.* Утро искусства. Л., 1967. С. 27; *Столяр А.Д.* Происхождение изобразительного искусства. М., 1985. С. 124–125; *Формозов А.А.* Очерки по первобытному искусству: Наскальные изображения и каменные изваяния эпохи камня и бронзы на территории СССР. (Материалы и исследования по археологии СССР, № 165). М., 1969. С. 216; *Левитин К.* Ископаемые концепции // Знание — сила, 1979. № 9. С. 39–43 (интервью с Э.Е.Фрадкиным); *Сытник А.С.* Гравированный рисунок на кости с мустьерской стоянки под Тернополем // Пластика и рисунки древних культур: (Первобытное искусство). Новосибирск, 1983. С. 39–46; *Фрадкин Э.Е.* К вопросу о времени возникновения скульптуры из кремня (в связи с проблемой происхождения палеолитического искусства) // Краткое содержание докладов сессии ИЭ АН СССР, посв. столетию создания первого Академического этнографо-антропологического центра. Л., 1980. С. 90–92; *Фрадкин Э.Е.* О нескольких ранних произведениях изобразительного искусства // Сов. этнография, 1985. № 2. С. 122–127; *Черныш А.П.* О времени возникновения палеолитического искусства в связи с исследованиями 1976 г. стоянки Молодова I // У истоков творчества: (Первобытное искусство). Новосибирск, 1978. С. 18–23; *Черныш А.П.*

Многослойная палеолитическая стоянка Молодова I // Молодова I: Уникальное мустьерское поселение на Среднем Днестре. М., 1982. С. 6–102; *Bandi H.-G., Maringer J.* Kunst der Eiszeit. Levantekunst. Arktische Kunst. Basel, 1952, S. 92; *Bourdier F.* Préhistoire de France. Paris, 1967. P. 180, 201; *Eppel F.* Fund und Deutung: Eine europäische Urgeschichte. Wien, München, 1958. S. 37, 63; *Leroi-Gourhan A.* Dictionnaire de la préhistoire. Paris, 1988. P. 526, 588, 1001; *Mania D.* Auf den Spuren des Urmenschen: Die Funde aus der Steinrinne von Bilzingsleben. Berlin, 1990. S. 168–169, Abb. 146. № 3. S. 262–269; Tata Eine mittelpaläolithische Travertin-Siedlung in Ungarn. (Archaeologia hungarica, series nova, t. 43). Budapest, 1964. S. 261–264, 283; *Hugues C., Gagnière S., Rappaz O.* Les Moustériens de Sainte-Anastasiе (Gard) // Festschrift für Lothar Zotz: Steinzeitfragen der alten und neuen Welt. Bonn, 1960. P. 217–231; *Leonardi P.* Incisioni pre-leptolitiche Europee // Annali dell'Universita di Ferrara. Sezione 15: Paleontologia umana e paleontologia. Ferrara, 1975. Vol. 2. № 8. P. 283–321; *Marshack A.* Implications of the paleolithic symbolic evidence for the origin of language // American scientist, 1976. Vol. 64. № 2. P. 136–145; Idem. Some implications of the paleolithic symbolic evidence for the origin of language // Current anthropology, 1976. Vol. 17. № 2. P. 274–282; Idem. On paleolithic ochre and the early uses of color and symbol // Current anthropology, 1981. Vol. 22. № 2. P. 188–191; Idem. Non-utilitarian fragment of bone from the middle palaeolithic layer // Excavation in the Bacho Kiro cave (Bulgaria): Final report. Warszawa, 1982. P. 117; *Martin H.* Comment vivait l'homme de La Quina à l'époque moustérienne // Préhistoire, 1936. T. 5. P. 7–23; *Peyrony D.* Le Moustier, ses gisements, ses industries, ses couches géologiques // Revue anthropologique, 1930. T. 40. № 1–3. P. 48–76; Idem. Le Moustier, ses gisements, ses industries, ses couches géologiques // Revue anthropologique, 1930. T. 40. № 4–6. P. 155–176; Idem. La Ferrassie: Moustérien, Périgordien, Aurignacien // Préhistoire, 1934. T. 3. P. 1–92; *Pradel L., Pradel J.H.* Moustérien évolué

de l'Ermitage // *L'Anthropologie*, 1955. T. 58. № 5-6. P. 433-443; *Tozzi C.* L'industria musteriana della Grotta di Gosto sulla Montagna di Cetona (Siena) // *Rivista di scienze preistoriche*. Firenze, 1974. Vol. 29. № 2. P. 271-304; *Vézian J.* Gisement moustérien de la grotte du Portel, a Loubens (Ariege) // *Bulletin de la Société d'histoire naturelle de Toulouse*. Toulouse, 1955. T. 90. №1-2. P. 211-217.

Таблица 3: *Бадер О.И.* Каповая пещера: Палеолитическая живопись. М., 1965. 34 с; *Столяр А.Д.* Указ. соч. С. 68, прим. 8; *Breuil H.* Quatre cents siecles d'art pariétal: Les cavernes ornées de l'age du renne. Montignac, 1952. 417 p.; *Graziosi P.* L'arte preistorica in Italia. Firenze, 1973. 203 p.; *Laming-Empeire A.* La signification de l'art rupestre paléolithique: Méthode et applications: These de doctorat. Paris, 1962. 424 p.; *Leroi-Gourhan A.* Les religions de la préhistoire: (Paléolithique). Paris, 1964. 155 p.; Idem. Préhistoire de l'art occidental. Paris, 1965. 482 p.; Idem. Arte y grafismo en la Europa prehistorica. Madrid, 1984. 326 p.; Idem. Dictionnaire de la préhistoire. Paris, 1988. 1222 p.; *Ucko P.J., Rosenfeld A.* L'art paléolithique. Paris, 1966. 256 p.; *Vaufrey R.* Le paléolithique italien. (Archives de l'Institut de paléontologie humaine, mémoire 3). Paris, 1928. 196 p.; L'art des cavernes: Atlas des grottes ornées paléolithiques françaises. Paris, 1984. 673 p.; *Graziosi P.* Les industries paléolithiques a dos rabattu et le passage du Paléolithique au Mésolithique en Italie // *Bulletin de la Société préhistorique française*, 1951. T. 48. № 1-2. P. 55-61.

Таблица 4: *Leroi-Gourhan A.* Dictionnaire de la préhistoire. Paris, 1988, s.v. P. 242, tabl. (A. Tuffreau); *La prehistoria/A.Leroi-Gourhan, G.Bailloud, J.Chavaillon, A.Laming-Empeire et al.* Barcelona, 1987. P. 222;

Bonnefille R. Evidence for a cooler and drier climate in the Ethiopian uplands towards 2,5 Myr ago // *Nature*, 1983. Vol. 303 № 5917. P. 487–491; *Cerling T.E., Hay R.L., O'Neil J.R.* Isotopic evidence for dramatic climatic changes in East Africa during the Pleistocene // *Nature*, 1977. Vol. 267. № 5607. P. 137–138; *Ciesielski P.* Biostratigraphy and paleoecology of neogene and oligocene silicoflagellates from cores recovered during Leg 28, Deep Sea Drilling Project // Initial reports of the Deep Sea Drilling Project. Washington, 1975. Vol. 28. P. 625–691; *Hayes D.E., Frakes L.A.* General synthesis, Deep Sea Drilling Project Leg 28 // Initial reports of the Deep Sea Drilling Project. Vol. 28. P. 919–942; *Keany J., Kennett J.P.* Pliocene–Pleistocene radiolarian biostratigraphy and paleoclimatology at DSDP Site 278 on the Antarctic convergence // Initial reports of the Deep Sea Drilling Project. Washington, 1975. Vol. 29. P. 757–767; *Keigwin Jr L.D., Thunell R.C.* Middle Pliocene climatic change in the western Mediterranean from faunal and oxygen isotopic trends // *Nature*, 1979. Vol. 282. № 5736. P. 294–296; *Kennett J.P. et al.* Cenozoic paleoceanography in the southwest Pacific ocean, Antarctic glaciation, and the development of the Circum-antarctic current // Initial reports of the Deep Sea Drilling Project. Vol. 29. P. 1155–1169; *Kennett J.P., Vella P.* Late cenozoic planktonic foraminifera and paleoceanography at DSDP Site 284 in the cool subtropical South Pacific // Initial reports of the Deep Sea Drilling Project. Vol. 29. P. 769–799; *Laville H.* Les remplissages de grottes et abris sous roche dans le Sud-Ouest // *La préhistoire française: Les civilisations palé-olithiques et mésolithiques de la France.* Publié à l'occasion du IXe Congrès de l'UISPP, Nice, 1976. Paris, 1976. T. 1. part. I. P. 250–270; *Lumley H. de.* Cadre chronologique absolu, palé-omagnétisme, chronologie palé-ontologique et botanique, esquisse paléoclimatologique, séquences culturelles // *La préhistoire française.* T. 1, part. I. P. 5–23; *Margolis S.V.* Paleoglacial history of Antarctica

inferred from analysis of Leg 29 sediments by scanning-electron microscopy // Initial reports of the Deep Sea Drilling Project. Vol. 29. P. 1039-1048; *Matthews R.K.* Relative elevation of Late Pleistocene high sea level stands: Barbados uplift rates and their implications // Quaternary research, 1973. Vol. 3. № 1. P. 147-153; *Sancetta C., Imbrie J., Kipp N.G.* Climatic record of the past 130000 years in North Atlantic deep-sea core V 23-82: Correlation with the terrestrial record // Quaternary research. 1973. Vol. 3. № 1. P. 110-116; *Sheckleton N.J.* The stratigraphic record of deep sea cores and its implications for the assessment of glacial, interglacial, stadial, and interstadial in the Mid-Pleistocene // After the Australopithecines: Stratigraphy, ecology, and culture change in the Middle Pleistocene. The Hague, Paris, 1975. P. 1-24; *Sheckleton N.J., Kennett J.P.* Late cenozoic oxygen and carbon isotopic changes at DSDP site 284: Implications for glacial history of the Northern Hemisphere and Antarctica // Initial reports of the Deep Sea Drilling Project. Vol. 29. P. 801-807; *Sheckleton N.J., Opdyke N.D.* Oxygen isotope and palaeomagnetic stratigraphy of Equatorial Pacific core V 28-238: Oxygen isotope temperatures and ice volumes on a 10^5 year and 10^6 year scale // Quaternary research. 1973. Vol. 3. № 1. P. 39-55.

Таблица 5: *Bourdier F.* Préhistoire de France. Paris, 1967. 412 p.; *Leroi-Gourhan A.* Dictionnaire de la préhistoire. Paris, 1988. 1222 p.; Excavation in the Bacho Kiro cave (Bulgaria): Final report. Warszawa, 1982. 178 p.; La prehistoria/A. *Leroi-Gourhan, G. Bailloud, J. Chavaillon, A. Laming-Emperaire* et al. Barcelona, 1987. 331 p.; *Bordes F.* Essai de classification des industries "moustériennes" // Bulletin de la Société préhistorique française, 1953. T. 50, № 7-8, P. 457-466; *Klark J.D., Kurashina H.* Hominid occupation of the East-Central Highlands of Ethiopia in the Plio-Pleistocene // Nature, 1979.

Vol. 282. № 5734. P. 33-39; *Laville H.* Op. cit.; *Leakey M.D.* Cultural patterns in the Olduvai sequence // After the Australopithecines. P. 477-493; *Lumley H. de.* Cultural evolution in France in its paleoecological setting during the Middle Pleistocene // After the Australopithecines. P. 745-808; *Lumley H. de.* Les civilisations du Paléolithique inférieure en Provence // La préhistoire française: Les civilisations paléolithiques et mésolithiques de la France. Publié à l'occasion du IXe Congrès de l'UISPP, Nice, 1976. Paris, 1976. T. 1, part. II. P. 819-851.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение.....	3
<i>Глава I. Предыстория цивилизации</i>	
1. Доисторические реалии.....	8
2. Материальная культура.....	23
3. Духовная культура.....	40
<i>Глава II. Ранняя цивилизация</i>	
1. Накануне цивилизации.....	62
2. Природа ранней цивилизации.....	77
3. Динамика ранней цивилизации.....	95
<i>Глава III. Духовная культура ранней цивилизации</i>	
1. Духовное развитие.....	111
2. Осмысление истории.....	129
3. Становление науки.....	148
Заключение.....	168
Приложение.....	191
Палеолитическое искусство.....	191
Таблица 1. Статистика сюжетов палеолитического искусства.....	219
Таблица 2. Местонахождения мобильного искусства нижнего и среднего палеолита Евразии.....	223
Таблица 3. Местонахождения франко-кавказского наскального искусства.....	227
Таблица 4. Хронология кайнозойских оледенений.....	239
Таблица 5. Классические археологические культуры палеолита.....	243

Научное издание

КЛЯГИН Николай Васильевич

**Происхождение цивилизации
(социально-философский аспект)**

*Утверждено к печати Ученым советом
Института философии РАН*

Редактор *Л.П.Будева*
Художник *В.К.Кузнецов*
Корректор *Н.П.Юрченко*

Лицензия ЛР № 020831 от 12.10.93 г.

Подписано в печать с оригинал-макета 19.10.95.
Формат 70x100 1/32. Печать офсетная. Гарнитура Таймс.
Усл.печ.л. 7,90. Уч.-изд.л. 10,54. Тираж 500 экз. Заказ № 043.

Оригинал-макет изготовлен в Институте философии РАН
Компьютерный набор *Т.В.Прохорова*
Компьютерная верстка *Е.Н.Платковская*

Отпечатано в ЦОП Института философии РАН
119842, Москва, Волхонка, 14